

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный юридический университет»

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

VI Алексеевские чтения

Екатеринбург
2021

УДК 340 (063)
ББК Х0я431
С 69

Ответственный редактор
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
В. Д. Первалов

С 69 Социальная ценность права в современном обществе. VI Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Первалов. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-9631-0916-8

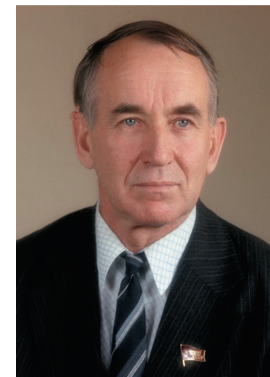
Содержатся тексты выступлений, прозвучавших на шестом Всероссийском симпозиуме «Алексеевские чтения», посвященном памяти выдающегося ученого-правоведа, основателя уральской школы теории права, одного из авторов Конституции и Гражданского кодекса Российской Федерации Сергея Сергеевича Алексева, в которых рассматриваются актуальные проблемы современной теоретической юриспруденции, предлагаются пути их решения.

Научным работникам, практикующим юристам, студентам и преподавателям юридических вузов.

УДК 340 (063)
ББК Х0я431

ISBN 978-5-9631-0916-8

© Уральский государственный
юридический университет, 2021
© Авторы

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

(28 июля 1924 г. – 12 мая 2013 г.)

Выдающийся российский правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент РАН, почетный профессор УрГЮУ, почетный доктор Университета Париж-ХII, первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года».

Вехи жизни

1942–1945 гг. – участник Великой Отечественной войны;
1945–1949 гг. – студент Свердловского юридического института (СЮИ);
1949–1961 гг. – аспирант, преподаватель, профессор СЮИ;
1961–1988 гг. – заведующий кафедрой теории государства и права СЮИ;
1988–1992 гг. – директор Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук;
1989–1996 гг. – народный депутат СССР, Председатель Комитета Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Комитета конституционного надзора СССР, член Президентского Совета и Комитета по правам человека при Президенте Российской Федерации, Председатель Исследовательского центра частного права при Президенте РФ;
1996–2013 гг. – профессор кафедры теории государства и права Уральского государственной юридической академии (УрГЮА).

С. С. Алексеев – один из ведущих разработчиков проектов Конституции Российской Федерации (1993 г.), Гражданского кодекса Российской Федерации и других законодательных актов. Им опубликовано свыше 500 научных и публицистических работ, в том числе 50 монографий, многие из которых изданы за рубежом.

С. С. Алексеев – общепризнанный лидер отечественной юридической науки, ученый с мировым именем, чей вклад в правоведение на протяжении последних десятилетий был столь велик и многогранен, что ничей другой с ним не сравнится. Фундаментальные идеи С. С. Алексеева в области теории и философии права, конституционализма, частного права, нашедшие отражение в десятках монографий и учебников, сотнях статей, не просто обогатили и продвинули вперед науку, они сформировали профессиональное мировоззрение многих тысяч юристов, а воплотившись в законопроектах, благотворно повлияли на всю нашу жизнь, способствовали созданию условий для дальнейшего развития России, помогли реализовать политические и экономические реформы, достигнуть прочного гражданского мира, объединить усилия всего многонационального народа России на пути к процветанию и благополучию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

VI Алексеевские чтения на тему «Социальная ценность права в современном обществе» проходили в Екатеринбурге 3–4 июня 2021 года в рамках XIV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность».

Проблематика VI Алексеевских чтений позволила по-новому взглянуть на представления С. С. Алексеева о ценности права, заключающейся, по глубокому убеждению Сергея Сергеевича, в правовой защите личности, ее достоинства и свободы, в обеспечении организованности и порядка общественной жизни. Примечательно, что в этом году исполняется 50 лет с момента первого выхода в свет одной из лучших работ Сергея Сергеевича под названием «Социальная ценность права в советском обществе» (Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971).

Участие в работе конференции приняли ученые из российских образовательных и научных организаций, расположенных на территории пяти федеральных округов, а также ученые из Киргизии и Украины.

В приветственном адресе организаторам и участникам Алексеевских чтений, направленном Сопредседателем Ассоциации юристов России, доктором юридических наук, профессором Степашиным Сергеем Вадимовичем, была отмечена актуальность темы VI Алексеевских чтений и особая значимость проведения во время Алексеевских чтений торжественной церемонии вручения Всероссийской премии им. С. С. Алексеева «За заслуги в юриспруденции».

В 2021 году лауреатом премии стал Семитко Алексей Павлович, старший научный сотрудник РАН, декан юридического факультета Гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Содержательную повестку VI Алексеевских чтений дополнили выездная экспозиция музея С. С. Алексеева «Восхождение к праву» и книжная выставка «Научное наследие С. С. Алексеева».

От имени кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета и от себя лично благодарю всех участников VI Алексеевских чтений за стремление развивать представления о праве в духе ценностей, заложенных основателем кафедры Сергеем Сергеевичем Алексеевым!

Заведующий кафедрой теории государства и права Уральского государственного юридического университета,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
В. Д. Перевалов

Семишко Алексей Павлович
 доктор юридических наук, старший научный сотрудник РАН
 профессор и зав. кафедрой публичного права
 декан юридического факультета
 Гуманитарного университета,
 приглашенный профессор университета Париж Нантерр (Франция),
 почетный работник высшего профессионального образования РФ,
 лауреат премии имени Сергея Сергеевича Алексеева
 «За заслуги в юриспруденции» 2021 года
 Россия, г. Екатеринбург
 e-mail: asemitko@mail.ru

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ О СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ПРАВА

Аннотация: статья посвящена взглядам С. С. Алексеева на право как важную социальную ценность. К этой проблеме ученый обращался в разные периоды его научного творчества – в ранний и поздний, или, соответственно, советский и постсоветский, специально-юридический и философско-правовой, теоретический и практический, реформаторский. Эти два периода соответствуют и двум эпохам в жизни российского общества. Философско-правовой анализ ученым проблемы социальной ценности права в первый период его творчества является ярким исключением из его работ раннего, специально-юридического периода и более органичным во второй период творчества, когда основное внимание ученого было приковано к философско-правовым и социально-правовым проблемам воплощения в жизнь высоких правовых идеалов. Возвращение к проблеме социальной ценности в реформаторский период творчества ученого показывает, что фундаментальные основания его учения оставались одинаковыми на протяжении всей его творческой жизни – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем», а также неустанный интерес к правовому просвещению как важнейшему средству повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в социальной жизни. Мыслитель выделяет непосредственную ценность права – закрепление и обеспечение им организованности и упорядоченности общественных отношений, в том числе закрепление положения личности в обществе, ее прав и свобод, где высшая социальная свобода – это свобода от эксплуатации, и ценность опосредованная, когда право выражает и закрепляет иные, в том числе общечеловеческие, социальные ценности, нормы нравственности, прогрессивные элементы демократической культуры. Право является поэтому также экономической, политической и духовной ценностью. Анализируется дефиниция права, которая в контексте аксиологического подхода к праву имеет непозитивистскую природу, поскольку связывается мыслителем с требованиями к внутреннему содержанию норм права в виде соответствия их началам справедливости, наличию субъективных прав и определенной самостоятельности субъектов.

Ценность права состоит в том, что оно утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, личную неприкосновенность и безопасность, субъективные права и свободы, а также обеспечивает высокий уровень организованности и порядка в жизни общества.

Ключевые слова: социальная ценность, ценность права, право, достоинство личности, права человека, демократия, гражданское общество, правовое государство, социальное государство, свобода, справедливость, субъективное право.

1. Введение. Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.1924–12.05.2013) – выдающийся ученый-правовед, один из создателей фундамента новой юридической России. Его труды – основа современной теории права, ядра юриспруденции. Он – один из авторов Конституции России и Гражданского кодекса РФ – экономической конституции нашей страны. С. С. Алексеев стоял у истоков парламентаризма и конституционной юстиции нашей страны. Круг проблем и тем, которые исследовал ученый, – достаточно широк, и вопросы социальной ценности права занимают в его наследии видное место. Ученый обращался к этому вопросу как в советское время – в работе «Социальная ценность права в советском обществе» (Алексеев, 1971; Алексеев, 2019), так и в постперестроечную эпоху в работе «Тайна права», имеющей подзаголовок «Его понимание, назначение, социальная ценность», в первых словах введения к которой ученый писал: «Эта книга о праве. О том, что право – великая ценность, наше убежище и надежда, опора в делах, свершениях и бедах» (Алексеев, 2001). В своих трудах ученый доказывал, что Право – это величайшая социальная ценность, которая способствует достижению поставленных обществом целей – свободы, равенства, братства. Совершенное Право есть одно из важнейших средств для решения поставленных задач и одновременно – важнейшая ценность и цель, которая достойна того, чтобы к ней – самой по себе – стремиться, ибо стремление к Праву приводит общество к гармонии и способствует большей защите прав и свобод отдельного человека. Эти идеи ученого приобрели особый вес в период перестройки и последующего демократического развития России, они нашли свое отражение и в идеологии новой, ныне действующей, Конституции России, поскольку право – это величайшая социальная ценность в любом обществе, в любой период его развития, что наша доктрина сегодня, безусловно, прекрасно понимает. Однако были сформулированы эти идеи еще в советское время – в первый период научной деятельности ученого.

2. Две эпохи в жизни страны – два периода в творчестве ученого. В творчестве Сергея Сергеевича Алексеева следует выделить, хотя и несколько условно, два крупных этапа: ранний и поздний, которые можно назвать советским и постсоветским периодами или, соответственно, специально-юридическим и философско-правовым, или, наконец, теоретическим и практическим, реформаторским (в зависимости от критерия, по которому проводится

данное деление), что дает основание говорить о «двух» Алексеевых точно так же, как говорят, например, о раннем и позднем Марксе, о докритическом и критическом периодах в творчестве Канта и т. д. Это – вполне устоявшаяся традиция в анализе научного наследия крупных мыслителей, показывающая различные качественные ступени в развитии их научного творчества.

В советский период у С. С. Алексеева не было системы работ (когда какие-то идеи открываются, «нащупываются» в одной, а потом развиваются в последующих работах), посвященных философии права, кроме некоторых фрагментов в крупных трудах и ряда отдельных статей. В первый, ранний период своего творчества ученый занимался главным образом и почти всецело разработкой специально-юридической проблематики – теорией права и юридической догматикой, осуществлял аналитический и инструментальный анализ права¹. Хотя склонность мыслителя к философско-правовым рассуждениям и обобщениям находила свое определенное выражение и в первый период его творчества тоже: и не только в отдельных фрагментах специально-юридических работ и некоторых научных статьях, но и в публицистике советского периода, где можно найти некоторые его философско-правовые размышления в целом, а также общественно-политические и социально-правовые идеи, связанные в том числе со стремлением ученого найти пути и инструменты повышения правовой культуры общества. Понимая, что правовое воспитание и правовое просвещение являются важнейшими и необходимейшими средствами обеспечения господства права в жизни общества, развития его правовой культуры, автор считал своим долгом делать посильный вклад в ее развитие, публикуя работы, рассчитанные не на юристов, а, прежде всего, на более широкий круг читателей (Алексеев, 1982; Алексеев, 1978).

Указанные два периода в творчестве ученого пронизывает идея социальной ценности права, которая заключается в утверждении «ценности личности, ее высокого положения в обществе, освобождении от эксплуатации, личной неприкосновенности и безопасности» (Алексеев, 1971). Эта идея была разработана мыслителем в работе «Социальная ценность права в советском обществе» и является очевидным и весьма успешным – философско-правовым – исключением из всех его специально-юридических работ раннего периода, что придает ей особый интерес и интригу. Последняя усматривается в том, что ученый, с одной стороны, придерживался в основном позитивист-

ского подхода к праву, а с другой – обосновывал ценность права, рассматривая его «как своего рода высокую *общечеловеческую ценность*, выразителя прогресса человеческого общества» (Алексеев, 1971: 160), а также анализировал закрепленные в праве общественные и личные идеалы, что фактически **выводит его правопонимание за рамки позитивизма уже в советский период**. Во введении к книге 1971 года, посвященной социальной ценности права, С. С. Алексеев пишет: «...Ценностная (аксиологическая) характеристика явлений окружающей действительности призвана расширить наши представления о мире, раскрыть в нем новые грани и связи. В современных условиях это тем более необходимо потому, что вопросы аксиологии как мировоззренческие проблемы выражают практическое, действенное отношение человека к действительности, отношения политической и идеологической борьбы за революционное изменение мира.

Ценностная характеристика охватывает и социально-политические явления, в том числе область права» (Алексеев, 1971: 4). Используемая при этом категория «ценность» потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она «выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека» (Алексеев, 1971: 3). Учение С. С. Алексеева о праве в нашей доктрине нередко относят к позитивистскому и даже узконормативистскому, подразумевая под этим один из крайних вариантов позитивистского правопонимания. Однако обсуждение идеалов и ценностей, как известно, не входит в предмет позитивистской теории права, что в свое время убедительно доказал В. С. Нерсесянц, когда давал анализ легизма – одного из крайних вариантов позитивизма: «Теоретико-познавательный интерес легизма полностью сосредоточен на действующем (позитивном) праве. Все, что выходит за рамки эмпирически данного позитивного права, все рассуждения о сущности права, идеи права, **ценности права** и т. д. позитивисты отвергают как нечто метафизическое, схоластическое и иллюзорное, не имеющее правового смысла и значения» (выделено нами – А. С.) (Нерсесянц, 1998: 11). Это – очень верная констатация, ибо «настоящий» позитивист не станет обсуждать и доказывать ценность права, какие бы то ни было идеалы, которые оно закрепляет: подобные вопросы его совершенно не интересуют, так как не входят в предмет его исследования.

Отсюда следует вывод о том, что в рамках уже первого – специально-юридического в основном – периода своего творчества С. С. Алексеев не ограничивался позитивистским анализом права, а выходил в плоскость юснатуралистских или, точнее, непозитивистских подходов к изучению сущности права. Хотя, несмотря на указанное и весьма показательное исключение философско-правового характера, которое потребовалось для глубокого анализа ценности права, основное внимание в советский период ученый уделял специально-юридической теории права.

¹ Укажем лишь самые основные работы этого периода: Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961 (Алексеев, 1961); Общая теория социалистического права: Курс лекций. В 4 выпусках. Свердловск, 1963–1966 (Алексеев, 1963); Проблемы теории права: Курс лекций. В 2 т. Свердловск, 1972–1973 (Алексеев, 1972); Общая теория права: Курс в 2 т. М., 1981–1982 (Алексеев, 1981); Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966 (Алексеев, 1966); Структура советского права. М., 1975 (Алексеев, 1975); Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989 (Алексеев, 1989) и др.

В постсоветский период у С. С. Алексеева, напротив, нет практически ни одной работы (не то, чтобы монографии, а даже статьи), которая бы была полностью и исключительно посвящена лишь специально-юридической проблематике: ученый стал работать главным образом в русле философии права, а догма и теория права, которым автор по-прежнему уделял достаточно много внимания стали рассматриваться уже в ином аспекте – как своеобразное основание, подтверждение и выражение его философско-правовых рассуждений, то есть аналитическая и инструментальная (общая) теория права рассматривается им теперь на другом уровне или в другом контексте – в контексте философско-правовых идей, которые ученый в основном обсуждал и развивал в этот период.

Второй этап своего научного творчества, начавшийся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и оборванный преждевременной кончиной мыслителя в 2013 году, был посвящен анализу, прежде всего, философско-правовых идей потому, что в постсоветское время встала проблема философско-методологического обоснования нового права, новых правовых идей: старая, коммунистическая идеология разрушилась, показав свою никчемность и тупиковость, античеловеческий и агрессивный характер. Соответствующая ей методология была дискредитирована своими идеологическими основаниями и предпосылками, на которые она опиралась, и потому появилась объективная потребность в поиске новых ориентиров в развитии общества, государства и права, в поиске иной методологии, в постановке и обосновании новых целей развития, в утверждении достоинства личности и ценности человеческой жизни не только в теории, но и на практике. И Сергей Сергеевич одним из первых понял эту необходимость, понял принципиально новый контекст ее проявления и стал реализовывать эту объективную потребность российской науки и трансформирующегося российского социума во всех своих работах постсоветского периода, не оставляя, конечно, совсем своей ранее самой главной – специально-юридической – линии, ставшей в перестроечное и постперестроечное время далеко не основной, хотя и по-прежнему очень и очень важной (разумеется, сюда не включаются поздние переиздания ранних специально-юридических трудов в области догмы права, то есть тех, которые были написаны еще в советское время)². Особенно важно отметить то, что

² Назовем самые основные работы С. С. Алексеева второго, философско-правового периода: Теория права. 2-е изд. М., 1995 (Алексеев, 1995); Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 1997 (Алексеев, 1997); Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М., 2013 (Алексеев, 2013); Право: Азбука Теория Философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999 (Алексеев, 1999); Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000 (Алексеев, 2000); Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001 (Алексеев, 2001a); Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. М.,

глубинные философско-правовые основания нового права мыслитель видел уже в советский период, когда марксистско-ленинская юридическая наука весьма категорически противопоставляла свою методологию и содержание буржуазной юриспруденции, утверждавшей права и свободы человека не только в теории, но и, будучи востребованной властями, способствовала реализации их на практике.

Два периода научного творчества С. С. Алексеева соответствуют двум этапам, двум кардинально различным общественно-историческим эпохам в жизни нашего общества. В конце прошлого, начале нынешнего века в России произошла смена формаций и отчасти даже цивилизационных параметров – от советской, утопически ориентированной на построение принципиально новой цивилизации (почти что райа на земле) в истории человечества, мы вернулись к своим исконным корням и соответствующим им ценностям, которые начали формироваться в России еще до Октябрьского государственного переворота 1917 года (Семитко, 2017: 32–72) и которые другие народы давно уже стремятся воплотить на практике – это такие идеи и ценности, как достоинство и права человека, демократия, гражданское общество, правовое и социальное государство, рыночное хозяйство, солидарность и т. д. Если рассматривать происходящий переход в рамках марксистской парадигмы (понимая его ограничения и не подтвердившуюся гипотезу относительно «закономерной», неминуемой «коммунистической стадии» развития человечества), то произошла смена общественно-экономических формаций, а именно: возврат от социалистической эпохи к капиталистической; от полного запрета частной собственности – к ее признанию и защите; от оценки человека как «винтика», средства построения светлого будущего (но как оказалось на деле, «светлого» лишь в кавычках) к признанию личности в качестве высшей ценности общественного развития; от планового хозяйства – к рыночному; от авторитарного режима – к режиму, который хотя и с большой неохотой, но вынужден идти постепенно к демократическим способам управления обществом, и т. д. Если оценивать изменения по критерию уровня защиты прав и свобод человека (этот подход соединяет одновременно формационные и отчасти цивилизационные критерии, ибо второй этап – это уже новая и во многом единая – ориентированная на человека, его достоинство и свободу – цивилизация), то можно констатировать переход (самые первые его шаги) от социоцентристского

2001 (Алексеев, 2001); Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. – М., 2009 (Алексеев, 2009) и другие. Философско-правовые взгляды автор выражал также и в своих публицистических произведениях, например: Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы. 1987 (Алексеев, 1987); Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М., 1988 (Алексеев, 1988); Перед выбором, Социалистическая идея: настоящее и будущее. М., 1990 (Алексеев, 1990) и др. См. библиографию: Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. Справочный том. Составитель М. Ф. Казанцев. М., 2010 (Алексеев, 2010).

типа общества, государства и права к персонцентристскому типу государственно-правовой системы и соответствующей организации жизни социума в целом (Семитко, 2018: 25–41; Семитко, 2016: 7–14; Семитко, 2013: 86–94). Разве мог в этих условиях выдающийся мыслитель-правовед, каким был С. С. Алексеев, оставаться в прежних специально-юридических и порой вынужденно весьма узких рамках исследования, в рамках одной только догмы права? Разумеется, нет, и поэтому вполне закономерно начался второй этап в жизни и творчестве ученого: философско-правовой в науке и реформаторский в сфере государственно-правового строительства новой России.

Однако уже в ранний период творчества зарождались и разрабатывались главные идеи ученого, связанные с утверждением ценности личности и Права, которое «является “хранилищем” субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным “правовым механизмом”, обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь» (Алексеев, 2019: 186). Эти идеи в полной мере были развиты позже, в постсоветскую – перестроечную, затем постперестроечную – эпоху и это позволяет сделать вывод, что фундаментальные основания учения мыслителя-правоведа были заложены еще в советское время и оставались таковыми на протяжении всей его научной, а во второй период еще и практической, реформаторской деятельности. Вот почему выше, в словосочетании «“два” Алексеева», первое слово было взято в кавычки, поскольку, несмотря на наличие двух этапов в развитии научного творчества С. С. Алексеева, мы можем констатировать, что глубинное основание его учения было одинаковым, то есть общим для обоих периодов – это пietet перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое было их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому воспитанию и просвещению как важнейшим и необходимейшим средствам повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Только в разные периоды научной, а позже еще и реформаторской деятельности ученого, которые соответствовали двум принципиально различным эпохам жизни нашей страны, эти идеи находили неодинаковое словесное и практическое выражение. Так, закрепленная ныне в статье 2 Конституции России идея о правах и свободах человека как высшей ценности, которой ученый придавал громадное значение, работая над проектом Основного закона и настаивая, чтобы это положение открывало Конституцию, то есть было закреплено уже в первой ее статье, в советское время выражалась им иначе – согласно устойчивому в то время дискурсу и принятым в юридической науке подходам он писал: «социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность...» (Алексеев, 2019: 216). Если сделать поправку на социально-политический и иной контекст того времени, то, по сути, перед

нами практически идентичные идеи и в любом случае одно общее основание учения С. С. Алексеева о праве и его предназначении в обществе, которое и было нерушимым фундаментом его научного творчества обоих периодов.

3. Право как ценность – есть социальное благо, полезное для общества и для личности. Непозитивистское определение права. Ценность права ученый демонстрирует через анализ его объективных свойств, что представляет собой предпосылку к тому, чтобы при характеристике проявления этих свойств в процессе правового регулирования жизни общества показать как «работает» и в чем выражается ценность права в целом. При этом право имеет не только собственную, но и инструментальную ценность, поскольку оно *«опосредованно выражает ценность иных, связанных с ними социальных явлений, соответствующих господствующим общественным отношениям»* (Алексеев, 2019: 6–7).

Право имеет непосредственную ценность, поскольку обеспечивает высокую организованность общественной жизни, и ценность опосредованную, поскольку закрепляет и обеспечивает другие социальные ценности. Право, рассмотренное в аксиологическом аспекте, есть «необходимый, социально полезный инструмент общественного развития» (Алексеев, 2019: 218) (из названия первой главы книги), есть социальное благо, – точнее, даже «значительное социальное благо» (Алексеев, 2019: 218) (хотя и не абсолютное (Алексеев, 2019: 217), – которое способно принести пользу как обществу, так и личности. Однако эта польза зависит от социально-экономического, политического, социально-классового и духовного контекста общества, с которым право тесно связано, и в то же время в нем всегда выражаются общечеловеческие ценности: право «нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений. В праве, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях нельзя упускать из поля зрения и те черты, которые являются выражением, хотя и в опосредованном виде, общечеловеческих ценностей, простых норм нравственности, прогрессивных элементов демократической культуры...» (Алексеев, 2019: 7). Здесь следует подчеркнуть два важных момента: во-первых, советская общественная наука в лице ее лучших представителей говорила об общечеловеческих ценностях задолго до того, как эта идея во второй половине 80-х годов стала одним из важнейших перестроечных лозунгов, провозглашенных в книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (Горбачев, 1987: 149–150). И, во-вторых, ценностная характеристика права неотделима от нравственных его оснований – она «нераздельно связана с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости» и показывает, что «позитивист» С. С. Алексеев всегда говорил о связи права с нравственностью и справедливостью и даже, более того, включил последнее требова-

ние (начала справедливости) в дефиницию права, предложенную им в книге «Социальная ценность права в советском обществе» (Алексеев, 2019: 45), что является признаком непозитивистского понимания права, согласно которому, как считает известный современный философ права Роберта Алекси, «понятию права должно быть дано определение, включающее в себя моральные элементы» (Алекси, 2011: 4).

В современный период данный подход немецкого ученого юриста можно назвать одним из ключевых, одним из ведущих в мировом правоведении, но подобный подход был высказан С. С. Алексеевым еще в работе 1971 года, когда в основанной на аксиологической методологии дефиниции права, он выделил такой ключевой признак права, как необходимость субъектов правоотношений, имеющих комплекс субъективных прав и обладающих известной самостоятельностью, действовать **в согласии с началами господствующей справедливости**. Идя от противного, мы можем сделать вывод, что если указанные субъекты правоотношений отклоняются в своем поведении от господствующей в обществе справедливости, то их поведение не будет являться правовым. Это – классический признак естественно-правового понимания права, когда оно, чтобы быть истинным правом, должно пройти «проверку» на предмет соответствия господствующей в обществе справедливости: право «является устойчивой, стабильной нормативной системой классового регулирования, выраженной в такой системе общеобязательных норм, в соответствии с которой субъекты правоотношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости» (Алексеев, 2019: 45). Таким образом, последний признак в данном определении – действие субъектов правоотношений в «согласии с началами господствующей справедливости» – выводит авторский подход за пределы позитивизма, поскольку предлагается ориентировать ведущий, на первый взгляд, признак предложенного правопонимания – «систему общеобязательных норм» – на «начала господствующей справедливости», то есть, с одной стороны, на общие принципы и идеи, которые, по определению, не могут быть изложены полностью, т. е. во всех своих конкретных частностях и деталях в системе общеобязательных правовых норм, а, следовательно, должны быть найдены *вне позитивного*, исходящего от государства, права. Эти начала, идеи, принципы должны, по-видимому, получить свое разъяснение в процессе официального и неофициального (главным образом, доктринального) толкования и в любом случае в деятельности судебной власти (в основном Верховных судов и прежде всего суда конституционного при его, естественно, наличии в той или иной государственно-правовой системе), что повлекло бы за собой ее – судебной власти – закономерное возвышение как относительно самостоятельной ветви государственной власти, хотя хорошо известно, что советская политико-правовая идеология не признавала идею разделения властей.

С другой стороны, понятие «справедливость» – это квинтэссенция морали и нравственности любого общества. Следовательно, ученый предлагает связывать наличие права с условием отражения в нем господствующих начал справедливости, т. е. морально-нравственных начал общества (систему общеобязательных норм можно называть правом только тогда, когда она отвечает данному условию), ибо эти начала адресованы автором одновременно и системе общеобязательных норм (слова «в соответствии с которой» в определении права), и субъектам правоотношений, которые в соответствии с данной системой норм «должны действовать в согласии» с указанными началами справедливости.

В данной дефиниции вообще никоим образом не упомянута одна из ключевых примет позитивистского правопонимания – зависимость права от государства, а идея общеобязательной нормативности («система общеобязательных норм») дополнена или даже скорректирована такими важнейшими содержательными требованиями, как «известная самостоятельность» или, другими словами, автономия, свобода, субъектов правоотношений и требованием наличия у них «комплекса субъективных прав», а также – и это – самое главное – необходимостью ее соответствия упомянутой выше справедливости, что позволяет сделать вывод, что указанная «система общеобязательных норм» только тогда будет правовой, когда будет отвечать указанным характеристикам: самостоятельности, наличию субъективных прав у ее участников и соответствовать господствующей в обществе справедливости. Если же субъекты правоотношений формально действуют в полном согласии с указанной системой общеобязательных норм, но при этом их действия диссонируют с «началами господствующей справедливости», у субъектов правоотношений нет «известной самостоятельности» и комплекса субъективных прав – закрепленной в праве свободы, то опять же нельзя говорить о том, что данная система норм – при отсутствии хотя бы одного из указанных трех содержательных признаков – будет подпадать под определение права, которое дает ученый.

И еще один очень важный момент в дополнение к сказанному выше, но с несколько иной стороны: дефиниция права содержит ряд общих, родовых признаков – устойчивую, стабильную нормативную систему классового регулирования, систему общеобязательных норм. Кроме того, признак «известной самостоятельности субъектов», а тем более указание на начала справедливости без привязки первого и вторых к правовым характеристикам тоже носят общий характер в обоих случаях. Видовые же спецификации того, почему эти последние могут быть отнесены к правовым, появляются лишь при условии, что в указанной системе норм наличествует комплекс субъективных прав. Право как система общеобязательных норм потому только и является правом (и становится таковым в ходе исторического развития), что в ней име-

ются субъективные права – эта одна из ключевых, центральных идей учения С. С. Алексеева о праве, которая проходит через все его творчество как раннего, так и позднего периода. И с особой силой прозвучала она в рамках аксиологического анализа права.

Комплекс субъективных прав как критерий объективного права – это ключевой признак, который наряду с ранее отмеченными выше критериями автономии, т. е. свободы субъекта, и справедливости позволяет вывести данное определение и соответственно правопонимание ученого за пределы позитивистского подхода, поскольку предъявляет ряд требований к самому содержанию системы общеобязательных норм, что не характерно для позитивизма, который на первое и основное место ставит формальный факт издания (или санкционирования) компетентным государственным органом в надлежащем порядке норм, правил поведения, никак не связывая понятие права с внутренними, содержательными характеристиками указанных правил поведения, которые становятся правовыми лишь по произволу государственной власти, формально соответствующему тем или иным и обычно фиктивным требованиям или процедурам – каким-то там «основным нормам», «правилам признания» и прочей откровенно софистической дребедени, которая не может быть научно ни доказана, ни опровергнута, а, следовательно, с точки зрения попперовской концепции демаркации науки не является наукой (Поппер, 2004; Поппер, 2004а).

В аксиологическом, ценностном определении права заложена свобода субъектов и господствующие моральные принципы общества: «особенности специфического содержания права отражаются в принятой терминологии. С этимологической стороны наименование права “правом” оправдано именно потому, что правовая форма общественного регулирования предполагает наличие определенной, гарантированной системы субъективных прав, правомочий. Оно оправдано также потому, что юридические нормы воплощают в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости. Отсюда – и близость по смысловому значению слов “правовое”, “правое”, “справедливое”, “праведное”. Происхождение русского слова “право”, несомненно, связано с тем общим смыслом, который объединяет приведенные слова» (Алексеев, 2019: 47). Можно сделать вывод, что под «специфическим содержанием права» ученый понимает наличие «гарантированной системы субъективных прав, правомочий», а также воплощение юридическими нормами «господствующих моральных принципов, начал справедливости», что и нашло отражение в предложенном им в этой работе непозитивистском, ценностном определении права.

Таким образом, вне соответствия указанным – специфически правовым – требованиям сама по себе «система общеобязательных норм» может выродиться в пустую формальность, т. е. перестанет быть правом. И поэтому

«право как *самостоятельная ценность* проявляется в связи со своим специфическим содержанием» (Алексеев, 2019: 46)³, а это последнее «согласуется с его объективными свойствами. По сути дела эти свойства (в частности, присущая праву нормативность) выражают специфическое содержание права, обеспечивают его действие как классового регулятора, который на началах господствующей морали, справедливости, предполагает наличие известной системы субъективных прав» (Алексеев, 2019: 47).

О моральной ценности права, о справедливости и общечеловеческих принципах нравственности, определяющих специфическое содержание права С. С. Алексеев писал неоднократно: «С этической стороны право связано с принципами морали, в том числе с утверждением элементарных, общечеловеческих принципов нравственности и общежития.

Нравственную основу права с предельной отчетливостью подчеркивал К. Маркс. Он обращал внимание на то, что если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность. Утверждение в праве безнравственности есть произвол, беззаконие – “законодательный произвол”» (Алексеев, 2019: 156).

Таким образом, мораль и нравственность общества лежат в основании права. Однако **«особо существенное значение для права имеют начала справедливости в их конкретно-историческом классовом выражении...»** Проведение справедливости немислимо без использования “равных мер” – начала справедливости органически связаны с правом. Они связаны настолько тесно, что **«правовое в своей основе всегда конструируется и проводится на практике как справедливое...»** (Алексеев, 2019: 157) (выделено нами. – А. С.). Эта важнейшая особенность права – нравственная его основа, связь с моралью и справедливостью – отмечалась в истории правовой мысли ранее, отмечается она и ныне – как в зарубежной литературе (о связи права с нравственностью пишет, например, Роберт Алекси, о чем уже упоминалось выше), так и в отечественной (Мальцев, 2009). С. С. Алексеев придавал указанной связи особое значение, подчеркивая, с одной стороны, что «весьма существенной стороной соотношения права и морали является то, что право может быть охарактеризовано в качестве формы общественного регулирования, основанной на господствующей морали, которая *пронизывает* его содержание, во многом определяет его облик, его черты», а с другой стороны, «право в классовом обществе может быть охарактеризовано в качестве *одной из необходимых форм существования ряда принципов морали*» (Алексеев, 2019: 204). Именно потому, что «принципы нравственности пронизывают право, а

³ В данной работе автор более 10 раз – в разных контекстах и каждый раз с определенным углублением вопроса – пишет о «специфического содержания права», что свидетельствует о его стремлении привлечь особое внимание к столь важной для него проблеме.

также потому, что само право представляет собой явление в широком смысле моральное, оно может быть охарактеризовано в качестве своеобразного носителя морали и, следовательно, моральной ценности» (Алексеев, 2019: 2017).

4. Социальная ценность права многогранна. Ученый выделяет самые различные аспекты социальной ценности права – как собственную, так и инструментальную: *«это также экономическая, политическая, духовная ценность.* Регулируя общественные отношения в области экономики, политики, культуры, морали, право становится носителем ценностей в указанных областях общественной жизни» (Алексеев, 2019: 218). Причем в обоих случаях социальная ценность права – не абсолютная, хотя и весьма *значительная.* Собственная ценность проявляется в том, что оно способствует высокой организованности общественных отношений. Причем эта организованность обеспечивается как посредством соответствующей функциональности («работе» по упорядочению и гармонизации социальных отношений) правовой формы в целом, так и через высокий уровень прав и свобод в обществе в частности: социальная ценность права как надежного инструмента, обеспечивающего высокую организованность общественных отношений, основывается «также на том значении, которое имеют правовые формы в закреплении и обеспечении прав и свобод личности» (Алексеев, 2019: 61). Во втором периоде своего творчества, в работе «Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность» автор пишет о правах человека более подробно, посвящая этому вопросу как отдельные фрагменты работы, так целую главу «Право человека» (Алексеев, 2001: 106–126), однако и в советское время вопросы правовых форм закрепления и обеспечения прав и свобод личности были предметом особой заботы мыслителя – одним из центральных пунктов неопозитивистского определения права в частности и в рамках выделения его специфического (имманентно «правового») содержания (Алексеев, 2019).

Ценность и регулятивные возможности как существенной социальной ценности заложены в его свойствах, **имеющих объективный характер**, – таких, как нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм (Алексеев, 1971: 62, 68). И поэтому право имеет относительную самостоятельность от других сфер и компонентов социальной системы – как от надстроечных, так и от базисных (в марксовской парадигме и соответствующем ему дискурсе о базисе и надстройке), ибо право имеет свою историю. А вот этот последний тезис, который защищал С. С. Алексеев, категорически расходится с марксовской парадигмой, исходя из которой право и другие надстроечные явления, хотя и могут иметь некоторую незначительную, то есть относительную самостоятельность как от базиса, так и друг от друга, но – не более того и поэтому для Маркса (и Энгельса) в противоположность тому, что писал С. С. Алексеев «право не имело своей собственной истории» (Маркс, Энгельс, 1955: 64). Тезис о свойствах права как свойствах объективных мог

бы показаться несколько необычным для советского читателя того периода, и поэтому автор предпринимает теоретические меры для того, чтобы согласовать свой тезис с устоявшейся марксистской доктриной о соотношения объективного и субъективного – «базиса и надстройки», в соответствии с которой право относится к надстроечным, т. е. субъективным, вторичным факторам. В связи с этой доктриной у советского читателя мог возникнуть закономерный вопрос: каким же образом субъективный, вторичный по своей природе фактор общественной жизни может обладать объективными свойствами? И поэтому автор поясняет, что «право можно рассматривать и в другой плоскости соотношения объективного и субъективного – отношения права к индивидуальному сознанию (а также к науке, морали и другим формам общественного сознания). В этой плоскости само право выступает как специфическая социальная (объективная) реальность» (Алексеев, 1971: 63). Данная мысль очень важна, так как право, будучи объективной социальной реальностью, является независимой от субъективного фактора, и этот последний – субъективный фактор, субъект, в том числе и главным образом государственная власть, – по указанной причине не может игнорировать в своей деятельности объективные свойства права, что ученый и подчеркивал неоднократно.

Следует заметить, что глубокий анализ права выводил С. С. Алексеева в ряде случаев на такие тезисы и идеи, которые в чем-то расходились с современной ему марксистской доктриной, и поэтому необходимо было их в той или иной мере согласовывать с указанной господствующей в советской науке доктриной: это касается, например, положений о собственно-правовом развитии (Алексеев, 1971: 68); об объективности свойств права и об относительной самостоятельности правовых форм (Алексеев, 1971: 155), о специфическом «правовом развитии», которое не всегда можно «непосредственно вывести из особенностей экономического базиса» (Алексеев, 1971: 158), которые в определенной мере противоречили постулату о надстроечном, вторичном характере права, а также положению классиков марксизма о том, что право «не имеет своей собственной истории». Разумеется, С. С. Алексеев был настоящим, искренним марксистом и потому не сомневался в основных постулатах этой теории, однако когда собственно правовой анализ приводил его к выводам, расходящимся с данной доктриной, он их не скрывал, но пытался, если это было возможно, совместить их с господствующей в социальной науке того периода парадигмой. Когда же сделать это было невозможно, то он оставлял предлагаемые им тезисы без каких-либо комментариев по поводу соотношения их с господствующей парадигмой: сопоставим приведенный выше постулат К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанный ими в «Немецкой идеологии», о том, что право «не имеет своей собственной истории» с утверждениями ученого о «собственно-правовом развитии». Здесь хорошо видно не только сущностное, но даже и терминологическое расхождение, ибо какое же может

быть собственно-правовое развитие и, следовательно, своя собственная история у объекта, не имеющего таковой согласно утверждениям классиков?! Что касается права как специфической объективной (социальной) реальности («наличной действительности»), то его характеристика в качестве таковой «представляется методологически важной, теоретически необходимой. И не только потому, что отрицание объективного характера права неизбежно ведет к его субъективистской трактовке, при которой право сводится к психическим переживаниям и сознанию людей (выделено нами. – А. С.)» (Алексеев, 1971: 65).

Из положения об объективных свойствах права и из его дефиниции вытекает исключительно важный тезис о том, что использование государством свойств права, не согласуемых с имманентно присущим ему содержанием, есть «законодательный произвол»: этим утверждением вводится идея о связанности государства правом, то есть в советскую правовую доктрину вводится один из важнейших постулатов теории правового государства, которая в советском дискурсе категорически отвергалась. С. С. Алексеев отмечает: несмотря на то, что для своего существования и развития как специфического регулятора право нуждается в опоре на факторы экономического, политического и этического характера, с одной стороны, однако, с другой стороны, будучи «возведенной в закон» (автор сравнивает это «возведение» с определенным возвышением права, поскольку оно получает важнейшую форму своего существования, которая сама по себе имеет большое значение), как бы диктует определенные действия государству, связывает, ограничивает его определенными, вытекающими из собственно-правового содержания рамками. При этом подчеркивается, что государство, тем не менее, может использовать «отдельные свойства права в целях, не согласуемых с особенностями его содержания» (Алексеев, 1971: 152). В таком случае право работает как бы не в «полную силу», обеспечивая минимальные потребности экономического развития и поддержания общего порядка. «В остальном же, – пишет ученый, – использование государством свойств права, не согласуемых с особенностями имманентно присущего ему содержания, представляет собой, по словам К. Маркса, “законодательный произвол” (Маркс, Энгельс, 1955а: 163). Именно тогда право лишается “всякой ценности”, превращается в “одну только пустую маску”» (Алексеев, 1971: 152).

Право – это культурная и интеллектуальная ценность. Право является не только моральной, но и культурной, а также интеллектуальной ценностью. Сама по себе правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы и другие, например юридическая техника, правовой язык, представляют собой известные достижения культуры. В праве «происходит аккумуляция, сосре-

доточение ряда существенных прогрессивных элементов человеческой культуры, получающих новое, всестороннее развитие в условиях социалистического общества» (Алексеев, 1971: 203), поэтому важным элементом культуры является правовая культура, которой охватывается «не только само по себе право, но и другие явления – правосознание, законодательная и юрисдикционная деятельность, практика работы государственного аппарата» (Алексеев, 1971: 203). Указание на уровень правовой культуры «выражает *оценку* состояния права, правосознания, юридической практики с точки зрения передовых, демократических принципов, совершенных приемов регулирования, правил юридической техники, а также уровня знания и понимания права в обществе, строгого и неукоснительного выполнения всех его предписаний, соответствия правотворчества и правоприменительной практики высоким требованиям социалистической законности» (Алексеев, 1971: 203). Отсюда задача развития правовой культуры есть «задача внедрения в право, в законодательство, в практику применения закона всего того, что характеризует право как существенную социальную ценность, явление социалистической культуры» (Алексеев, 1971: 203–204).

Таким образом, право имеет многогранную ценность, но квинтэссенцией, главным ее выражением является то, что право утверждает ценность личности и его высокое положение в обществе, а также в таком **в его «специфическом содержании, связанном с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости» и обеспечением порядка в обществе.**

Идея утверждения правом ценности личности была фундаментом рассуждений ученого о праве в советский период (и не столько о реальном праве, которое уже достигло такого уровня, сколько о праве желаемом) даже если подавляющую часть своих работ в это время он посвятил специально-юридическому анализу права. Та же идея осталась фундаментом и позднего периода его творчества, а также предпринимавшихся им усилий по проведению практических преобразований нашей государственно-правовой действительности в 90-х годах прошлого века, в частности в формулировании им главнейшей правовой ценности российской Конституции – идеи высокого положения личности в нашей правовой системе, того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ, а также ее гл. 2). Эта идея появилась в годы перестройки не на пустом месте, она вызревала в нашей правовой доктрине еще в советский период, для чего были предприняты все необходимые фундаментальные теоретические разработки. Последние не только были крайне важны для научного анализа права и его ценности в советском обществе, но и оказались полезными, что стало понятно лишь сегодня, для того, чтобы данная идея была закреплена в новой российской Конституции. Огромный вклад С. С. Алексеева

в доведение положения о ценности права, которое, помимо прочего, состоит в утверждении правом ценности личности и ее высокого положения в обществе, до законодательного – конституционного – закрепления, а еще раньше и до первых попыток ее практической реализации, которые были предприняты им на посту Председателя Комитета конституционного надзора СССР. К сожалению, даже сегодня не все представители российской юридической доктрины понимают непреходящую ценность данного концептуального положения, о котором ученый писал еще в советские годы и которое, по справедливому замечанию Нено Неновски, впервые обосновало марксизм⁴.

Положение об утверждении правом ценности личности, ее высокого положения в свободном от эксплуатации обществе, о личной неприкосновенности и безопасности предопределяет исключительно важный, центральный характер выдвинутой ученым идеи социальной ценности права, один из важнейших аспектов которой состоит в том, что **«право является “хранилищем” субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным “правовым механизмом”, обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь** (выделено нами. – А. С.) (Алексеев, 1971: 186)». **Социальная ценность права – в его «специфическом содержании, связанном с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости»** (Алексеев, 1971: 220) **и обеспечением порядка в обществе.**

Таким образом, можно сказать, что разработанная еще в советской юридической науке теория социальной ценности права как института, который защищает ценность личности, оказалась в итоге закреплённой в ныне действующей Конституции, что придает ей как исторический вес, так и современное и весьма актуальное звучание, которое указывает на основное направление развитие российской правовой культуры в целом – направление, в котором она должна развиваться согласно открытым юридической наукой глубинным закономерностям права.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971. 216 с.

⁴ Нено Неновски писал: «Необходимость создания экономических, социальных, политических и духовных предпосылок того, чтобы человек вообще, человек как представитель своего рода был возведен в ранг **высшей ценности**, ценности-самоцели, впервые обосновал марксизм» (Неновски, 1987: 185); см. также: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма (Семитко, 2015: 59–83); О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе (Семитко, 2017а: 83–105).

2. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев; предисловие С. А. Степанова; вступительная статья А. П. Семитко. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – LXXX, 223 с.

3. Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. М., 2001. 176 с.

4. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. 187 с.

5. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: Курс лекций. В 4 выпусках. Свердловск, 1963. 265 с.

6. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций. В 2 т. Свердловск, 1972. 369 с.

7. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2 т. М., 1981. 360 с.

8. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.

9. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.

10. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.

11. Алексеев С. С. Азбука закона. Свердловск, 1982. 161 с.

12. Алексеев С. С. Право и наша жизнь. М. 1978. 224 с.

13. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. 288 с.

14. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд. М., 1995. 320 с.

15. Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 1997. 320 с.

16. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М., 2013. 447 с.

17. Алексеев С. С. Право: Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

18. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. 256 с.

19. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001а. 752 с.

20. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. М., 2009. 176 с.

21. Алексеев С. С. Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы. 1987. 174 с.

22. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М., 1988. 175 с.

23. Алексеев С. С. Перед выбором, социалистическая идея: настоящее и будущее. М., 1990. 192 с.

24. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. Справочный том. Составитель М. Ф. Казанцев. М., 2010. 188 с.

25. Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета, 2017. № 4 (19). С. 32–72. URL: https://gu-ural.ru/uploads/2017/12/VESTNIK_2017_4.pdf

26. Семитко А. П. Концептуальное введение: право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре // *Права человека: энциклопедический словарь* / отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2018. С. 25–41;
27. Семитко А. П. О персонцентристском и соционцентристском типах государства и права как теоретической конструкции // *Правовое государство: теория и практика*. 2016. № 3(45). С. 7–14.
28. Семитко А. П. Персонцентристский подход к праву и правовой культуре // *Вестник Гуманитарного университета*. 2013. № 1 (1). С. 86–94.
29. Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 149–150.
30. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму); пер. с нем. М., 2011. 192 с.
31. Поппер К. Логика научного исследования. М., 2004. 447 с.
32. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004а. 638 с.
33. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. 552 с.
34. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3., 1955. 629 с.
35. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1., 1955а. 698 с.
36. Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг.; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова; под ред. В. Д. Зорькина. – М., 1987. 248 с.
37. Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // *Вестник Гуманитарного университета*. 2015. № 4 (11). С. 59–83. URL: <https://gu-ural.ru/uploads/2017/01/Vestnik-GU-2015-4.pdf>
38. Семитко А. П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. 2017а. № 1. С. 83–105. URL: <http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/2017>

Alexey P. Semitko

Doctor of Legal sciences, Senior Researcher of the Russian Academy of Sciences,
Full Professor and Head of the Department of Public Law,
Dean of the Faculty of Law, Liberal Arts University;
Visiting Professor of the University of Paris Nanterre (France);
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;
Laureate of Sergey Sergeevich Alekseev Prize “For Merit in Jurisprudence”
Russia, Yekaterinburg
e-mail: asemitko@mail.ru

SERGEY SERGEEVICH ALEKSEEV ON THE SOCIAL VALUE OF LAW

Abstract: the article is devoted to the views of S. S. Alekseev on law as an important social value. The scientist turned to this problem at different periods of his scientific

creativity – in the early and late, or, respectively, Soviet and post-Soviet, specially legal and philosophical-legal, theoretical and practical. These two periods correspond to two eras in the life of Russian society. The philosophical and legal analysis of the problem of the social value of law in the first period of his work is a vivid exception to his works of the early, specially legal period and more organic in the second period of his work, when the main attention of the scientist was focused on the philosophical, legal and socio-legal problems of realizing high legal ideals. A return to the problem of social value in the reform period of the scientist’s work shows that the fundamental foundations of his teachings remained the same throughout his creative life – this is due to the Right as the most important social value and dignity of the individual, its rights and freedoms enshrined in the Right, which is their “repository,” as well as a tireless attention to legal education as the most important means of improving the legal culture of society and ensuring the rule of law in social life. The thinker emphasizes the immediate value of law – the consolidation and ensuring that it organizes and regularizes social relations, including the consolidation of the position of the individual in society, its rights and freedoms, where the highest social freedom is freedom from exploitation, and the value mediated when the right expresses and enshrines other, including universal human, social values, moral standards, progressive elements of democratic culture. Law is therefore also an economic, political and spiritual value. The definition of law is analysed, which in the context of the axiological approach to law has a non-positivist nature, since it is associated by the thinker with the requirements for the internal content of the law in the form of conformity with their principles of justice, the presence of subjective rights and a certain independence of the subjects. The value of the right lies in the fact that it affirms the value of the individual, her high position in society, personal inviolability and security, subjective rights and freedoms, and also ensures a high level of organization and order in the life of society.

Keywords: social value, value of the law, law, dignity of the personality, human right, democracy, civil society, constitutional state, social state, freedom, justice, subjective right.

Сергей Иванович Архипов
 доктор юридических наук,
 профессор кафедры теории государства и права
 Уральского государственного юридического университета
 Екатеринбург, Россия,
 приглашенный профессор
 университета Париж Нантерр (Франция)
 e-mail: arhip10@mail.ru

С. С. АЛЕКСЕЕВ О СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ПРАВА

Аннотация: в данной статье анализируются представления выдающегося теоретика права С. С. Алексева о социальной ценности права, его роли и значении в жизни общества. Исследуются различные работы, написанные им в советский и постсоветский период российской истории с точки зрения развития его взглядов об общесоциальной и инструментальной (регулятивной) ценности права. Отмечается, что в конце XX столетия на основе изучения творческого наследия И. Канта он приходит к выводу о том, что право – это не просто эффективный регулятор общественных отношений (наряду с другими), а «самое святое, что есть у Бога на земле».

Ключевые слова: социальная ценность права, инструментальная ценность права, правовая культура, социально-правовое развитие, правовой прогресс.

В российской юридической науке XX в., основывавшейся преимущественно на позитивизме, проблема социальной ценности права не относилась к числу актуальных. Большинство юристов прошлого столетия рассматривали право как одну из систем социального регулирования, призванную служить государству, власти, оценивали его эффективность и значение в жизни общества исходя из технико-прикладных задач. На этом фоне особо выделяется фигура выдающегося правоведа, основателя уральской школы теории права С. С. Алексева, для которого проблема собственной ценности права была центральной, как в советский, так и постсоветский период его жизни. Одна из первых работ, посвященных им изучению ценности права («Социальная ценность права в советском обществе»), была написана еще в 1971 г., в эпоху, когда по идеологическим мотивам отрицалась важная роль права в мировом устройстве, а в массовом сознании жила вера в будущее бесклассовое, неправовое коммунистическое общество; когда мало кто отваживался идти против «линии партии», отстаивать необходимость правового развития социума. Именно в этот период С. С. Алексеев призывал российских юристов к осознанию общечеловеческой ценности права,

его глубинной связи с общественным прогрессом (Алексеев, 1971: 160). Он утверждал, что право – «это не только неизбежность, необходимость, но и своеобразный социальный «капитал», то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, «пускать в дело» для решения наших задач» (Алексеев, 1971: 38).

Для идеологов марксизма тезисы об общечеловеческой ценности права, о необходимости построения общества на правовых началах шли вразрез с идеями диктатуры пролетариата, экспроприации частной собственности на орудия и средства производства, создания нового социального строя без государства и права. В этом смысле основной посыл автора работы «Социальная ценность права в советском обществе» явно не укладывался в русло официальной идеологии. Тем не менее, в своих новых работах «Проблемы теории права: Курс лекций» (1972 г.), «Общая теория права» (1981 г.) и других публикациях С. С. Алексеев не только не отказался от ранее сформулированных им идей, но и развил их. Право, по его убеждению, это не только регулятор, обеспечивающий порядок, дисциплину в обществе, но и источник социальной свободы, в нем заключено «торжество правды, справедливости, истины»; в нем он видел нечто большее, чем инструмент осуществления политической воли, то, что «по своей природе «сопротивляется» произволу и беззаконию» (Алексеев, 1981: 101).

После распада СССР наступает новый период в творчестве основателя уральской теоретико-правовой школы, этап глубокого переосмысления исходных позиций с точки зрения понимания права в целом, а также его роли в жизни общества, социальной ценности. Он обращается к истокам либеральной правовой мысли, теорий естественных прав человека, правового государства, особое внимание при этом уделяя российским дореволюционным правоведам, отстаивавшим идеалы гуманизма, признания человека в качестве высшей социально-правовой ценности (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий и др.).

Среди работ нового периода особенно можно выделить «Теорию права», опубликованную им в 1993 г. Одна из центральных тем данной работы – проблема предназначения права, его роли в жизни общества. Главные выводы его исследования заключаются в том, что право должно служить не абстрактно-всеобщим социальным интересам, тем более не господствующему классу, правящим элитам, а отдельным гражданам, индивидам, обеспечивать свободу личности от произвола власти, отправным пунктом для законодателя должно быть признание естественных, неотчуждаемых прав человека (это есть своего рода правовой базис, основа основ правовой системы); кроме того, социальный прогресс есть прогресс правовой, общественное развитие невозможно вне права, без него, оно объективно предполагает правовую форму (в данном пункте он опирается на труды Гегеля и Шеллинга). Таким образом,

ценность права определяется «человеческим содержанием», тем, как воплощаются в нем интересы личности, ее социальные потребности: «Решающим показателем прогресса в этом отношении является развитие гуманитарного содержания права» (Алексеев, 1995: 182).

Наряду с гуманитарным, «человеческим» содержанием ценность права может определяться также его инструментальной, технико-юридической «начинкой». Речь идет о регулятивном потенциале права, способности эффективно воздействовать на субъектов общественных отношений. В «Теории права» в разделе, посвященном правовому прогрессу, С. С. Алексеев отметил особую инструментальную ценность, во-первых, нормативных обобщений, сформулированных в законе норм-принципов (которые позволяют законодателю обозначить правовые приоритеты, исходные начала, указать участникам правоотношений стратегическую цель, преследуемую им при принятии нормативного акта), а также легальных дефиниций, способствующих единообразному и правильному пониманию смысла устанавливаемых им предписаний. Во-вторых, свойство системности права, когда нормы действуют не обособленно, отдельно друг от друга, а представляют собой единый комплекс, целостный «организм»; в этом свойстве права заключена важная предпосылка эффективности правового регулирования. В-третьих, ценность права определяется также уровнем специализации норм, наличия декларативных, коллизионных, охранительных, регулятивных, материальных, процессуальных и других видов юридических положений. «Разделение труда» между нормами обеспечивает законодателю и правоприменителю возможность успешно опосредовать усложняющиеся общественные отношения, решать принципиально новые социальные задачи.

В-четвертых, по мнению С. С. Алексеева, ценность права обуславливается наличием вторичных разноуровневых элементов в его системе, в частности, комплексных отраслей права (предпринимательское, природоохранное, морское, космическое право и т. д.), комплексных правовых институтов, что позволяет успешно регулировать отдельные значимые для общества виды деятельности, новые сферы социальных отношений. В-пятых, с точки зрения повышения регулятивного потенциала права важное значение имеет синхронизация усилий законодателя и правоприменителей по решению социально-правовых задач, успешное совмещение нормативного и индивидуального правового регулирования. В-шестых, ценность права как эффективного социального регулятора также напрямую зависит от наличия специальных юридических гарантий исполнения принятых решений. Речь идет о мерах защиты нарушенных права, предупреждения правонарушений, обеспечительных, восстановительных мерах. Особое место в системе юридических гарантий занимают меры юридической ответственности, их действенность, результативность в конечном счете обуславливают устойчивость, надежность функ-

ционирования всего механизма правового регулирования (Алексеев, 1995: 184–185).

Важной вехой в творчестве С. С. Алексеева было изучение кантовского наследия и написание им работы «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху». По сути, это новый шаг к осмыслению ценности права, постижению его роли, места в общественном мироздании. Влияние кантовских идей на автора «Самое святое...» трудно переоценить, условно его ценностное восприятие права можно разделить на две ступени: одна – до Канта, другая – после Канта. «Кантовский переворот» в оценке места и значения права для современного и будущего социального устройства заключается в том, что в предшествующий период право С. С. Алексеевым рассматривалось как социальная ценность, пусть и общечеловеческого масштаба, но одна среди многих, после же Канта право стало восприниматься им как ценность высшего порядка, самое святое, что есть у человеческого рода. Для него, как и для И. Канта, право (под ним он понимал естественное право) – это тот идеал, к которому необходимо стремиться, именно в правовом устройстве общества заключен «замысел» природы, в нем – наше будущее, конечная цель социального прогресса. Развивая кантовские идеи, он приходит к выводу о том, что право заключает в себе не только социальный идеал, но и готовый «механизм восходящего развития человеческого рода» (Алексеев, 1998: 40–46); в нем уже заложены необходимые элементы, обеспечивающие социальный прогресс, поступательное развитие общества к предустановленной «природой» цели.

Опираясь на естественно-правовые идеи Канта в оценке места и роли права в жизни общества, С. С. Алексеев при этом не упускал из виду позитивное право, его социальный потенциал в сфере внешних (субъект-субъектных) отношений, на «грешной земле»: «Самое существенное, что в немалой степени определяет место и назначение права в жизни и судьбе человеческого рода, – в том, что позитивное право способно дать опору для возвращения людям, притом в области внешней свободы, на «землю», в грешный мир, где теряется нравственная мотивация поступков – тем не менее дает опору для возвращения и сюда нравственных законов, обогащенных разумом» (Алексеев, 1998: 69–70). Следует особо отметить то обстоятельство, что для него всегда было значимо не противопоставлять естественное и позитивное право, а пытаться найти то связующее начало, возвести «мост», который бы объединил эти два «берега».

Социальная ценность права, по мнению С. С. Алексеева, различается в зависимости от исторических ступеней развития общества. В эпоху зарождения социально-правовой системы, когда еще не сформировалось государство и господствует голая сила (доцивилизованное общество), организующее воздействие права сводится к элементарному самосохранению примитивного

социального уклада (ступень «право сильного»). С появлением государства возникают первые представления о правовой справедливости, зарождаются юридические процедуры, письменные формы, закрепляются сословные привилегии, в праве начинает постепенно проявляться «человеческое содержание». В более развитом обществе (в позднем феодальном и раннем капиталистическом) духовный потенциал права, его социальная ценность значительно возрастают: в юридических нормах закрепляются исходные нравственно-гуманистические ценности, право отделяется от религии. В технико-юридическом отношении в данный период также происходят существенные перемены: право приобретает свойства системности, целостности, формальной определенности, общеобязательности и гарантированности; начинают преобладать письменные источники, возрастает влияние юридической науки на процесс правотворчества и применения права.

На верхней ступени «лестницы» правового прогресса, согласно концепции С. С. Алексеева, находится «право гражданского общества», он его также именовал «гуманистическим правом» (Алексеев, 1995: 129; Алексеев, 1997: 72; Алексеев, 1996: 296; Алексеев, 2001: 222; Архипов, 2019: 8–9). Именно оно отвечает кантовским идеалам, заключает в себе высшие социальные ценности, представляет конечный пункт общественного развития. В его основании лежат естественно-правовые принципы, критерием законности принимаемых нормативных актов являются неотчуждаемые права человека. Право гражданского общества есть воплощение мечты человечества о самом свободном и справедливом мироустройстве. Важной вехой на пути к созданию гражданского общества, формированию основ гуманистического права, по его мнению, является переход от «прав человека к праву человека», т. е. от необъективированных, не закрепленных в позитивном праве, по сути, нравственных требований граждан, обращенных к государству как суверену, к нормативно-правовой реальности, объективному праву. Он данный переход рассматривал как «самый главный перелом в мире правовых явлений и правовых представлений, происшедших за всю человеческую историю» (Алексеев, 1999: 117).

Еще один важный момент в ценностном измерении права – это выделение того внутреннего центра, в котором генерируются и аккумулируются исходные, основные социо-культурные ценности права. По мнению С. С. Алексеева, таким внутренним центром права, сформировавшимся более двух тысяч лет назад (в Древнем Риме), в недрах которого впервые зародились и на протяжении многих веков поддерживаются базовые для мирового сообщества ценности, идеалы свободы и равенства (равноправия), является система частного права (Алексеев, 2009: 78–79). Сопоставляя частное и публичное право, он приходит к выводу о том, что они существенно различаются с точки зрения исходных коммуникативных начал: публичное право основывается на

принципах властотношений, частное право – автономии субъектов, свободной воли, совмещения интересов. Именно в частном праве он видел главный источник правового прогресса, духовности, социально-правовой культуры, одну из важнейших ценностей европейской цивилизации.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. 223 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М., 1981. 361 с.
3. Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е. Переработанное и дополненное. М., 1995. 320 с.
4. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. 409 с.
5. Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы.– М.: НОРМА, 1997. 330 с.
6. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
7. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 721 с.
8. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2009. 176 с.
9. Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999. 160 с.
10. Архипов С. С. Идея правового прогресса в трудах С. С. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 6. С. 5–10. DOI: 10.34076/2219–6838–2019–6–5–10

Sergey I. Arkhipov
Doctor of Law, Professor
Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia,
Paris Nanterre (France)
e-mail: arhip10@mail.ru

S. S. ALEKSEEV ON THE SOCIAL VALUE OF LAW

Abstract: this article analyzes the ideas of the outstanding legal theorist S. S. Alekseev about the social value of law, its role and significance in the life of society. Various works written by him in the Soviet and post-Soviet period of Russian history are examined from the point of view of the development of his views on the instrumental (regulatory) value of law and General social value. It is noted that at the end of the XX century, based on the study of the creative heritage of and. According to Kant, he concludes that law is not just an effective regulator of social relations (along with others), but “the most sacred thing that God has on earth”.

Keywords: social value of law, instrumental value of law, legal culture, social and legal development, legal progress.

Андрей Николаевич Бабенко
 доктор юридических наук, профессор,
 судья Третьего арбитражного апелляционного суда
 г. Красноярск, Россия
 e-mail: babenkodoc@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению ценностного значения права и анализу ценностных критериев права. Традиционно ценность права видится в обеспечении порядка и организованности в обществе. Издавна право охраняет и защищает свободу личности. В этом плане ценность личности как основного субъекта правоотношений не подвергается сомнению. Вместе с тем актуальным на современном этапе развития социума становится рассмотрение права с позиции ценности справедливости.

Ключевые слова: право как ценность, правовые ценности, ценность свободы, ценность справедливости.

В отечественной теории права вопрос о ценностных критериях права долгое время не был предметом обсуждения. Причина этого кроется в недооценке значения правовой аксиологии, как самостоятельного направления в юриспруденции.

Никому не придет в голову оспаривать ценностное значение права. Вопрос состоит в том, какие ценности олицетворяет право и в каком обществе оно функционирует. Право может быть ценным для общества, для личности, государства или для иной социальной группы или института. В тоже время право олицетворяет доминирующие ценности свободы, справедливости и равенства, или их причудливое сочетание.

Ценность права выражается как в общих характеристиках, раскрывающих его значение, место в жизни общества, так и в том, что существуют отдельные правовые ценности. Право и правовые нормы формируются как ценностные явления. Ценностный аспект права в конечном счете объясняется определенной свободой выбора человеком поведения в процессе достижения своих целей. Право, безусловно, входит в круг ценностных явлений, оно выступает в качестве объекта ценностных отношений.

В силу ценностного релятивизма право может оцениваться разными субъектами в разные исторические периоды с разных сторон (ценными представляются различные действительные или мнимые признаки права).

Рассмотрим основные ценностные критерии. Прежде всего право выступает фактором общественной консолидации, оно регулирует процессы изменений, оберегая общество от дезорганизации, что касается не только отдельного общества, но и действует в масштабе международного сообщества в целом. Это определяется именно универсальными регулятивными свойствами права и связью с государственными институтами. Ценность права обычно раскрывается через его положительную роль для общества или отдельной личности.

Человек предстает высшей ценностью. Известно суждение И. Канта о том, что к человеку следует относиться не как к средству достижения целей, даже благих, а как к главной цели. Человек как высшая цель – не автономная особа, а личность, сознающая, что ее поведение в отношении к обществу должно представлять своего рода критерий общего нравственного закона. И. Кант не отрицает в личности общественного начала, но общественное в человеке не должно и не может убивать или стеснять его природный индивидуализм, его личностный интерес, до которого государству, если индивид не преступил закон, нет дела вообще (Кант, 1965:309).

У Т. Парсонса право входит в систему общих ценностей, которая является результатом индивидуальных взаимодействий: действие соответствует нормам тогда, когда оно соответствует тому, что другие ожидают от нас. «Каждая социальная система отвечает четырем функциональным императивам: адаптации, целедостижению, сохранению модели, интеграции. Эту последнюю функцию призвано обеспечить право» (Parsons, 1962:115).

Организирующая роль права заключается в способности отыскивать возможность выхода из ситуаций коллективного напряжения. Стабильность общества зависит от целостного оформления ценностных ориентаций. Правовые ценности предполагают единение целей личности с целями господствующих социальных групп. Именно правовые ценности и нормы дают возможность уменьшить несовместимость ожиданий до такой степени, когда сосуществование в системе становится возможным.

Моральные, культурные и иные другие ценности посредством права приобретают значение правовых ценностей. Право придает им практическую силу, обеспечивает условия для их осуществления и выступает в качестве средства их достижения.

Важнейшие социальные ценности, отраженные в праве, пронизывают его изнутри, онтологизируются в нем, обретают «второе рождение», превращаясь в правовые принципы (Кудрявцев, 1978:99). Ценностная характеристика права определяется такими его признаками как нормативность, общеобязательный характер, обеспечение соблюдения правовых предписаний со стороны соответствующих организаций и является как бы отражением разнообразных социальных ценностей. Но у права есть и своя собственная доминирующая

ценность, непосредственно связанная с его природой и назначением, которая меняется в соответствии с историческими потребностями.

В 60–70-е гг. получило признание следующее высказывание, касающееся ценности права: «Право как ценность противостоит режиму произвола и беззакония. Хотя на протяжении веков в действовавшее право отнюдь не всегда вкладывалось содержание, отвечающее нуждам социального прогресса, но вместе с тем, в условиях классового общества без права нельзя утверждать принципы демократии, равенства, свободы личности и т. д. И в этом ценность права и законности» (Туманов, 1967: 16).

Это понимание ценности права дополнялось многими отечественными правоведами тех лет определением инструментальной ценности права. Последнее часто называлось «рычагом», «инструментом» в деле решения социальных задач, достижения целей социалистического общества. Это означает, что право указанными исследователями воспринималось как средство, что его ценность сводится к ценности средства. Оно ценно в той мере, в какой помогает реализации признанных в обществе ценностей. Ценность права – это способность служить целью и средством для удовлетворения социально-справедливых, прогрессивных потребностей и интересов личности и общества.

Сторонники естественно-правовой теории ищут ценность права в принципах естественного права, которое служит критерием, эталоном для позитивного права. В тоже время, естественное право разнородно и порой противоречиво.

Возникновение аксиологического подхода в праве связано с различием права естественного и права позитивного (властно данного, официального) в рамках естественно-правовых концепций. В соответствии с ними естественное право воплощает в себе ценности «настоящего» права и представляет образец, цель, критерий для оценки позитивного права, для определения его реальной ценности. При этом естественное право понимается как исходно, априорно абсолютная ценность. Эта абсолютная ценность в самом деле включает наряду с объективными свойствами права и различные моральные (религиозные, нравственные) характеристики.

Представители социологической теории находят ценность права в фактическом правопорядке (в его развитии и организованности). Социологизм видит ценность права в материальных отношениях, в их непосредственной форме.

Позитивизм считает, что право имеет свой ценностный критерий в государственном установлении, черпает силу в государстве. Происходит «этатизация» права. Это фактически преграждает путь к личностному пониманию права.

Позитивизм признает лишь ценность закона (позитивного права) и отвергает по существу собственно правовые ценности. Ценность закона (позитивного права) – это его официальная общеобязательность, властная императивность. Причем эта ценность лишена собственно ценностного смысла, общезначимости по какому-либо объективному обоснованию.

Согласно мнению Г. Кельзена, право ценно только как приказание, норма. В таком смысле право воспринимается как форма долженствования. «Нельзя сказать, как это часто делается, что право не только представляет собой норму (или приказание), но что оно также составляет или выражает некую ценность (подобное утверждение имеет смысл только при допущении абсолютной Божественной ценности) Ведь право составляет ценность как раз потому, что оно есть норма...» (Кельзен, 1987: 17). Эта «норма» у Кельзена – чистое приказание-долженствование. Она не содержит в себе ничего из формально-правовых характеристик права: ни равенства, ни свободы, ни справедливости. Вышеназванная норма – это пустая «чистая» форма, которой возможно придать любой характер и любое позитивно-правовое содержание.

Существовала даже тенденция определять право не более и не менее как средство государства. Стремясь выделить значение именно права, А. Ф. Черданцев отмечает, что, будучи связанным с многочисленными ценностями социализма, оно выступает как многоаспектная социальная ценность, а не только как этатистская ценность (Черданцев, 1978: 25).

Другая попытка раскрыть ценность социалистического права связывалась с воздействием его на государство на всех уровнях и во всех его проявлениях. Государство должно развиваться как правовое и упорядочивать отношения между государством и личностью в соответствии с объективными потребностями. «Правовое социалистическое государство означает, что оно устроено и функционирует в строгих рамках права, выражающего волю рабочего класса» (Неновски, 1987: 223).

Идея о ценности права по отношению к государству, последовательно развитая, заставляет отвергать точку зрения, согласно которой государство имеет примат над правом.

Уже в 80-е гг. появились ученые, которые считали, что ценностную характеристику права как средства не следует упрощать и абсолютизировать. «Прежде всего, в праве воплощены высокие правовые идеалы, идеальные цели», – считает болгарский ученый Н. Неновски. «Кроме того, – продолжает он, – если право в целом представляет собой ценность – средство, то отдельные правовые принципы и институты могут восприниматься субъектами как ценности-цели. Кроме того, цели ценностного значения в праве могут быть и промежуточными и вызывать соответствующие им средства» (Неновски, 1987: 220).

Рациональное решение нашли исследователи, которые связали ценностный критерий права с общественным прогрессом. Право, как и другие ценности, – зависимая от общества категория, отражающая характер социального

стройка, изменяющегося вместе с ним и оцениваемая в зависимости от того, как она служат историческому прогрессу.

Долгое время исторический прогресс был связан с развитием человеческой личности, и поэтому критерием ценности права, как и критерием ценности вообще, служила свобода.

Как справедливо заметил в XVIII веке Ш. Монтескье: «В государстве, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, что должно хотеть, и не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть... Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если б гражданин мог делать то, что этими законами запрещено, то у него не было бы свободы, т. к. то же самое могли бы делать и прочие граждане» (Монтескье, 1955: 289).

Выступает ли право в качестве ограничителя свободы? По словам Б. Чичерина, «право есть свобода, определенная законом» (Чичерин, 1990: 81). Право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом. В. С. Нерсесянц отмечает, что «право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию – это практически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода» (Нерсесянц, 1983: 342–343). По мнению Д. А. Керимова, социальная ценность права состоит в том, что «оно является средством процесса развития демократии и достижения свободы общества и его членов» (Керимов, 1979: 175).

Л. С. Явич одной из ценностных характеристик права считает комплекс наличных, юридически гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, синтез закрепленных законом субъективных прав граждан и организаций, обеспечивающих их творческую самостоятельность (Явич, 1982: 83–84).

Так постепенно формировалась новая методологическая база теоретико-правовых исследований, трактующая право «не только как воплощение социального в индивидуальном, но и как претворение индивидуального в социальное» (Керимов, 1986: 184). С этих позиций, критерий ценности правовых систем и институтов – это место и роль личности, позволяющие ей реализовывать свой нравственный, духовный и социальный потенциал.

Ценность права проявляется в упорядочивании общественных отношений, своего рода «цивилизации» их, согласовании интересов членов общества, определении масштаба свободы личности в обществе, меры свободы, формы бытия свободы; выражение идеи справедливости и равенства перед законом. Ценность права в том, что оно выступает мощным фактором прогресса, источником обновления общества, средством решения проблем международного и межнационального характера. Это ориентирует на то, чтобы все социально-политические институты настраивались на правовые начала, на упорядоченную социальную свободу.

Ценность права выражается в том, что может быть названо правовыми началами или духом права. В связи с этим следует учитывать, что регулятивные возможности права неравнозначны в разных социальных организациях. Правовое регулирование часто оказывается неэффективным в среде, состоящей из конфликтующих, противостоящих социальных групп, обладающих примерно равным влиянием.

В то же время, ценность права неодинаково реализуется в различных правовых нормах и институтах. Это связано с приданием разной степени значимости этим нормам и институтам правовыми субъектами. Именно в процессе правовой социализации и правового воспитания отдельные положения права приобретают определенное, доминирующее значение, которое в дальнейшем, в той или иной степени распространяется на право в целом.

Это дает возможность выдвинуть гипотезу, согласно которой в условиях тоталитарных режимов право несет в себе ценность свободы, а в условиях более мягких, демократических форм государства, на первый план выдвигается воплощение в праве ценности справедливости.

Социальная ценность права определяется способностью приносить людям благо. Реальная социальная ценность права заключается в следующем: с одной стороны, благодаря праву объективно необходимое упорядочение общественных отношений происходит в силу образования особой системы регламентации поведения, обеспечивающей его свободу в пределах относительно равного и справедливого масштаба. Это несомненное благо, поскольку безграничная свобода индивидов способна перерасти в произвол и анархию. Своим всеобщим масштабом право «отмеряет» и оформляет именно свободу в человеческих отношениях. Неправовая свобода, свобода без справедливости и равенства – это произвол, прямая противоположность свободы и ее отрицание. С другой стороны, право противостоит и тотальному подчинению всех, исключаяющему свободу выбора, а потому и ответственность за свои действия. При этом нельзя смешивать право и закон. Закон и иные нормативные акты представляют собой лишь форму выражения права. Благодаря такому закону принцип правового равенства, всеобщность равной меры свободы получает государственно-властную защиту и признание, приобретает законную силу.

Ценность права определяется С. С. Алексеевым тем, что оно выступает в качестве института общества, в котором через категории чистого права воплощаются высшие проявления разума в практической жизни людей.

Великое предназначение права в политической сфере – право людей и суждено стать достойным продолжением политической системы, вбирающей из нее все положительное на последовательно правовой основе (Алексеев, 1998: 268).

При этом развитие ценностей права, принципов организации системы государственной власти оказывается под воздействием уровня развития ана-

логичных ценностей в других культурных средах. Рецепция – древнейший способ развития законодательства. В России происходили уже попытки рецепции основополагающих принципов построения правовой и политической системы. Идеальные принципы права не в состоянии, однако, непосредственно определять поведение людей и социальных групп в обществе. Требуется не только некоторая степень развития, позволяющая эти принципы разработать, восприняв их из иной культурной среды, но и осмыслить данные принципы как действующие элементы правопорядка, как ценности. Таким образом, культурная среда оказывает значительное воздействие на реальную практику политической и правовой систем. Реальный правопорядок формируется не только в связи с тем, что разработана (или заимствована) идеальная система права, но и от того, насколько население готово к воплощению этих ценностей в своей деятельности.

Понятие культура прочно вошло в оборот правоведов. Широкое распространение получили такие выражения, как правовая культура, культурное право. В начале XX века в научной литературе нередко использовали термин «культурное государство», а в современной публицистике, в научных статьях и монографиях часто встречается такое словосочетание как «цивилизованное государство» или «социальное государство», характеризующее определенную стадию усвоения правовых и политических ценностей.

Кризис культуры, особенно отмечаемый в XX веке, не мог не задеть права. Связь кризиса культуры и кризиса права становится более ощутимой, если принять во внимание, что кризис культуры означает, прежде всего, кризис институтов и методов социального управления и самоуправления, что он имеет как институциональные черты, так и черты кризиса форм общественного сознания.

«Без сомнения, наступил жесточайший кризис... настоящий кризис нашей культуры и общества заключается именно в разрушении преобладающей чувственной системы евро-американской культуры... Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» (Сорокин, 1992:431, 497–498).

Имеется ряд работ, в которых предпринимается попытка показать тенденции, связанные с кризисом правовых и политических институтов. Это работы П. И. Новгородцева «Кризис современного правосознания» (1912 г.) и «Об общественном идеале» (1918 г.), работы И. Ильина и С. Франка. Ощущение кризисности культуры, форм социальной жизни, нестабильности бытия современной эпохи стало тем толчком, который сблизил исследование права и культуры.

Можно предположить, что происходит вырождение западной системы ценностей. Смещение либерализма и консерватизма приводит к краху того и другого, коренные ценности современности будут отброшены. Либеральные

ценности, права человека перестали быть продуктивными. Это происходит в связи с выходом на международную арену третьего мира, глобальные миграционные потоки после крушения колониальной системы. Либеральные ценности в контексте малых органических обществ выглядят несостоятельными.

Многие исследователи заняты поиском альтернативных ценностей в российских традициях. Большие надежды возлагаются на то, что Россия восстановит и возродит свои традиционные ценности, свой культурный и цивилизационный авторитет. Следует отметить определенную терпимость к иным ценностям со стороны россиян. Взаимная интеграция сочетается с соблюдением необходимой дистанции.

Таким образом, востребованной становится ценность справедливости как важнейшая характеристика права.

Подтверждение тому можно найти в первой главе монографии С. С. Алексеева, где дается дефиниция права, которое «является устойчивой, стабильной нормативной системой классового регулирования, выраженной в такой системе общеобязательных норм, в соответствии с которой субъекты правоотношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости» (Алексеев, 2019: 45).

Действие субъектов правоотношений в «согласии с началами господствующей справедливости» – выводит авторский подход за пределы позитивизма, и крайнего либерализма. Справедливость предполагает защиту, прежде всего публичного интереса.

В разборе работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса», делается акцент на наличии у права специфического правового содержания, которое заключается в защите правом общих для всех прав и интересов. Анализируя текст К. Маркса, С. С. Алексеев, не упоминая этого прямо, продолжает обосновывать предложенное им ранее определение права и раскрывает его содержание; при этом он обращает особое внимание на субъективные права и начала справедливости, от которых, собственно, и произошло само наименование право.

Право – конгломерат норм и правил, выражающих ценности трех социальных образований – общества, личности и государства – корпорации. Возникают новые социальные группы, конкурирующие или просто использующие государство в своих интересах и целях.

Ценность права рассматривается с точки зрения общества. Ценность понятие субъективно-объективное, почему его часто не признавали советские ученые, опасаясь субъективизма.

Принимая во внимание указанный контекст, можно утверждать, что право есть духовная ценность, удовлетворяющая потребности, как социума, так и отдельного человека на регулирование отношений внутри общества.

Объединяющим фактором здесь выступает то, что и в том и в другом случае право понимается как средство удовлетворения социально справедливых интересов граждан, общества и государства. Именно через указанную категорию формируется отношение каждой личности к установленным правилам поведения, принципам, нормам и законам, ценностям охраняемым обществом. В создании благоприятных правовых условий для развития и раскрытия ценности права, как сложного структурного феномена, обладающего полезностью и значимостью, как для общества, так и для государства, состоит основная задача правовой политики.

Право следует отнести к важнейшей ценностно-нормативной системе общества. Как и любая система такого рода, право выполняет двойственную функцию: с одной стороны, обеспечивает согласование мотивов, интересов и целей всех тех, кто участвуют в правовых процессах, с другой – обеспечивает взаимодействие социальных институтов и субъектов на некоторой единой основе, создает единое правовое пространство развития общества. В самом широком плане – это интеграция общества на основе справедливости.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Самое святое, что есть у Бога на Земле: И. Кант и проблема права в современную эпоху. М., 1998. 409 с.
2. *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в советском обществе. – Екатеринбург: Гуманитарный университет 2019. 223 с.
3. *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. I. – М., 1965. 554 с.
4. *Ганс Кельзен.* Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Выпуск 1. М., 1987. 195 с.
5. *Керимов Д. А.* Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979. 245 с.
6. *Керимов Д. А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. 332 с.
7. *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. М., 1978. 287 с.
8. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. 803 с.
9. *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987. 245 с.
10. *Нерсесянц В. С.* Право и закон. М., 1983. 366 с.
11. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
12. *В. А. Туманов.* Теория государства и права. М., 1968. 456 с.
13. *В. В. Лазарева.* Теория права и государства: Учебник. М., 1996. 520 с.
14. *Туманов В. А.* Вступительная статья // Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. 496 с.
15. *Черданцев А. Ф.* Социальная ценность социалистического права // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 23–25.
16. *Чичерин Б.* Философия права. М., 1990. 344 с.
17. *Явич Л. С.* Право и социализм. М., 1982. 173 с.
18. *Parsons T.* The Law and Social Control: In Law and Sociology The Free Press of Gilencoe, 1962. p. 115.

Andrey Nikolaevich Babenko
Doctor of Law, Professor,
Judge of the Third Arbitration Court of Appeal
Krasnoyarsk, Russia, e-mail: babenkodoc@mail.ru

AXIOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL PHENOMENA

Abstract: the article is devoted to the consideration of the value, value of law and the analysis of the value criteria of law. Traditionally, the value of law is seen in ensuring order and organization in society. Law has long protected and protected individual freedom. In this regard, the value of the individual as the main subject of legal relations is not questioned. At the same time, the consideration of law from the standpoint of the value of justice is becoming relevant at the present stage of social development.

Keywords: law as a value, legal values, the value of freedom, the value of justice

Воропаева Кристина Евгеньевна
 ассистент, аспирант кафедры теории и истории
 государства и права Юридического института
 Красноярского государственного аграрного университета
 Красноярск, Россия
 e-mail: voropaeva_94@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И В СССР

Аннотация: в статье исследованы отдельные проблемы правовой культуры молодежи, которые отражают степень и характер правового развития общества, стиль правового поведения и образ жизнедеятельности молодого поколения. Обращено внимание на нормы и стандарты поведения молодых граждан в правовой сфере, устанавливаются особенности правового воспитания молодежи. При анализе актуальных вопросов правовой культуры молодежи использован сравнительный анализ представленного правового явления современной России с советским периодом.

Ключевые слова: молодежь, российское общество, советская доктрина, практика, правовая культура, правовое воспитание, социалистические ценности.

Проблемы правовой культуры всегда выступали объектом пристального внимания отечественных ученых-юристов. В первую очередь это связано с тем, что повышение правовой культуры, а также правовой грамотности и правосознания населения, является необходимым условием динамичного и стабильного развития национальной правовой системы. При этом для эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина необходима развитая система правового просвещения в отношении современной молодежи, формирование эффективной молодежной политики, отвечающей текущим правовым потребностям и идеалам.

Среди юристов и правоведов не сложилось единого мнения относительно содержания, особенностей формирования и развития правовой культуры.

Как указывает С. С. Алексеев, основной ценностной установкой правовой культуры является обеспечение баланса сил и интересов сообщества, который стабилизирует общественные отношения и создает условия для их эволюции. По мнению ученого, правовая культура – это общее состояние «юридических дел» в обществе, состояние законодательства, работы судов и всех правоохранительных органов, характер правосознания и правовых цен-

ностей всего населения страны, выражающее уровень развития права и осуществление требования верховенства права в обществе (Алексеев, 2002:51).

По мнению А. П. Семитко, правовая культура – это обусловленное духовным, социально-политическим и экономическим строем общества качественное состояние его правовой жизни, выражающееся в достигнутом уровне развития правосознания, правовой деятельности, юридических актов и в целом в уровне правового развития, а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека и гражданина (Семитко, 2013:86).

Другие исследователи отмечают, что правовая культура в широком смысле это результаты и последствия правовой жизни общества, а в узком смысле – результаты юридической деятельности (Шашин, 2006:12). Например, Л. А. Петручак указывает, что правовая культура – это «исторически сложившаяся, обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче и сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» (Петручак, 2021:14). Представленные определения показывают связь правовой культуры с социально-правовыми ценностями и прогрессивным развитием правовой системы, объясняют высокую роль правовой культуры в механизме правового регулирования.

В свою очередь, правовая культура является общей разновидностью культуры, которая находит выражение в формировании, сохранении и передаче наиболее значимых правовых явлений и представляет собой качественное состояние правовой жизни общества, степень правового развития личности.

Предварительно можно говорить о том, что правовая культура молодежи – это понимание молодыми людьми роли и значения правовых институтов в жизни общества, в механизме развития национальной системы ценностей и идеалов, способствующих реализации интересов и стремлений молодого поколения. При этом правовая культура молодежи выступает важным атрибутом молодежной правовой политики, являясь одновременно показателем успешного функционирования национальной правовой системы.

Значимыми выступают показатели правовой культуры, уровень правовой активности и развитости правосознания молодых граждан. С другой стороны, состояние правовой культуры зависит от деформации правосознания молодой личности, наличия таких негативных явлений как правовой нигилизм, правовой цинизм, правовой фетишизм самой молодежи, что является серьезным препятствием в формировании гражданского общества и укреплении правового государства. В 2020 году в Конституцию Российской Федерации своевременно внесена поправка, устанавливающая необходимость реализа-

ции молодежной политики (п. е ч. 1 ст. 73)¹. В последующем принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»² который закрепил основные направления и сферы деятельности современной молодежи, полномочия органов государственной и муниципальной власти, обеспечивающих информационное, кадровое, управленческое сопровождение реализации инициатив и предложений в молодежной среде, что выступает исходным нормативным началом модернизации правовой культуры молодежи в современной национальной правовой системе.

В свою очередь, представляется, что понимание сущности и природы правовой культуры современной молодежи можно установить посредством выявления качества правовой деятельности молодежи в ретроспективном измерении. В этой связи обращаясь к особенностям правовой культуры современной молодежи сравним ее с правовой культурой молодежи в социалистический период развития нашего государства и общества.

1. Особенности содержания правовой культуры. Это ее материальные и духовные компоненты, прогрессивно-ценностная правовая деятельность и правосознание, включающие свои исходные и неотъемлемые составляющие. У современной молодежи правовая деятельность сопряжена преимущественно с необходимостью достижения материальных благ, успеха, карьеры, получения престижной и знаковой позиции в социуме. Атрибуты, условия, динамика правовой и политической жизни современных молодых граждан во многом соотносится с конкретным результатом, измеряемом, прежде всего, в материальном контексте. Духовно-нравственные, идеологические компоненты социальной действительности сегодня занимают вторичное место в линейке ценностных ориентиров для молодых граждан. Конечно, следует учесть, что большое значение на сознание и поведение молодых людей оказывает многообразие различной информации, отсутствие государственной идеологии, рыночный тип экономики.

Советская молодежь находила свои идеалы в советской идеологии, примером являлось старшее поколение, молодежь связывала свою правовую деятельность с ведущими общественными движениями и акциями, престижным являлось одобрение своего поведения со стороны государства и общества. В свою очередь социалистический строй перманентно транслировал соответствующую модель мышления, поведения, творчества, трудовой деятельности на все сферы жизни молодого поколения.

2. Наличие негативных (нежелательных) составляющих правовой культуры. Именно для молодого поколения характерны различные проявления

правового нигилизма – особенно социально-правового и нравственно-идеологического. Его выражение разнообразно: от полного незнания правовых норм до негативного отношения к праву в целом. Оценивая уровень правовой культуры молодого поколения, прежде всего, необходимо обратиться к характеристике правосознания молодежи. Безусловно, основными факторами, влияющими на формирование правосознания молодежи, являются результаты деятельности органов государственной и муниципальной власти, образовательных организаций и иных коллективных образований, включая семью, трудовой коллектив, средств массовой информации. Несвершенство законодательства и практики его применения в современный период, недостаточность институциональных общественных механизмов, гарантирующих гармоничное развитие молодежи, способствуют формированию правового нигилизма, обесцениванию подлинных духовно-нравственных ценностей, с одновременным претворением в поведении молодых граждан негативных социальных явлений. В настоящее время можно констатировать слабую вовлеченность молодежи в общественную и экономическую жизнь, нежелание участвовать в демократических процессах. При этом со стороны государства наблюдается неразвитость методов выявления и поддержки инициативной и талантливой молодежи.

В свою очередь, советская юридическая наука обращала внимание на развитие семьи, воспитание молодежи, включение молодых граждан в управленческие процессы. Тем не менее, отдельные исследователи отмечают, что определенная часть молодежи была политически незрелой, что определялось ее полной идеологической неосведомленностью. Опека молодежи со стороны партии и комсомола, старших поколений зачастую подавляла в ней желание и возможность действовать самостоятельно (Ильинский, 2017:36). С другой стороны, в советской юридической доктрине серьезное внимание уделялось вопросам роли принципов права, юридическим стереотипам и формам деятельности личности, которые формировали высокий уровень правосознания, позитивные внутренние убеждения и представления об общественных и правовых ценностях и, как следствие, приводили к социально-полезному и правовому поведению (Русинов, 1983:8–10).

3. Особенности правового воспитания молодежи. В деле правового просвещения молодого поколения должны тесно взаимодействовать органы публичной власти, профессиональные юридические сообщества, общественные объединения юристов, а также образовательные организации. Сегодня востребованным выступает процесс создания единой системы правового просвещения населения на базе библиотек, культурно-досуговых и иных учреждений. Особое внимание должно уделяться развитию негосударственных форм правового просвещения. Следует развивать институт волонтерства, как систему добровольной и бескорыстной помощи

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.07.2020).

² О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Рос. газ. 2021. 11 января.

государству и обществу, а также развития правового воспитания у самой молодежи. Высокая правовая культура молодежи может быть достигнута не только силами образовательных организаций, но и всем обществом. Знание права формируется либо в результате непосредственного изучения соответствующих нормативных положений, либо в результате опосредованного знакомства с ним.

В СССР большое значение в формировании правовой культуры молодежи имели такие категории как нравственная развитость личности, совесть, моральный долг граждан, социалистический образ жизни (Лукашева, 1986:130–137) и прочие социально-политические нормы (особенности) данного периода национальной общественной и государственной жизни. В СССР развивались молодежные общественные объединения (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, Пионеры, Авангард красной молодёжи, Революционный коммунистический союз молодёжи и др.). Создавались консолидированные молодежные общественные структуры, способные принимать серьезные правовые решения на центральном и республиканском уровнях. Так, например, при ВЛКСМ был образован центральный комитет, создавались отделы и рабочие группы, проводились съезды и конференции. Бюро ЦК ВЛКСМ принимали постановления, обеспечивающее активное включение молодежи в охрану общественного порядка, реализации народного контроля, работы с несовершеннолетними. У советской молодежи формировались моральные качества, правовые представления и взгляды, обуславливающее устойчивое отношение к праву и политическим процессам. Молодым гражданам предоставлялась возможность широкого участия в различных органах общественной самодеятельности, получении управленческого опыта и знаний в процессе осуществления народного контроля, правовой помощи гражданам, правовом содействии в решении нужд местного населения при непосредственном взаимодействии с руководящими и партийными органами (Ямпольская, 1983:4–25). Правильное формирование нравственного и правового сознания молодых людей в этот период препятствовало проявлениям правового нигилизма в стране.

4. Гарантии формирования и укрепления правовой культуры молодежи. Немаловажное значение имеет процесс гарантирования сложившейся модели правовой культуры молодежи. Безусловно, в современной правовой жизни активно развиваются такие механизмы как волонтерство, формирование и деятельность молодежных негосударственных структур (молодежных парламентов, правительств, избирательных комиссий) как на федеральном, так и на региональном уровнях, проводятся мероприятия с участием молодежи (Доброволец России, Лидеры России, Россия – страна возможностей и др.), действуют молодежные общественные объединения (Союз сельской молоде-

жи, Молодая гвардия Единой России, Всероссийский Ленинский коммунистический союз молодежи и др.).

Тем не менее не следует терять из вида советский опыт работы с молодежью, воспитания патриотически построенных и готовых к качественной трудовой деятельности молодых граждан. Например, в СССР очень широко применялся институт наставничества, в рамках которого практически в любой сфере труда к молодому специалисту прикреплялся более опытный наставник, осуществляющий передачу практического опыта, знаний, умений, способный уберечь от ошибок начинающего сотрудника.

Немаловажным выступает опыт применения испытательного срока, где молодой человек являлся определенное время лишь кандидатом на соответствующую должность. Достаточно эффективно использовался процесс идеологического роста молодежи «пионерия, комсомол, кандидат (на соответствующую должность, членство в партии)». Численность пионеров: 0,004 (1922, октябрь), свыше 1 миллиона человек (1925), свыше 3,4 миллионов человек (1931), свыше 13,6 миллионов человек (1941), свыше 7,2 миллионов человек (1945), свыше 19,1 миллионов человек (1952), свыше 18,5 миллионов человек (1962), свыше 23,5 миллионов человек (1973), свыше 18,9 миллионов человек (1982), около 20 миллионов человек (1987). При пионерских отрядах образовывались группы октябрят, в которые входили младшие школьники³. Численный состав комсомольцев: 22100 человек (1918 год), свыше 2 миллионов человек (1928 год), свыше 42 миллионов человек (1984 год), около 21,3 миллиона человек (на 1 июля 1991 года)⁴.

5. Формы правовой деятельности молодежи (участия в управленческой работе). Современная молодёжь участвует в осуществлении общественного контроля, в реализации собственных инициатив посредством участия в публичных мероприятиях и акциях. Например, при поддержке Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, проводится акция «Добровольцы – детям», акция #МыВместе по оказанию помощи врачам, Благотворительный фонд помощи инвалидам и пожилым «Старость в радость», «Красный крест», «Мусора. Больше. Нет», «Волонтеры Победы» и др. Подобная общественная работа позволяет молодым гражданам сформировать не только чувство ответственности и солидарности, но и выразить свое отношение к политико-правовым процессам, определить собственную жизненную позицию, установить для себя систему значимых ценностей и правовых установок.

В СССР молодежь активно включалась в управленческие отношения на уровне трудовых коллективов, работы добровольных народных дружин, партийных собраний и школ, субботниках, принимала активное

³ Большая юридическая энциклопедия // <https://bigenc.ru/> (дата обращения 10.04.2021).

⁴ Энциклопедия «Всемирная история» // <https://w.histrf.ru/> (дата обращения 15.04.2021).

участие в социалистических соревнованиях. Наиболее подготовленные и политически зрелые молодые граждане участвовали в реализации законодательной инициативы со стороны общественных организаций, во всенародных обсуждениях законопроектов, что выступало предметом системного научного исследования со стороны ученых юристов (Алексеев, Мицкевич, Самощенко, 1971:106–107). Очень широко молодежь привлекалась к работе местных Советов, участвуя, например, в информировании населения о деятельности депутатского корпуса, в организации отчетов депутатов перед гражданами, в проведении их встреч, бесед с местным населением, подготовке и проведении анкетирования, издании газет, бюллетеней, иной печатной продукции (Кряжков, 1981:65–70). В этом плане достаточно системно осуществлялась политико-правовая социализация молодых граждан, формировался стиль их управленческой деятельности, идеологическая зрелость молодой личности и готовность к дальнейшей работе в органах власти всех уровней.

В итоге, российская молодежь, получая необходимое правовое воспитание обладает определенным уровнем правовой активности, инициативы, креативности мышления, концентрируя свое внимание на наиболее прогрессивных формах социально-правовой деятельности в жизни общества и государства. В свою очередь формируемая в современной России молодежная правовая политика основываясь на системе сложившихся национальных ценностей и идеалов представляет собой совокупность организационно-правовых, информационно-идеологических, технологических средств и способов развития молодежи, формирования у молодого поколения гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств, способствующих их отношению к высокой роли и значению правовых институтов, реализации их интересов и стремлений в управленческой сфере, обеспечивает системное и прогрессивное развитие политической системы общества. При этом российская и советская молодежная правовая политика отличаются по задачам реализации, идеологическому наполнению, субъектному составу и практическим результатам. Можно говорить, что в советский период молодежная правовая политика выступала зоной интенсивного правового регулирования (Алексеев, 1989:67–69), именно в этой сфере использовался самый разнообразный арсенал правовых средств и управленческих методов со стороны государственного и партийного руководства.

Правовая культура молодежи выступает показателем качественной правовой деятельности молодых граждан, уровня их правовой социализации, стиля правового мышления и включенности в управленческие отношения, характера взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, структурами гражданского общества,

а также характеризует отношение к результату собственной самореализации и формируемой практике непосредственного участия в молодежной политике. При этом советский опыт выступает основой для формирования молодежной правовой политики и развития правовой культуры современной молодежи, в обобщенном виде социалистическая модель участия молодых граждан в государственной и общественной жизни способна оказывать помощь современному законодателю, определить стратегические направления работы органов управления в этой сфере, указать на возможные упущения и просчеты. Тем не менее преемственность принципов, правовых средств и практики социалистической молодежной политики, деятельности советского государства и общества по формированию правовой культуры молодежи непременно имеет место и осуществляется с учетом современных реалий.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. 608 с.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. – 288 с.
3. Алексеев С. С., Мицкевич А. В., Самощенко И. С. Развитие и совершенствование советского законодательства // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 100–107.
4. Семитко А. П. Персоцентристский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 86–94.
5. Шагин П. А. Правовая культура в правовой системе общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 25с.
6. Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис.... докт. юрид. наук. М., 2012. 44 с.
7. Ильинский И. М. Государственная молодежная политика в СССР. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. 432 с.
8. Русинов Р. К. Сознание и правомерное поведение личности // Советское государство и право. 1983. № 5. С. 3–10.
9. Лукашева Е. А. Право, Мораль, Личность. М.: Наука, 1986. 264 с.
10. Ямпольская Ц. А. Органы общественной самодеятельности как форма общественной активности граждан (задачи исследования, подход к решению) // Советское государство и право. 1983. № 12. С. 19–27.
11. Кряжков В. А. Местные Советы и информирование граждан // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 62–71.

Voropaeva Kristina Evgenievna
Assistant, Post-Graduate Student,
Department of Theory and History
state and law of the Institute of Law
Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: voropaeva_94@bk.ru

FEATURES OF LEGAL CULTURE OF YOUTH IN MODERN RUSSIA AND IN THE USSR

Absrtract: the article examines certain problems of the legal culture of young people, which reflect the degree and nature of the legal development of society, the style of legal behavior and the way of life of the young generation. Attention is paid to the norms and standards of behavior of young citizens in the legal sphere, the peculiarities of the legal education of young people are established. When analyzing topical issues of the legal culture of young people, a comparative analysis of the presented legal phenomenon of modern Russia with the Soviet period was used.

Keywords: youth, Russian society, Soviet doctrine, practice, legal culture, legal education, socialist values.

УДК 340

Владимир Борисович Исаков
доктор юридических наук, профессор,
профессор факультета права
Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин
НИУ «Высшая школа экономики»
Москва, Россия
e-mail: visakov@hse.ru

МУДРАЯ РУКА МАСТЕРА (С. С. АЛЕКСЕЕВ В МОЕЙ ЖИЗНИ)

Аннотация: статья содержит воспоминания автора о совместной работе с выдающимся советским и российским ученым-юристом, доктором юридических наук, профессором, членом-корреспондентом РАН С. С. Алексеевым. Рассказано о стиле руководства С. С. Алексеева, человеческих и этических принципах, которыми он руководствовался. Показана роль С. С. Алексеева в разработке и принятии нового Гражданского кодекса Российской Федерации. Дается оценка гражданской и политической позиции этого выдающегося человека.

Ключевые слова: С. С. Алексеев. Свердловский юридический институт. Кафедра теории государства и права. Методологический семинар. Принципы и стиль научного руководства. Принятие Гражданского кодекса Российской Федерации. Жизненный путь ученого и политика.

С Сергеем Сергеевичем Алексеевым я встретился в 1967 году на 1-м курсе Свердловского юридического института: он читал нам лекции по теории государства и права. Многие вспоминают об удивительной лекторской манере Сергея Сергеевича, которая заметно отличала его от других преподавателей. Говорил он медленно, негромко, но очень вдумчиво, акцентируя смысл каждой фразы. Спустя несколько минут после начала лекции студенческая аудитория затихала, начинала прислушиваться. Студенты брались за ручки, открывали конспекты. Самых разговорчивых начинали пихать локтями в бок: «Не мешай!» В таком же медленном, вдумчивом стиле С. С. Алексеев выступал и перед профессиональной аудиторией, юристами-практиками. И каждый раз с большим успехом.

Признаюсь, что, начав читать лекции, я поначалу пытался копировать стиль Сергея Сергеевича. Ничего не получилось. Вроде бы аналогичный стиль, но результат уже не тот: другая личность, другой характер, другая энергетика. Пришлось вырабатывать свой собственный стиль.

После начала курса лекций, замороженный красотой предмета и стиля преподавания, я решил заниматься теорией государства и права. Мне повез-

ло: как раз в том году Сергей Сергеевич решил открыть проблемный кружок для старшекурсников и аспирантов. Хотя формально этот кружок вошел в состав Студенческого научного общества (СНО), фактически это был его личный методологический семинар.

Напомню, что за несколько лет до этого (в 1962 году) на экраны страны вышел фильм Михаила Ромма «9 дней одного года», в котором была выразительно показана жизнь молодых ученых-физиков, в частности, методологический семинар, прообразом которого был семинар Л. Д. Ландау. После этого методологические семинары, как грибы после теплого дождя, начали расти по всей стране – в лабораториях, НИИ, ВУЗах. Не исключая, что именно этот художественный образ побудил Сергея Сергеевича создать свой методологический семинар, включив его в систему СНО. С. С. Алексеев всегда избегал саморекламы, шумного внешнего эффекта, делая ставку на реальное содержание: не столь важно, как будет называться будущий методологический семинар – значимо то, чем он будет наполнен. Поэтому скромная форма студенческого научного кружка его вполне устраивала – не привлекала лишнего внимания, никого не раздражала, никому не колола глаза, но позволяла свободно обсуждать любые научные проблемы.

Хотя на тот момент я был всего лишь первокурсником, из кружка для старшекурсников и аспирантов меня не удалили, не выставили за дверь: хочешь заниматься теорией государства и права – пожалуйста! Уже на втором курсе я стал старостой этого кружка, то есть помогал Сергею Сергеевичу в небольших организационных делах: вел список членов кружка, составлял объявления, писал краткие отчеты о результатах обсуждений, составлял и подавал в деканат итоговую отчетность (без бюрократии, конечно, никуда).

На заседаниях кружка-семинара обсуждался широкий круг тем. Во-первых, тему мог предложить сам Сергей Сергеевич, обычно из числа тех, над которыми работали аспиранты и дипломники кафедры. Понятно, что в этом случае они и были докладчиками. Во-вторых, обсуждались наиболее яркие и актуальные публикации в научной печати. Это заставляло членов кружка следить за научными журналами, причем не только по юриспруденции, но и по смежным дисциплинам – философии, социологии, психологии, – вылавливая все самое интересное. В этом случае доклад обычно делал инициатор постановки вопроса. В-третьих, Сергей Сергеевич приглашал выступить на семинаре гостей – маститых ученых и научную молодежь из других вузов. Как правило, все охотно принимали такие приглашения. Не припомню случая, чтобы заседание кружка не состоялось из-за неявки докладчика или отсутствия темы.

Заседания кружка проходили обычно так: выступал докладчик, ему задавались вопросы на понимание, предполагающие короткий ответ, после чего могли выступить с репликами все участники встречи. Разрешались,

разумеется, и повторные реплики, если в них была необходимость. Итоги дискуссии подводил сам Сергей Сергеевич. Его итоговое выступление было интеллектуальной вершиной заседания. В своем заключительном слове он показывал корни обсуждаемой проблемы, ее историю, междисциплинарные связи и практическое значение. При этом не упускал возможности отметить все ценное, что высказали участники встречи. Поскольку заседания кружка проходили в середине рабочего дня, они ограничивались одним часом: день в разгаре, у каждого еще много дел.

Примерно в том же сжатом, деловом стиле была организована и работа самой кафедры теории государства и права. Сергей Сергеевич не терпел длинных разговоров и пустой траты времени. Вообще, руководители научных коллективов подразделяются мной на две категории: одни наделены свойствами живой воды, другие – мертвой. Под руководством первых любое дело расцветает, под руководством вторых – вянет и засыхает. Любые темы, за которые брался С. С. Алексеев, оживали, как будто бы окропленные живой водой, начинали сверкать новыми гранями и красками. Например, обсуждаем на кафедре проходной плановый вопрос – итоги очередного пленума ЦК КПСС. Но столько нового и интересного он находил в этой скучной теме! Я лишь позднее понял, что дело не в гениальных решениях пленума, а в мыслях и идеях самого Сергея Сергеевича, которыми он наполнял эти решения.

Вспоминается одно из заседаний кафедры, на котором выступил гость из Казани – Валерий Васильевич Лазарев. Он в то время работал над докторской диссертацией о правоприменительных актах и приехал развести тему с И. Я. Дюрягиным, который писал диссертацию о применении права. Гость кафедры выглядел, как кинозвезда: с элегантной бородкой, в модном вельветовом костюме и замечательных зеленых ботинках на платформе. Конкретного содержания этого заседания я сегодня не помню, но осталось впечатление серьезного делового разговора и блестящей научной дискуссии.

Став в 2005 году заведующим кафедрой теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, я буквально через месяц начал вести свой методологический семинар. При этом сохранил практически всю методику С. С. Алексеева, изменив лишь некоторые детали. Поскольку работа нашего семинара проходила после окончания рабочего дня, я снял ограничение по времени и обсуждения стали более продолжительными – иногда до 3 часов. Выступления участников теперь не конспектировались, а записывались на диктофон. Первоначально планировалось выставлять эти записи в интернете, но затем мы отказались от этой идеи, поскольку некоторые выступления были настолько откровенными и острыми, что их опубликование могло бы повредить их авторам. Но сами записи сохранялись, и при необходимости члены кружка могли пополнить с их помощью свой запас оригинальных идей.

Методологический семинар просуществовал 15 лет – вплоть до ликвидации кафедр в ходе очередной структурной реформы факультета права. Бывшие члены кафедры не раз говорили мне, что ощущают пустоту: вместе с упразднением кафедр исчезла и возможность регулярного обсуждения широкого круга научных и рабочих проблем.

Вернемся, однако, в студенческие годы. Столь многообещающее начало научной деятельности повлекло очевидное продолжение. На последнем курсе института С. С. Алексеев предложил мне тему дипломной работы – «Фактический состав в механизме правового регулирования». Научных работ по этой теме тогда не было. Пришлось вгрызаться в тему, собирать по ней научный материал, осваивать методологию научного исследования.

Сергей Сергеевич не принадлежал к числу руководителей, которые опекают своих учеников, ведут их за ручку, подстраховывая от ошибок. А я со своей стороны и не стремился к такой опеке. Перелистывая сегодня ту дипломную работу, я вижу, что не избежал распространенной ошибки молодости: написал ее чересчур сложно, с избыточным использованием специальной терминологии – полагая, что именно так должны выглядеть научные работы. Впоследствии я осознал эту ошибку и в последующих работах старался писать как можно проще.

Сергей Сергеевич реально помог мне тем, что сослался на мою первую научную работу – обратите внимание, речь идет о дипломной работе студента! – в своем фундаментальном научном труде, получившем широкую известность (Алексеев, 1972: 364). Конечно, это был крупный аванс на будущее. Сергей Сергеевич, как я заметил, в своих научных трудах старался пропагандировать уральскую школу права: впоследствии я также старался следовать этому примеру.

Аспирантура, в которую я поступил в 1971 году, началась с огорчения. Сергей Сергеевич предложил мне поменять тему о фактических составах, которую я собирался продолжать, на проблему правового воспитания. Так складывалась ситуация на кафедре и в институте, что в то время это было актуально. Хотя в проблематике правового воспитания много интересного и нужного – я к ней обратился позднее, после защиты диссертации, – в научном плане душа у меня к ней не лежала. Помог случай: спустя несколько недель меня призвали в армию. Служить пришлось далеко – в Казахстане, на авиабазе Семипалатинск-4. Перед самой отправкой в армию я получил по почте гранки своей первой статьи, выходящей в журнале «Правоведение». Увидев в поезде, что призывник потихоньку правит какой-то печатный текст, сержант-сопровождающий строго спросил, чем это я занят. Получив ответ, что правлю гранки своей статьи, удивленно покачал головой:

– Каких только чудачков не призывают в Вооруженные Силы! (Вместо «чудачков» было слово покрепче).

Вернувшись на кафедру год спустя, я узнал, что актуальность правоспирательной проблематики схлынула и я могу продолжить свою прежнюю тему – «Фактический (юридический) состав в механизме правового регулирования». Я написал по ней и успешно защитил кандидатскую диссертацию, а затем опубликовал монографию, которая удостоилась диплома Академии наук СССР и ЦК ВЛКСМ для молодых ученых.

Параллельно с наукой появилось множество иных задач, вытекавших из аспирантских и преподавательских обязанностей. Об одной из них я хочу рассказать. Сейчас эта сторона нашей деятельности подзабылась, но в те времена она была актуальна. Я имею в виду поездки со студентами на уборку картофеля. Большинство из нас прошли многолетние «картофельные университеты». Корень проблемы заключался в том, что низкий уровень производительности и оплаты труда в сельском хозяйстве компенсировался в административном порядке за счет добровольно-принудительной отправки на сельхозработы преподавателей и студентов вузов. Называлось это «шефством города над сельским хозяйством». В результате учебный год в вузах начинался не в сентябре, как положено, а на месяц позже, но это позволяло сократить потери урожая, который в противном случае мог остаться на полях и уйти под снег.

С рыночной точки зрения это «шефство» – полный абсурд, но для тогдашней плановой экономики – вполне нормальное явление. Практически бесплатный труд на полях студентов и служащих позволял ей замаскировать свою крайне низкую эффективность. Проблема лишь в том, что подобная организация труда унижала одних и развращала других. И вот конкретный пример.

За Свердловским юридическим институтом был закреплен Красноуфимский район – на самом краю области, на границе с Башкирией, который называли «картофельной столицей» Урала. После восстановления в аспирантуре меня туда и отправили с отрядом студентов-первокурсников.

Встретили нас там, скажем прямо, не слишком гостеприимно. Студентам и мне, их руководителю, предложили разместиться в бывшем коровнике, который перед этим слегка помыли и почистили от навоза. Спать надо было вповалку на сене, воду таскать с колонки, умывальники и все прочие удобства – на улице. Под крышей – пара тусклых электрических лампочек. В воздухе – постоянный тяжелый запах. Печей для сушки одежды и обогрева, разумеется, нет – пожароопасно. Любая случайная искра – и набитый сеном коровник полыхнет, как коробок спичек. Скажем прямо, не слишком привлекательные условия, но что вы хотите, если вы – просто дармовая рабочая сила? Каков ты есть, такова тебе и честь. Мои студенты, особенно девочки, приуныли. Прожить месяц на сеновале в антисанитарных условиях не светило никому.

Я отправился к директору совхоза. До сих пор помню его фамилию – Коровин, бывший сотрудник райкома, которого назначили в директора совхоза то ли за какие-то прегрешения, то ли за низкий культурный уровень. Разговор сразу пошел на повышенных тонах. В итоге я заявил ему: если не будут обеспечены нормальные условия размещения студентов, наш отряд уезжает. Коровин не захотел громкого скандала и приказал развести студентов по домам.

Спустя пару часов спящая уже деревня ожила. В отличие от их начальника, селяне приняли студентов по-доброму. Девчонки приготовили ужин. Ребята накололи дров и затопили баньки. В вечерних сумерках запахло вкусным березовым дымком. Где-то даже заиграла гармошка. Одним словом, быт моих студентов как-то сразу налачился. Некоторые жители потом благодарили меня за своих постояльцев, которые помогли им и с огородом, и с прохудившейся крышей, и с покосившимся забором. А в коровник, как я потом узнал, все же заселили отряд ГПУ-шников, руководитель которых не стал отстаивать интересы доверенного ему коллектива.

Но Коровин не был бы Коровиным, если бы на этом успокоился. Потерпев поражение на первом этапе, он решил отыграться на другом. Ни одно убранное нами поле не было принято с первого предъявления, всегда находились какие-нибудь огрехи. Приезжали контролеры, заходили на поле и тут же обнаруживали (иногда просто доставали из кармана) 2–3 картофелины величиной с 5-копеечную монету. Все, брак! И студентов заставляли убирать поле повторно.

После моего очередного жесткого разговора с Коровиным был согласован компромисс: студенты уберут дополнительно несколько гектаров, после чего директор отпустит их домой. Вечером, уже в сизых сумерках, мы их закончили и начали бросать в воздух чепчики. Всё, домой! Но рано радовались. Пришло известие, что директор совхоза дал указание бухгалтерии нас не рассчитывать, поскольку у него есть для нас другое дополнительное задание.

Это было уже через край. Студенты сели на краю поля на перевернутые ведра и отказались куда-либо идти. Девчонки плакали. До начала учебного года оставалось всего несколько дней и некоторые из них даже не успевали домой, чтобы привести себя в порядок и сменить телогрейки на городскую одежду. Пришлось опять принять волевое решение. Я дал команду студентам собираться и несколькими рейсовыми автобусами наш отряд уехал в Красноуфимск. У большинства студентов к тому времени уже кончились деньги, поэтому мы сбросились и купили всем билеты на поезд. Уже в поезде нас догнал совхозный бухгалтер, который ходил по вагонам и выдавал студентам по ведомости месячную заработную плату – по 14–15 рублей на человека.

Для студентов эта история ограничилась неприятными воспоминаниями, но не для меня. Коровин вдогонку написал сердитое письмо в обком партии, в котором описал и «неудовлетворительное качество работ», и «самовольный

отъезд студентов». Виновником был назван, разумеется, аспирант – руководитель отряда. Письмо с требованием разобраться и наказать из обкома переслали в институт.

Я узнал о нем от сотрудницы отдела кадров, которая предупредила меня, что готовится приказ о моем отчислении из аспирантуры. Со мной даже никто не поговорил: письмо из обкома партии в те времена было равносильно приговору: исполнить и доложить, без вариантов. И вот здесь за меня вступились два человека – Сергей Сергеевич Алексеев и Вениамин Федорович Яковлев. Они пошли к ректору и объяснили ему, что не все в этой истории однозначно: директор совхоза должен нести свою долю ответственности за плохую подготовку к приему студентов. С меня взяли подробное объяснение, которое, как я полагаю, приложили к ответу в обком. Там решили эту историю дальше не раздувать, поскольку было видно, что Коровин в ней тоже виноват.

Вот так: первый курс «картофельного университета» я едва не завалил. Если бы не своевременное вмешательство двух авторитетных людей, моя жизнь пошла бы по совсем другому пути и я, скорее всего, не писал бы эту статью.

В 1975 году я досрочно защитил кандидатскую диссертацию и по инициативе Сергея Сергеевича был оставлен преподавателем на кафедре теории государства и права. Здесь мне уже во второй раз пришлось встретиться с правовым воспитанием. Сергей Сергеевич поручил мне возглавить данное направление, которое закрепили за кафедрой. Я постарался подойти к данному поручению творчески. Сначала зарылся в литературу по правовому воспитанию, познакомился с существующими на тот момент методами и методиками, поговорил с городскими методистами, посетил несколько ближайших методических центров. Затем вместе со студентами мы создали при кафедре Лабораторию правового воспитания молодежи.

Примерно к этому же времени относится и подготовка двух кафедральных учебников – «Теория государства и права» и «Проблемы теории государства и права». Сергей Сергеевич предложил новую по тем временам концепцию: не длинные и расплывчатые «гуманитарные» описания, а четко структурированный, конкретный, компактный по объему учебник. Каждая тема учебника начиналась со списка базовых терминов, которые студенты обязаны были выучить.

В число авторов первого учебника (по причине краткости изложения и красного цвета обложки он получил у студентов кличку «цитатник Мао») я по молодости не попал, но зато во втором мне достались целых четыре главы. На завершающем этапе подготовки учебника Сергей Сергеевич отправил меня в Москву – снимать по нему редакционные замечания. Там я познакомился с Людмилой Алексеевной Плехановой – замечательным редактором, которая вела практически все работы С. С. Алексеева в Юриздате. Две недели работы

над рукописью учебника стали для меня настоящей школой научного редактирования, которую я прошел под руководством Людмилы Алексеевны. Эта школа очень пригодилась впоследствии, когда пришлось уже самому выпускать учебники, монографии, сборники. Завершить и сдать в печать большую коллективную работу кафедры – это было огромное доверие, за которое я признателен Сергею Сергеевичу.

Следующим проектом стало написание учебника «Основы права» для средней школы, на который был объявлен всесоюзный конкурс. Сергей Сергеевич подошел к этому делу предельно ответственно: мы, авторы будущего учебника, по его инициативе отправились в школу преподавать основы права. К сожалению, с этим проектом что-то не заладилось – возможно, что поляна уже была поделена между другими авторами, более близкими к издательству, – но два года работы учителем в средней школе стали для меня бесценным уроком. Я получил наглядную возможность убедиться, что не понимал и недооценивал сложность и трудоемкость работы в школе.

Время от времени на нашей кафедре проводились открытые лекции, о которых тоже стоит рассказать, поскольку в других институтах я подобной практики не встречал. Преподаватель, доцент или профессор, читающий лекционный курс, выбирал тему лекции, которая объявлялась открытой. На нее приходили все свободные от занятий члены кафедры и приглашалась стенографистка. Когда стенограмма лекции была готова, назначалось ее обсуждение. На нашей кафедре оно всегда было корректным, но далеко не комплиментарным. Свои замечания получали в том числе и профессора – структурные недостатки, затянутость, нечеткое изложение отдельных вопросов, стилистические шероховатости и т. д. Считаю такие обсуждения исключительно полезными. В отличие от тех коллективов, где «никому ничего не надо», они поддерживали высокий уровень требовательности, позволяли согласовать подходы к сложным и спорным вопросам теории. Хотел, но так и не смог воспроизвести подобную практику у себя кафедре, так как в целом на факультете права НИУ ВШЭ она не поддерживалась.

Благодаря С. С. Алексееву, на кафедре теории государства и права существовала нормальная психологическая атмосфера. За все это время не помню, чтобы возникали какие-либо коллизии, противоречия или скандалы. Конечно, межличностные трения между членами коллектива были – они есть и будут всегда. Но они никогда не переносились на рабочие отношения. Причем, Сергею Сергеевичу не приходилось прилагать для этого каких-либо усилий, все решал его высочайший личный авторитет. Будучи сам человеком исключительно сдержанным и корректным, он незримо предлагал всем членам коллектива кафедры подстроиться под этот уровень отношений.

В некоторых коллективах, я знаю, существует практика «наушничества», когда руководитель собирает «неформальную информацию» о на-

строениях в коллективе, об отношении к себе, о взаимоотношениях сотрудников, а иногда и об их личной жизни. Такой интерес обычно прикрывается благопристойной фразой о необходимости «знать настроения в коллективе», «обеспечить управляемость» и даже «исключить возможные срывы и инциденты». На самом деле почти всегда в его основе – неуверенность руководителя в своем положении, опасение, что его могут «подсидеть». Подобные отношения разлагают коллектив, создают атмосферу недоверия, интриг, опасений и подозрений. Из членов коллектива выделяется узкий круг лиц, «допущенных к уху» руководителя и нередко использующих это для достижения своих личных целей. Надо ли говорить, что на кафедре С. С. Алексеева никогда ничего подобного не было. Подобная практика абсолютно не вписывалась в ту атмосферу, которую он создавал и поддерживал в своем коллективе.

На встречах с коллегами и выпускниками меня нередко называют «любимчиком» Сергея Сергеевича Алексеева. Не стану спорить. Я уже привел несколько примеров его равнодушного и доброжелательного отношения к себе. Но не все до конца представляют, что означало быть его «любимчиком». Никаких льгот и преимуществ это не влекло – наоборот, с «любимчиков» был повышенный спрос. Помню, когда я сдавал ему кандидатский минимум по теории государства и права, С. С. Алексеев прогнал меня по всему курсу, заставил объяснять тонкости научных проблем, раскрыть позиции конкретных ученых, проверил уровень знакомства с научными журналами и монографической литературой. В итоге я честно заработал свою «пятерку», но вышел из этого экзамена с мокрой спиной.

Статус «любимчика» обязывал быть постоянным помощником руководителя кафедры: отвечать на письма и обращения, составлять справки, отчеты, участвовать в комиссиях и совещаниях, заменять заболевшего или уехавшего в командировку коллегу, брать на себя другие обязанности и поручения. Сергей Сергеевич давал такие поручения и больше о них никогда не спрашивал, поскольку был уверен, что все будет сделано правильно и в срок.

Будучи «любимчиком» руководителя кафедры, я тем не менее не удостоился ни докторантуры, ни зарубежной стажировки, ни даже обычной командировки в Москву, в библиотеку имени Ленина, которую получали все, кто писал докторскую диссертацию. Об этой истории имеет смысл рассказать подробнее. В то время существовала практика, когда молодой ученый должен был пройти как минимум 6-месячную стажировку в ведущих учебных заведениях за рубежом. Считаю это совершенно правильным, поскольку такая стажировка полезна для освоения иностранного языка, для углубленной работы над избранной темой, а также для расширения общего научного и культурного кругозора. Поскольку все молодые преподаватели кафедры к тому времени прошли такие стажировки, дошла очередь и до меня. Я уже приобрел билеты

в Новосибирск, где заседала зональная комиссия, когда из института поступила команда: «Билеты сдать, вы никуда не едете». Оказалось, что партком института отозвал согласие на мою зарубежную стажировку.

Что случилось? Выяснилось, что в партком пришло письмо, в котором сообщалось о моей политической и идеологической незрелости («рассказывает политические анекдоты»), и высказывалось опасение, что я могу остаться за рубежом. Абсурдность этого предположения была очевидна: ну кому, на самом деле, там был интересен никому не известный молодой преподаватель из регионального института? Десятки молодых ученых из института уже съездили в зарубежные командировки и благополучно вернулись. К тому же я выполнял тогда значимое общественное поручение – был председателем совета молодых ученых института (моим куратором по линии райкома комсомола был небезызвестный ныне Геннадий Эдуардович Бурбулис). Тем не менее в парткоме отнеслись к «сигналу» чрезвычайно серьезно и решили «зарубить» мне не только зарубежную стажировку, но и все другие формы поддержки по докторской диссертации. Думаю, что реальная причина была не в том, что я неправильно себя вел, – а в том, что у «алексеевского ученика» все складывалось на зависть удачно, вот и решили немного притормозить.

Пришлось бросить все силы на написание докторской диссертации. Это было очень непросто, но в конечном итоге я написал ее в сжатые сроки и без отрыва от производства. Когда я прошел предзащиту на кафедре, и стало ясно, что вскоре выйду на защиту, те же самые товарищи из парткома срочно повключали меня во все свои планы и отчеты и начали доставать по телефону: «Ну, что ты тянешь! Готовь скорее документы! Ты в плане этого года!»

После защиты секретарь парткома вызвал меня и без тени смущения заявил: «Мы дали тебе докторскую диссертацию. Надо отработать. Поработай-ка председателем избирательной комиссии!» Лицемерие партийного босса было очевидным, плавало на поверхности, но по тем временам оно было обычным явлением. Бесконтрольная анонимная власть над людьми развращала партийцев, превращала их в лицемеров и циников.

Много лет спустя мне назвали фамилию человека, написавшего письмо в партком. Увы, его собственной научной карьере это мало помогло, она не сложилась. Но сегодня, честное слово, я не имею к нему никаких претензий. Скорее, даже наоборот: если бы не его злосчастное письмо, то моя жизнь, вероятно, сложилась бы куда более стандартно и предсказуемо.

Дальше – период политической деятельности, в которой С. С. Алексеев и я пошли разными путями. Моя политическая биография началась немного раньше. Ко мне, молодому доктору наук, юристу, обратилась дочь покойного уральского диссидента, Валериана Федоровича Морозова, с просьбой о восстановлении доброго имени ее отца. Я согласился помочь. Погрузившись в источники, я был просто ошеломлен грубыми нарушениями законности, про-

тивоправным насилием над личностью, попранием элементарных прав и свобод – не в сталинские времена, а сейчас, в наше время! И даже – с косвенным участием знакомых и уважаемых мной профессоров госуниверситета! О том, как из уральского инженера и преподавателя политэкономии В. Ф. Морозова сначала вылепили политического диссидента, а затем подвели его к гибели, я написал большую подробную статью, которая была опубликована в журнале «Урал» (Исаков, 1990: 150–159).

После этой публикации ко мне пошли люди, так или иначе обиженные властью. Я, как юрист, начал им помогать, выступил одним из инициаторов создания свердловского общества «Мемориал». Многочисленные примеры насилия и беззакония со стороны власти обожгли мне душу и сердце. Скорлупа личного благополучия, в которой я тогда существовал, треснула и развалилась. С. С. Алексеев почувствовал это раньше других, пожалуй, даже раньше меня самого: на одном из заседаний кафедры он пророчески заметил: «Теперь его не остановить». Так оно и случилось. В 1989 году я принял участие в выборах народных депутатов СССР, но не прошел, зато на выборах народных депутатов РСФСР в 1990 году прошел сразу, в первом туре голосования. На первом заседании Верховного Совета РСФСР меня избрали председателем одной из его палат – Совета Республики.

Но и сам Сергей Сергеевич не остался в стороне от политики. В том же 1989 году его пригласили в Москву, где он занял пост Председателя Комитета конституционного надзора – предшественника нынешнего Конституционного Суда. Этот недолго просуществовавший перестроечный орган зарекомендовал себя рядом демократических решений, в том числе отменой института прописки. В 1991 году этот Комитет выступил с критической правовой оценкой Соглашения об образовании СНГ, после чего его деятельность быстро свернули.

В 1993 году, после силового разгона Верховного Совета, меня избрали депутатом Государственной Думы по списку Аграрной партии. Здесь наши пути с Сергеем Сергеевичем в очередной раз встретились, на этот раз – в сфере законотворчества. Одной из ключевых задач первого этапа экономических реформ было принятие Гражданского кодекса, который мог бы служить правовой основой для возникновения новых, рыночных правоотношений. По политическому масштабу это была задача, сопоставимая с принятием новой Конституции, а по своей практической значимости – значительно выше. Проект 1 части Гражданского кодекса был разработан группой ученых Центра частного права под руководством С. С. Алексеева и внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу.

Естественно, что вокруг этого ключевого документа завязалась политическая борьба. На подготовку к слушанию Гражданского кодекса претендовали комитет по собственности и комитет по экономической реформе, но

Совет Думы отправил его в комитет по законодательству и судебно-правовой реформе, который возглавлял тогда я. Депутатом-докладчиком по законопроекту был назначен другой алексеевский ученик – Сергей Васильевич Запольский. Следуя своим этическим принципам, Сергей Сергеевич мне ни разу даже не позвонил, не высказал никаких просьб или пожеланий – то есть не предпринял абсолютно никаких шагов, которые могли быть расценены как использование своих личных связей. Но мы и без дополнительных разъяснений понимали значение данного законопроекта, поэтому оперативно организовали его подготовку к слушанию. Я лично написал примечание к главе 17 о том, что эта глава вступает в силу после принятия Земельного кодекса, и уговорил поддержать законопроект влиятельную тогда Аграрную фракцию. 21 октября 1994 года 1 часть Гражданского кодекса была принята 225 голосами депутатов – то есть большинством всего в 1 голос!

Дальше события развивались так. Принятый Государственной Думой и оформленный надлежащим образом текст 1 части Гражданского кодекса был в 5-дневный срок передан в Совет Федерации. Тогдашний Председатель Совета Федерации, В. Ф. Шумейко, запер его в свой личный сейф и объявил: «Мы будем его рассматривать долго и нудно!» Однако Конституция установила конкретный срок для рассмотрения законов в Совете Федерации – не более 14 дней. Владимир Филиппович видимо полагал, что в его власти этот срок проигнорировать. Но случилось иначе. Когда этот срок прошел, в Госдуме изготовили дубликат официального текста закона и С. С. Алексеев лично, минуя все бюрократические барьеры, отнес его в Кремль и положил перед Президентом. Б. Н. Ельцин выслушал С. С. Алексеева и подписал принятый Госдумой закон. В развитии гражданского законодательства в России наступила новая эпоха.

Успешное принятие 1 части Гражданского кодекса было ошеломляющим не только для нас. Позже мне рассказали, что Администрация Президента выделила для ее принятия миллион долларов. Лоббисты всех чинов и рангов, готовившиеся к политическим играм вокруг Гражданского кодекса, наверное, прокляли С. С. Алексеева и меня, так как не успели получить из этой суммы ничего.

На конференциях, а также в личных беседах иногда высказывается мнение, что Сергей Сергеевич Алексеев – конъюнктурщик, который неоднократно менял свои взгляды: сначала воспевал советское государство и право, затем «перековался», стал сторонником рыночной экономики и частной собственности.

Хотел бы посоветовать таким критикам: поставьте себя на место С. С. Алексеева. Каким должно было быть и было отношение к советскому государству и праву у С. С. Алексеева – фронтовика, который защищал это государство с оружием в руках, видел, как погибали его товарищи и друзья? С. С. Алексеев был искренен в своем отношении к советскому государству и праву, и это чувствовали мы, студенты, к которым он обращался.

Но вот настали новые времена, советское государство и право попали под суровую, порой несправедливую и уничтожающую критику. Как должен был откликнуться на эту ситуацию С. С. Алексеев? Стать молчаливым памятником самому себе? Начать посыпать голову пеплом за свои прошлые убеждения? Но фигура кающегося грешника для С. С. Алексеева совершенно не подходит. Он – интеллектуальный лидер, от которого ждут не сожалений и покаяний, а ответов на острые вопросы. В этот период С. С. Алексеев разрабатывает концепцию социалистического правового государства, которое сохраняло бы все ценные черты социализма и в то же время – стояло на почве права, уважения прав и свобод граждан. Свою позицию того времени он выразил, в частности, в книге «Правовое государство – судьба социализма: научно-публицистический очерк» (1988 г.).

Но события стремительно идут дальше. И вот уже обновленный М. С. Горбачевым социализм рухнул, уничтожены его основные институты и завоевания. На какой основе будет теперь развиваться российское государство и право? С. С. Алексеев формирует новую концепцию: на основе частной собственности и защищенных законом интересов собственников, которые одни только в новых условиях могут противостоять консолидированной мощи бюрократического государства.

В последних работах Сергея Сергеевича Алексеева чувствуются разочарование и боль. Он вынужден констатировать, что государственно-правовое развитие России все дальше уходит от принципов правового государства. С тревогой пишет о тенденции сползания в бесправие, опасности нового «крушения права». Заявив друзьям и знакомым о своем глубоком разочаровании в политике, С. С. Алексеев возвращается в Екатеринбург, в институт частного права.

Такова в общих чертах его линия жизни и размышлений, которые оборвала его кончина 12 мая 2013 года. Неужели может показаться, что это – путь «приспособленца»?

Завершая, я хотел бы выразить свое глубокое убеждение, что С. С. Алексеев достойно прошел свой путь в науке и в жизни. В условиях полного слома общественного и государственного строя, разрушения политической и правовой систем, тотальной смены идеологических ориентиров, он не изменил своим базовым идеалам – праву, закону, правам и свободам человека и гражданина, правовому государству, – которые отстаивал всю свою жизнь.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права / Курс лекций в 2 томах. Том 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 383 с.
2. Исаков В. Б. Диссидент. История одного политического дела: факты и документы // Урал. 1990. № 2. С. 150–159.

Vladimir B. Isakov
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Faculty of Law,
Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legal Disciplines
Higher School of Economics
Moscow, Russia
e-mail: visakov@hse.ru

THE WISE HAND OF THE MASTER (S. S. ALEKSEEV IN MY LIFE)

Abstract: the article contains the author's recollections of joint work with an outstanding Soviet and Russian legal scholar, Doctor of Law, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences S. S. Alekseev. It is told about the style of leadership of S. S. Alekseev, human and ethical principles by which he was guided. The role of S. S. Alekseev in the development and adoption of the new Civil Code of the Russian Federation is shown. The assessment of the civil and political position of this outstanding person is given.

Keywords: S. S. Alekseev. Sverdlovsk Law Institute. Department of Theory of State and Law. Methodological seminar. Principles and style of scientific leadership. Adoption of the Civil Code of the Russian Federation. The life path of a scientist and politician.

УДК 347.211

Ковалькова Елена Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Казанского филиала Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
e-mail: ekovalkova@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: показаны ценность права и тенденции развития законодательства в области «цифровых прав». Раскрывается понятие и роль цифровых прав и их разновидностей, понимание «цифровых прав», рассматриваются особенности цифровых прав. Автором анализируются новейшие изменения законодательства о цифровых правах и оцениваются меры, направленные на совершенствование механизма регулирования цифровых прав.

Ключевые слова: ценность права, правовое регулирование, цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровое право.

Значимость и ценность права на современном этапе развития основывается на возможности достаточно быстро реагировать на происходящие процессы в обществе. Так, например, информационные, цифровые, коммуникационные, виртуальные, интернет-права стали неотъемлемой частью нашей действительности. «Цифровые права», под которыми мы предлагаем подразумевать все взаимосвязанные категории (Варламова, 2019; Талапина, 2019: 41–54), тем более что и законодатель отдал предпочтение именно данному термину как более традиционному для российского права. По мнению авторов законопроекта, легализация цифровых прав «позволит отграничить важные для экономики сущности (на данный момент в обиходе они называются «токенами», но не исключено появление новых) от второстепенных или опасных (бонусы по картам лояльности, виртуальные предметы в сетевых играх и пр.), не имеющих значения или имеющих весьма ограниченное значение для экономики»¹.

Вместе с тем выступают ли цифровые права в качестве юридических фактов, жизненных оснований, с которыми нормы права связывают возникновение правоотношений. Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется на первый

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (Дата обращения 26.04.2021)

взгляд. С одной стороны, используемые в гражданском, экономическом обороте цифровые права не могут порождать правоотношений если не признаются правовой системой. С другой стороны, цифровые права уже достаточно активно используются в расчетных отношениях (правда не всегда официальных), в качестве имущества, как процедура совершения сделок и в других аспектах и останавить этот процесс уже не представляется возможным.

Как справедливо отмечается экспертным советом введение в законодательство определения «цифровые права» «не вызывает сомнений», отрицание необходимости восприятия как в правовой доктрине, так и в судебной практике достижений научно-технического прогресса «вряд ли разумно»; послужит развитию гражданского права, направлено на «адекватное регулирование «цифровой экономики»; обеспечивает, «возможность применения достижений прогресса в имущественном обороте» даже если оно «незаметно для несведущего лица». В то же время экспертами отмечается, что не устоявшиеся категории (объекты, процедуры, системы) появляясь, также могут и исчезать из гражданского оборота, следовательно, преждевременно «установление базовых понятий в кодификационном акте, поскольку они еще не являются устоявшимися не только в науке и юриспруденции, но и в экономике»².

В этой связи невозможно не привести высказывание С. С. Алексеева, что «в праве, каким бы ни было конкретное содержание законов, данные юридической практики, правосознания есть своего рода жесткая объективная структура – нечто постоянное, неподвластное волюному усмотрению и произволу никакого лица» (Алексеев, 2006: 46).

Информацию о цифровых правах еще до их законодательного регулирования, мы начинаем встречать в судебной практике. Так, в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ говорится, что «в тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.»³.

² Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // www.consultant.ru (Дата обращения. 23.04.2021).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. N 9; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. N 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 года N 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2020. № 3.

Апелляционный арбитражный суд при рассмотрении дела о банкротстве учел находящийся в стадии рассмотрения законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴, «...предусматривающий определение базового понятия «Цифровое право» (вместо термина «токен» в системе объектов гражданских права (п. 1 ст. 128 ГК РФ))»⁵.

В Определении Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. N 2824-О указывается, что в состав имущества включаются различные как материальные блага, так и «нематериальные блага (в редакции, действовавшей до внесения изменений Федеральным законом от 18 марта 2019 года N 34-ФЗ, которым норма была дополнена указанием на цифровые права как объекты гражданских прав)» которые согласно статьи 301 собственник вправе истребовать⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что без законодательного закрепления в качестве объектов – «цифровые права», не смотря на их реальное существование, их правореализация (совершение сделок, включение в имущественную массу, наложение взыскания на них) невозможна. Как справедливо отмечается авторами законопроекта «невозможно даже ограниченное регулирование рынка «цифровых объектов»⁷.

В связи с этим представляется важным введение в законодательство новой категории объектов «цифровые права»⁸. Анализируя определение, данное в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровыми правами являются объекты гражданского права, отвечающие следующим признакам: 1) легальность – признаются названные в таком качестве в законе права; 2) обязательственные и иные права (так согласно ст. 128 ГК они отне-

⁴ Текст внесенного законопроекта (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (Дата обращения. 28.04.2021).

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда N 09АП-16416/18 // <http://study.garant.ru/#/document/61623374/paragraph/37/doclist/4923/showentries/0/highlight/цифровые%20права:15> (Дата обращения. 26.04.2021).

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. N 2824-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Догадкиной Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав статьями 128 и 301 и пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации» // <http://study.garant.ru/#/document/73057824/paragraph/1/doclist/4923> (Дата обращения. 26.04.2021).

⁷ Пояснительная записка к законопроекту № 424632–7. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>.

⁸ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ // Рос. газ. 2019. 20 марта. № 60; О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 31 (часть I). Ст. 5018.

сены к категории имущественных прав); 3) существующие в рамках только определенной информационной системы, которая в свою очередь отвечает установленным законом признакам.

Следует обратить внимание, что дефиниция «цифровых прав», по сравнению с законопроектом, была существенно изменена. Если в первоначально дефиниция «цифровых прав» сводилась к обозначению или коду, то в принятой редакции «цифровые права» признали именно право, как самостоятельную меру возможного поведения.

С одной стороны, введение понятия «цифровые права» представляется достаточно важным, так как если не определено место данной сущности в ряду объектов гражданских прав, нет возможности включать такой «объект» в конкурсную массу при банкротстве или в наследственную массу.

С другой стороны, само понятие «цифровых прав» достаточно сложно, многозначно и неопределенно. Отметим, что в большинстве своем специалисты в сфере права приняли его неоднозначно (Рожкова, 2020; Гузнов, Михеева, Новоселова, 2018; Василевская, 2019: 111–119; Эрделевский). В ст. 2 Федерального закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁹ указывается, что в качестве объектов цифровых правоотношений выступают также информационные объекты, связанных с цифровыми данными: информационные технологии (процессы, методы поиска, распространения информации и др.); информационные системы (совокупность содержащейся в базах, данных информации); информационно-телекоммуникационная сеть. Специалистами выделяется еще одна категория цифровых прав – виртуальное имущество, которому свойственны ряд признаков: нематериальный характер; цифровая форма; ограниченность в возможности копирования; «квазивладение»; «цифровая власть»; ограниченность существования и функционирования пределами виртуального пространства (Перепелкина, 2020).

Эпоха цифровизации безусловно влияет на изменение подходов правового регулирования в различных отраслях права. Так, в гражданско-правовой сфере, в частности в отношении «цифровых прав», законодатель пошел по пути не описания условий, определяющих оборотоспособность цифровых объектов (как, например, требования к субъектам, создающих и/или организующих такой оборот), и безопасности соответствующего оборота, а установления в нормах новой категории объектов имущественных прав, от которых можно исходить для осуществления регулирования рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений¹⁰.

⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (часть I) ст. 3448.

¹⁰ Токены, криптовалюта, цифровой аккаунт, доменное имя, электронные товары (digital goods), персонажи и их снаряжение в виртуальной игровой реальности и пр.

Следующим этапом регулирования стало вступление в силу с 1 января 2021 г. Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, которым также вводится несколько смежных понятий: цифровые права и цифровая валюта.

Как справедливо отмечается Е. В. Блинковой, Т. А. Борычевой, нововведения вносят скорее декларативный характер, и, следовательно, их реализация и эффективное применение зависят от тех технических норм, которые будут приняты в их исполнение (Блинкова, Борычева, 2020: 14–18).

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что цифровое право следует рассматривать как форму выражения субъективных гражданских прав, закрепленных в законодательстве и реализуемых только в информационной системе. Появление новых категорий есть необходимое следствие социального развития. При этом теоретическое переосмысление ставшими традиционными юридических понятий, представление юридической природы новых прав позволяет определить характер обязательств, обеспечивающих их реализацию, необходимые и допустимые ограничения, адекватные средства защиты.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Линия права. М.: Статут, 2006. 461 с.
2. Блинкова Е. В., Борычева Т. А. Цифровые права в тенденции развития гражданского права // Журнал «Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности)». 2020. N1. С. 14–18.
3. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. N 4.
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
5. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е. и др. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5.
6. Перепелкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. N 29.
7. Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni. (дата обращения 24.08.2020).
8. Талатина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. N 2. С. 41–54.
9. Эрделевский А. М. О цифровых правах. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=122169#08_341457871907578 (дата обращения 24.08.2020).

¹¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 31 (часть I) ст. 5018.

Kovalkova Elena Yuryevna
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Civil Law
Kazan branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice”

УДК 340

Сергей Владимирович Кодан
главный научный сотрудник, профессор
Управления научных исследований
Уральского государственного юридического университета,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Екатеринбург, Россия

DIGITAL RIGHTS IN THE CONTEXT OF LEGAL REGULATION

Resume: the value of law and trends in the development of legislation in the field of “digital rights” are shown. The concept and role of digital rights and their varieties, the understanding of “digital rights” are revealed, the features of digital rights are considered. The author analyzes the latest changes in legislation on digital rights and assesses measures aimed at improving the mechanism for regulating digital rights.

Keywords: value of law, legal regulation, digital rights, digital financial assets, digital currency, digital law.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. С. АЛЕКСЕЕВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА (К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ)^{1*}

Аннотация: статья посвящена исследованию произведений С. С. Алексеева в качестве источника изучения истории советской государственности и права. Автором выделяется три аспекта изучения данных произведений. Первый аспект связан с изучением произведений С. С. Алексеева в контексте юридического источниковедения. Второй – с оценкой особенностей развития советского государства в произведениях С. С. Алексеева. И третий связан с оценкой советского государства и права в произведениях С. С. Алексеева в постсоветский период. Автор приходит к выводу, что творческое наследие С. С. Алексеева является важнейшим и многоплановым источником изучения для различных областей юридического знания.

Ключевые слова: творчество С. С. Алексеева, источник права, советский период, право.

Творческое наследие С. С. Алексеева многогранно. Оно, безусловно, преимущественно относится к общей теории и философии государства и права. Но при этом произведения С. С. Алексеева принадлежат и к важнейшему источнику изучения развития советской и постсоветской государственности и права. Их исследование крайне недостаточно представлено в историко-юридических науках – истории государства и права России. На ряд аспектов изучения творческого наследия С. С. Алексеева как источника познания советского государства и права считаю необходимым обратить внимание в рамках данной статьи, выделив три аспекта в постановке исследовательской проблемы.

(1) *Изучение произведений С. С. Алексеева в контексте юридического источниковедения* имеет свою специфику. Рассмотрение их требует опре-

¹ * Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 19–011–00866 А «Советский конституционализм: доктринальное, юридическое и символическое измерения».

делённых методологических ориентаций и конкретно-исторического подхода, исследования их в контекстах времени написания. Поэтому позволю себе некоторое источниковедческое вступление теоретико-методологического характера, имеющее отношения к проблеме изучения творческого наследия ученых в целом и С. С. Алексева в частности.

Прежде всего, необходимо важно учитывать, что именно произведения юристов как современников и исследователей государственно-правовых явлений и институтов в социально-политическом пространстве своего времени – конкретно-историческом измерении, в котором они находились и нередко были в числе активных участников происходящих событий, выступают важнейшими и ценнейшим источниками познания государства и права. Их научно-познавательная значимость проявляется в том, что научные труды юристов в объективном плане выступают как продукты научной деятельности и как «зафиксированное прошлое» претендуют на относительно объектное представление, аналитическое представление в них происшедших событий и явлений и, соответственно, позволяют современному исследователю уже в настоящем – «здесь и теперь». Такие произведения позволяют реконструировать историческую действительность, прошедшую через сознание учёного и представляющее субъективный план его видения происходящего. Эти субъективные взгляды и оценки учёными явлений объективной государственно-правовой действительности и представляют своеобразные «послания» в будущее, в которых он «объективирует» себя в созданном им интеллектуальном продукте – научном произведении. Научные труды, поэтому, являются одним из главных источников познания государства и права, которые позволяют исследователю на основе тестов произведений учёных предшествующих поколений «заглянуть в прошлое», на их основе вникнуть в сущность государственно-правового прошедшего развития с их позиций исследователя, попытаться глубже понять развитие государства и права. Следует учитывать и другие особенности научных трудов как источников познания государства и права (Кодан, 2016: 189–195).

Научные труды входят в систему источников познания государства и права. Именно поэтому В. М. Сырых выделяет «научные публикации и рукописные научные работы» в качестве элемента «эмпирического базиса» и считает, что «этот вид источников опосредствует, выражает один из наиболее глубоких уровней отражения права – научное правосознание – и имеет свою специфику. В эмпирический базис он входит не своим непосредственным содержанием – наличным эмпирическим и теоретическим знанием, а лишь частично: материальным носителем... знаний в виде публикации или рукописи. Выраженное в источнике знание является научным фактом, с которым должны считаться другие исследователи» (Сырых, 2001: 300).

Но, пожалуй, главным является вопрос: *не безнадежно ли устарели и утратили ли свою научную значимость произведения советских юристов,*

написанные в рамках требований партийности и следования марксистско-ленинской идеологии? С этим вопросом мне нередко приходится встречаться в практиках обучения аспирантов и магистров. Представляется, что при определённой методологической ориентации их изучения именно работы советских правоведов позволяют понять особенности советского периода государственно-правового развития России в условиях формирования и развития идеографического типа государственности и права. Труды советских юристов, написанные в обстановке жёсткого прессинга идеологических и цензурных ограничений, безусловно были призваны обеспечить партийность юридической науки и сформировать соответствующее мировоззрение советских юристов. Но именно они позволяют объективно исследовать на условия и особенности партийного и идеологического воздействия на развитие советского государства и права.

Также следует подчеркнуть и то, что в современных условиях изучение истории советского государства и права 1917–1980-х гг. нередко приводит к противоположным оценкам советского прошлого, требует более глубокого понимания политических и идеологических процессов развития государственно-правовых институтов в условиях марксистско-ленинской идеологии и однопартийной политической системы. В этом отношении весьма интересны работы советских правоведов, которые содержат доктринально-методологические подходы, позволяющие понять природу советского государства права. Среди узловых проблем изучения истории государства и права указанного периода выделяется воздействие коммунистической партии на юридическую политику и правовое регулирование. Советское государство, представлявшее чётко выстроенный партийно-государственный механизм управления социальными процессами, служило орудием реализации идеологии и политики исключительно коммунистической партии, доминирующей в политической системе советского общества. Поэтому без опоры на произведения советских правоведов как на своеобразные «доктринальные свидетельства и документы эпохи» невозможно более глубоко исследовать процессы и механизмы государственно-правового развития в советский период. И в этом отношении произведения С. С. Алексева как выдающего учёного и мыслителя представляют интересный пласт описания, суждений и оценок советской государственности и права в идеологическо-политическом и государственно-правовом срезе личностного их восприятия и изучения.

(2) *Оценки особенностей развития советского государства в произведениях С. С. Алексева* в 1960-м – первой половине 1980-е гг. отражают своё время и определяются необходимостью при исследовании произведений учёного учёта условий, в которых они создавались. Они были написаны, как работы других правоведов, в обстановке безусловного и непрерываемого в реализации принципа партийности, отступление от которого в сталинский

период было чревато расстрелом, а во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. как правило и чаще всего «пожизненным изгнанием» из профессии. На это обращает внимание в 1998 г. С. С. Алексеев, подчёркивая, что «в идеологии всегда есть моменты абсолютизации, возвеличивания идей, их ориентации на обслуживание определённых практических, политических, идейных задач – то, что в марксистском обществоведении именовалось партийностью, служением классам, социальным группам, нациям, неким возвышенным идеалам» (Алексеев, 2010: 21).

Но и в этих условиях научным работам С. С. Алексеева был свойственен научный подход со стремлением понять механизмы функционирования партийно-государственного механизмов управления и правового регулирования в условиях (опять же подчеркну) дозволенных и возможных теоретических оценок их развития. Его анализ и оценки особенностей функционирования существующей политической, государственной и правовой системы показывают её сущностные характеристики сложившего механизма управления и правового регулирования. Приведу некоторые характерные примеры из творческого наследия С. С. Алексеева советского периода его творчества.

Специфику принципов светского права С. С. Алексеев видел в их ярко выраженной партийности и идеологической направленности. И хотя они в нормативно правовых актах специально не фиксировались раскрывались и не подчёркивались, здесь принципиально важным является его замечание, что они практически присутствовали на всех этапах правового регулирования в РСФСР–СССР. «Общие социально-политические принципы социалистического права – это принципы социализма» – подчёркивал С. С. Алексеев в 1972 г. Он также выделял принципы, имеющих «непосредственное значение для понимания социалистической природы ... права» – социально-экономические, политические, идеологические, политико-национальные, нравственные. Они, по мнению учёного отражались в нормативной форме «господство марксистско-ленинской идеологии, руководящая роль Коммунистической партии» (Алексеев, 1972: 106).

В 1977 г. С. С. Алексеев весьма чётко охарактеризует партийно-идеологический компонент советской государственно-правовой системы и констатирует: «Социалистическое право – такой функционально-связующий компонент политической организации, который в единстве с функционированием государства органически сопряжён с руководящей деятельностью Коммунистической партии. Именно в законах, в юридических нормах находит непосредственное (точнее, наиболее непосредственное после программных документов партии, партийных решений, директив и других руководящих партийных документов) и в тоже время осуществляемое через советские органы общегосударственное воплощение партийной политики, выражающей коренные интересы советского народа, глубинные потребности социалистиче-

ского общества». Он также отмечал, что «важнейшие законодательные акты Советского государства разрабатываются и принимаются в соответствии с решениями КПСС, её центральных органов – съездов, Пленумов ЦК, Политбюро. При этом отчётливо просматривается «цепочка» политических актов, которая воплощает руководящую роль КПСС в указанной области. Сначала – решение или иное руководящее положение в партийном документе, затем – общее, часто совместное ЦК КПСС и Совета Министров СССР, партийно-государственное нормативное решение по соответствующему вопросу и, наконец, конкретный нормативный акт государственного органа, а нередко – комплекс актов» (Алексеев, 1977: 20–21). При этом заметим, что *советское право* официально представлялось как продукт законодательной деятельности Советского государства и выражалось в форме законов и подзаконных нормативно-правовых актов и не особенно подчёркивалось, при провозглашении «руководящей и направляющей роли КПСС» фактически процессами правового регулирования руководило Политбюро ЦК КПСС, которое своими решениями давало поручения по созданию правовых документов и предопределяло их содержание, утверждало проекты нормативно-правовых актов различного уровня. После утверждения Политбюро законы «поступали» на рассмотрение законодательных органов, а подзаконные акты следовали из соответствующих центральных органов государства для исполнения. И лишь публикации документов в 1990-е – начале 2000-х гг. с открытием секретных архивов коммунистической партии, представили всю палитру таких партийных решений по вопросам правового развития.

С. С. Алексеев обращает внимание и характеризует место совместных постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР как формы легитимации в обществе и легализации в правовом регулировании партийных решений путём предания им нормативно-правовой значимости. Он в 1973 г. отмечает, что «особое значение принадлежит в социалистическом обществе нормативным актам, которые исходят от государственных органов и Коммунистической партии. В них соединены характерные признаки правовых актов и актов общественных организаций, правовых норм и партийных директив. Такое соединение существенно увеличивает общественное значение и общественный авторитет нормативных актов» и именно такой акт «формально не отличаясь от государственных актов такого же ранга», но «с точки зрения своего юридического авторитета выделяется среди соответствующих нормативных актов» (Алексеев, 2010а: 438–439).

Представленные отдельные положения работ С. С. Алексеева безусловно не выходили за пределы официально установленных рамок исследования, но весьма интересны с точки зрения обозначения общих теоретических вопросов понимания советской государственности и права. Но ценность их состоит именно в том, что они позволяют более глубоко определить и понять основные

особенности функционирования партийно-государственной системы в СССР в рамках в рамках подходов в советской юридической науке.

3) *Оценка советского государства и права в произведениях С. С. Алексеева в постсоветский период* его творчества – во второй половине 1980 – начале 2020-х гг. – характеризует и раскрывает его гражданскую и профессиональную позицию относительно анализа советского периода истории России. Произведения постсоветского периода творчества С. С. Алексеева раскрывают его с новой стороны – не только как выдающегося теоретика права, но и как мыслителя и философа права, суждения о советском периоде развития государства и права которого были осмыслены через судьбу советского народа и собственную жизнь.

Безусловно этому способствовал начавшийся по руководством М. С. Горбачёва период «перестройки» в середины 1980-х гг. с её попытками реформирования советской социально-политической и государственно-правовой системы. Были частично сняты партийно-идеологические ограничения на исследования в общественных науках, включая изучение государства и права. С. С. Алексеев, как и ряд известных юристов-«восемидесятников» (по аналогии «оттепели» и плеяды «шестидесятников») середины 1960-х гг. был привлечён к решению насущных проблем в политической и юридической сфере жизнедеятельности общества.

С. С. Алексеев находился в сердцевине политических процессов – в 1989 г. был избран народным депутатом СССР от Академии наук СССР и научных обществ, являлся председателем комитета по вопросам законодательства, законности и правопорядка Верховного Совета СССР, в 1989–1991 гг. возглавлял Комитет конституционного надзора СССР – принципиально нового органа государственной власти, принявшего ряд решений об отмене ограничений для граждан, юридической ничтожности «секретных» актов КПСС и советского государства и др. действительно судьбоносных решений направленных в сторону формирования демократических основ государственно-правовой системы в рамках пока ещё не полностью утраченной монополии КПСС на власть. После провозглашения суверенитета России, распада СССР и прекращения деятельности КПСС в 1991–1993 гг. С. С. Алексеев принял участие в создании действующей Конституции Российской Федерации – вместе А. А. Собчаком, Л. С. Мамутом и С. М. Шахраем являлся автором её текста.

Во второй половине 1990 – начале 2000 гг. указанный период С. С. Алексеев не прекращал научную деятельность и обращался к широчайшему проблем философо-правового характера – вопросам ценностного понимания и оценки власти, политики, государства и права в философо-нравственных и исторических контекстах их понимания и роли в российском обществе в проекции прошлого, настоящего и будущего развития России. Характерно, что практически одновременно к той проблематике обращается и В. С. Нерсисянц

известный в стране юрист и философ права, исследователь права и правового государства. И это не было случайностью. Курс на создание правового государства и правового законодательства, конституционного закрепления прав человека и гражданина, организацию современной демократической системы власти, законотворчества и управления требовали не только проведения работы в этом направлении, но и осмысления прежних этапов развития права в дореволюционной и советской России, понимания – на какой мировоззренческой основе и с учётом какого интеллектуального прошлого и настоящего наследия необходимо двигаться и в каком направлении. Ответы на эти вопросы следовало искать не только в анализе сущностных основ понимания государства и права, которые были сконцентрированы и обсуждались именно в рамках лучших научных трудов по философии права и юриспруденции, но и в философском и теоретическом осмыслении советского прошлого – опыта развития государства права в 1917–1980-е гг.

Наряду с развитием теории права С. С. Алексеев активно обращается к философо-правовой и науковедческой проблематике, что было вполне закономерным. Его учителями были ряд представителей старой русской профессуры а после смерти Сталина стали коллегами и возвращённые в вузы правоведы дореволюционной школы. Да и сам С. С. Алексеев был прекрасно знаком лучшими образцами российской дореволюционной философской и политико-правовой мысли, опирался в своих теоретических изысканиях на правовое наследие прошлого. Он, конечно же, в рамках дозволенного и соблюдение требований партийности к общественным наукам, пытался смикшировать пагубные последствия отказа от прямого использования юридического наследия в практиках изучения теоретических основ советского права. И хотя основные произведения российских юристов XIX – начала XX столетий не находились в «спецхранах» (зарытых для общего доступа хранилищах) библиотек, но они подверглись критике и на них не очень было принято ссылаться в работах советского времени (особенно до некоторой идеологической оттепели в середине 1960-х гг., которая впрочем, достаточно быстро была свёрнута). Ознакомление с работами С. С. Алексеева безусловно показывает не только знание им произведений дореволюционных правоведов, но стремление использовать их теоретические основания в изучении советского государства и права, в формировании новых теоретических конструкций теории государства и права в рамках марксистско-ленинских доктринальных установок и на основе «дозированной (и порой и скрытой) преемственности и опыта развития дореволюционной юриспруденции. На основе трудов и исследований учёных сформированной им научной школы готовились и издавались учебники по основному курсу и проблемам теории государства права, которые в определённой части были развитием лучших традиций правовой науки, содержали чётко определённые теоретические положения о государ-

стве и праве. Эти учебники были востребованы (свидетельствую по опыту собственного обучения в Иркутском государственном университете) в системе подготовки юристов и закладывали теоретическое понимание государства и права, стольнеобходимые для будущих юристов.

Здесь важно учитывать и определённые личные «мотивы» – С. С. Алексеев на себе испытал, что такое иметь отношение особой категории граждан «ЧСИР» («член семьи врага народа»). Его отец – С. Н. Алексеев – был арестован 6 августа 1937 г. и 11 августа 1937 г. осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей по вымышленному обвинению преступной группе, ведении подрывной работы и контрреволюционной пропаганды против советской власти и только в 1947 г. его дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Приведу отрывок из работы С. С. Алексеева автобиографического характера – «Уроки. Тяжкий путь России к праву» (1997 г.), когда он – человек прошедший фронт и воевавший в качестве сапёра – поступал в Свердловский юридический институт. По его воспоминаниям – «Прочитав мою анкету, где я честно написал о своём отце, в то время отбывавшем лагерный срок по разряду «врага народа» на Колыме, начальник спецотдела института, средних лет женщина в кители, по-дзержински, как, видимо, ей думалось, в упор минуту-другую по пытала меня взглядом. Я так же молча, старясь – как мне казалось – быть выразительным, перевил ее взгляд на свою гимнастёрку, сохранившую приметы недавней фронтовой поры. Сбегала куда-то. Вернувшись, сказала: – Ладно, учись. А с распределением – не знаю уж как...» (Алексеев, 2010b: 12).

Представляется, что все указанное имело значение для С. С. Алексеева в его отношении к необходимости закрепления «святости права», прав человека в законодательстве, и особенно, конституционном закреплении основ нового государственного строя и правовой системы России системы, основанной на естественном праве и демократических ценностях современного общества. Заметим, что именно последнее, во многом определило содержание его философско-правовых и теоретико-правовых исследований постсоветского периода творчества.

Творческое наследие С. С. Алексеева второй половины 1990-х – начала 2010 гг. включает комплекс произведений, связанных прежде всего с осмыслением советского периода развития государственно и права и это ставит их в число важнейших свидетельств личностного научного характера. Их содержательный диапазон достаточно широк и интересен.

Автобиографический срез и анализ собственного пути в «право и жизни в праве» представляет честная и бескомпромиссная работа «Уроки. Тяжкий путь России к праву» (1997 г.). В своё время её чтение (да и недавно – повторно) на меня лично это произвело большое впечатление и открыло ещё один срез – личностно-мемуарный – творчества С. С. Алексеева.

Философско-правовые взгляды С. С. Алексеева в преломлении и во взаимосвязи с теорией права представлены в работах «Философия права» и «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху» (1998 г.), в которых сформированы философско-методологические подходы к пониманию права, его ценности и значению в жизни общества.

Аналитическо-оценочное и программно-прогностическое истории и будущего права представлены в работах «Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» (2000); «Восхождение к праву. Поиски и решения» (2001, 2002); «Право собственности. Проблемы теории» (2006, 2007); «Тайна и сила права : наука права: новые подходы и идеи, право в жизни и судьбе людей» (2009).

Анализом основных прошлого развития права в СССР и происходящего в правового развития в России – своеобразным предупреждением о возможных рецидивах возвращения пониманию права в прошлом и советском легизму – стали работы С. С. Алексеева «У истоков конституции России. Субъективные заметки» (2009), «Крушение права. Полемические заметки» (2009).

В итоге необходимо подчеркнуть – творческое наследие С. С. Алексеева является важнейшим и многоплановым источником изучения для различных областей юридического знания. В историко-юридическом плане его личные свидетельства, подходы и к изучению и оценки философско-теоретического характера партийно-государственной системы управления и нормирования жизнедеятельности в СССР позволяют выйти на теоретико-исторический анализ советского государства и права в новых проекциях из изучения.

Библиографический список

1. Кодан С. В. Научные труды юристов в системе источников изучения истории государства и права // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 189–195.
2. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М., 2001. Т. 1. 560 с.
3. Алексеев С. С. Философия права // Алексеев С. С. Собр. соч. в 10 т. М., 2010. Т. 7. 495 с.
4. Алексеев С. С. Проблемы общей теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
5. Алексеев С. С. Советское право как средство осуществления политики КПСС // Правоведение. 1977. С. 15–23.
6. Алексеев С. С. Проблемы теории права // Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. М., 2010а. Т. 3. 495 с.
7. Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. М., 2010b. Т. 4. 495 с.

Sergey V. Kodan
Chief researcher professor
Office of Scientific Research
Ural State Law University,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Yekaterinburg, Russia

Куручкин Сергей Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета
Екатеринбург, Россия

WORKS S. S. ALEKSEEVA AS A SOURCE OF STUDYING THE HISTORY OF SOVIET STATEHOOD AND LAW (TO THE STATEMENT OF THE RESEARCH PROBLEM)²

Abstract: the article is devoted to the study of the works of S. S. Alekseeva as a source for studying the history of Soviet statehood and law. The author distinguishes three aspects of the study of these works. The first aspect is related to the study of the works of S. S. Alekseeva in the context of legal source study. The second – with an assessment of the peculiarities of the development of the Soviet state in the works of S. S. Alekseev. And the third is connected with the assessment of the Soviet state and law in the works of S. S. Alekseeva in the post-Soviet period. The author comes to the conclusion that the creative heritage of S. S. Alekseev is the most important and multifaceted source of study for various areas of legal knowledge.

Keywords: creativity S. S. Alekseeva, source of law, Soviet period, law.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ НОРМ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация: проблемы эффективности правовых норм приобретают все большее значение в современном правоведении. Социальный аспект эффективности вынуждает ученых изучать не только правовые явления, но также и динамику реальных общественных отношений. Выявление и оценка социальной эффективности правовых норм требуют новых методологических подходов. В работе рассмотрены некоторые из них, прежде всего экономический, основанный на современных методах изучения эффективности права и правовой деятельности.

Ключевые слова: эффективность, цели, результаты, социальная эффективность норм права, издержки.

Разработкой методов оценки эффективности права ученые активно занимались с 70-х годов XX века. Достоянием отечественной науки стали исследования эффективности правовых норм, эффективности действия правовых норм, эффективности правового регулирования, эффективности правоприменительных актов. В общетеоретических и в отраслевых научных работах авторы обращались к анализу целого комплекса проблем, связанных с эффективностью правового воздействия. Актуальность изучения эффективности правовых норм не снижается и сегодня. Многие современные ученые отмечают проблемы изучения и оценки эффективности правовых предписаний, эффективности реализации правовых норм, анализа результативности и экономичности правового регулирования. Так, М. Е. Глазкова отмечает, что в условиях отсутствия полноценного и системного мониторинга процессуального законодательства говорить об эффективности тех или иных норм не позволяют и доступные статистические данные, поскольку даже при условии полноты охвата объекта исследования они отражают лишь отдельные из многих аспектов реализации процессуальных норм. В этих условиях любой вывод о более высокой или менее высокой степени эффективности действия правовой нормы имеет исключительно субъективный характер (Жуйкова, 2016: 92). Экспертные выводы, бесспорно, важны, но основой для выводов об эффективности правовых норм должны стать, на наш взгляд, объективные показатели и параметры.

Результат правового воздействия проявляется в реальных изменениях общественных отношений. Такие изменения обладают значимым социальным

² The publication was prepared within the framework of the research project No. 19–011–00866 A «Soviet constitutionalism: doctrinal, legal and symbolic dimensions» funded by the RFBR.

эффектом, требуют оценки социальной эффективности правовых предписаний. Неслучайно изучение социальной эффективности права рассматривалось советскими правоведами в качестве одного из важнейших направлений юридической науки, состоящего в выяснении того, какие реальные правовые отношения возникали на основе действующих норм права в реальной действительности и какое воздействие они оказали на те социальные отношения, правовой формой выражения которых они являются (Пионтковский, 1965: 74). Изменения общественных отношений как явления объективной реальности могут быть зафиксированы и оценены, прежде всего, для анализа результативности правового регулирования. В основу таких оценок и измерений должны, на наш взгляд, быть положены не только традиционные методы юридической науки, но также разные методы социологии и экономики, позволяющие перевести анализ эффективности из сферы субъективных оценок в область объективно measurable показателей. Особо стоит подчеркнуть, что именно такие методы позволяют максимально учесть социальный эффект воздействия правовых предписаний, оценить удовлетворенность действием правовых норм теми субъектами, в интересах которых такие нормы разрабатываются и принимаются.

Эффективность как понятие характеризует соотношение поставленной цели и достигнутых результатов. В науке эффективность норм права традиционно рассматривается как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты (Кудрявцев, 1980: 22). Норма права социально эффективна, если, соответствуя объективным потребностям прогрессивного развития общества, она предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемого для достижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление фактического результата, соответствующего этой цели (Пашков, Явич, 1970: 41). Таким образом, социальная эффективность правовых норм, на наш взгляд, прежде всего должна быть рассмотрена именно в таком аспекте, сопоставлением целей и результатов их действия (телеологический подход).

В современных условиях социальное значение цели правовой нормы выходит далеко за пределы узкоотраслевого регулирования. Недаром в доктрине отмечалось, что содержащаяся в норме права всеобщая мера абстрактного равенства социально неоднородных субъектов в тех особенных формах, которые присущи каждой сфере общественной жизни, является критерием эффективности деятельности всего общественного целого по приведению его отношений к общему типу (Пашков, Фомин, Явич, 1977: 34). В оценке социальной ценности, полезности правовых норм неопределимую помощь могут оказать современные методы исследования эффективности права, прежде всего, экономический анализ права, методы социологии права.

Практическая реализация телеологического подхода, оценка социальной эффективности конкретной нормы предполагает установление ее непосредственной цели. Стоит отметить, что «цели отдельных норм способны оказывать наибольшее воздействие на отдельного субъекта. Это объясняется тем, что они отличаются большей конкретностью, привязаны к четко определенным, довольно узким вопросам отношений между субъектами» (Мингазов, 1990: 21). Что же считать такой целью? Довольно сложная методика установления целей правовых норм была предложена в 80-х годах XX века В. И. Никитинским и В. В. Глазыриным. Отдавая должное выводам выдающихся советских правоведов, сложно согласиться с итоговым их выводом – «понимание цели правовой нормы в конечном счете также регулирует поведение ее адресатов, но не через формальные признаки возможного должного поведения, а путем указания на те материальные результаты, достижению которых должно служить поведение людей» (Кудрявцев, 1980: 155). На наш взгляд, попытка считать целью правовой нормы материальный результат обесмысливает оценку ее эффективности. Непосредственная цель правовой нормы – результативное воздействие на волю и сознание адресата правового предписания в направлении, заданном диспозицией такой нормы. Именно реализацию участниками правовых отношений заложенной в норме модели можно считать непосредственной ее целью. Достижение такой цели определяет результативность правового предписания.

Анализ правовых норм в единстве с социальными результатами их действия дает возможность выявить не только функции отдельных правовых предписаний, но также и социальные цели, принимая во внимание определенное социальное содержание, ради которого такие нормы закрепляются в правовых источниках. По общему правилу, как известно, цель правовой нормы не может быть извлечена из нее непосредственно, иначе по-прежнему остается возможность отождествить разные формально-абстрактные формы этих целей без учета того конкретного социального содержания, ради которого правовая норма принимается (Пашков, Фомин, Явич, 1977: 32). Правовые нормы наполнены социальным содержанием. Так, например, цели гражданского процессуального права – это система правовых целей его норм, в совокупности направленных на оказание социально полезного результативного воздействия на волю и сознание вовлеченных в процессуальную деятельность лиц.

Что считать результатом действия правовых норм, учитываемым в оценке их эффективности? Правовое воздействие – это влияние элементов правовой действительности на социальные взаимоотношения людей, в результате которого достигается урегулированность и упорядоченность социальных связей и отношений (Берг, 2019: 170). Как известно, непосредственным результатом правового регулирования, конкретным его проявлением в доктрине призна-

ются реализация норм права, правомерные действия участников общественных отношений. По некоторым оценкам, однако, результаты действия права как регулятора общественных отношений выражаются не только в поведении их участников. Так, В. И. Никитинский и И. С. Самощенко полагают, что такими результатами могут быть: общий строй и состояние определенных общественных отношений; чисто материальные объекты, создаваемые в процессе урегулирования правом деятельности людей и их коллективов; состояние (изменение состояния) ценностей и благ, лежащих в основе охраняемых (допускаемых) правом интересов общества, коллектива, личности; уровень законности в той или иной сфере общественной жизни и многие другие объекты, явления, процессы (Кудрявцев, 1980: 42). С высказанным мнением трудно согласиться. Общий строй и состояние определенных общественных отношений, материальные объекты, уровень законности, состояние ценностей и благ, лежащих в основе охраняемых правом интересов общества, коллектива, личности – все это не результат действия права как такового, а итог фактической деятельности людей. Все эти явления становятся не только результатом правового воздействия, их существование определяется целым комплексом факторов правового и неправового свойства.

Как известно, правовое воздействие в правовой действительности представляет собой осуществляемые на принципах прямой и обратной связи (которые опосредованы нормами права, иными правовыми явлениями и средствами), упорядоченные социальные связи субъект-субъектного типа, обусловленные социально-экономическими, информационными и юридическими факторами (Берг, 2021: 259). Социальные связи объективируются в действиях. Именно они являются результатом реализации норм права, именно они завершают работу механизма правового регулирования, «происходит перевод общих предписаний юридических норм (на стадии правоотношения – конкретизированных в правах и обязанностях) в то фактическое, реальное поведение, на которое направлена воля законодателя» (Алексеев, 2008: 283). Так, например, результатом воздействия норм гражданского процессуального права результатом становятся процессуальные действия суда и участвующих в деле лиц, совершаемые ими в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела. Поскольку процессуальные нормы сильны единством, результатом их реализации будет совокупность упорядоченных действий, позволяющих достичь целей гражданского судопроизводства.

На наш взгляд, социальный результат действия правовых норм в значительной мере определяет их эффективность. По этой причине социальный эффект действия норм права должен включаться в состав результатов их реализации и приниматься во внимание при оценке их эффективности. Неслучайно С. С. Алексеев говорил о том, что механизм обеспечения эффективности воздействия права на общественные отношения характеризует соотноше-

ние правового регулирования с тем социальным эффектом, на который оно направлено (Алексеев, 2018: 37–38). Социальный компонент эффективности правовых норм выделяли многие другие ученые (Кудрявцев, 1980: 49).

Социальная эффективность правового воздействия – это качество достижения целей правового регулирования определенной области общественных отношений, оцениваемое сравнением с ними социального результата воздействия. Так, например, в арбитражном и гражданском судопроизводстве социально эффективным результатом будут не правоприменительные акты, не действия, а изменившиеся фактические состояния, позволившие субъектам реализовать свои потребности. Согласимся с тем, что «эффективность правового регулирования – это его действенность, результативность, т. е. способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении» (Пашков, Чечот, 1965: 3). Придать динамику общественным отношениям в полезном для общества направлении – вот каким видится результат эффективного правового воздействия. Замерять такой результат можно не только абсолютными, но также и относительными показателями, сравнивать исходное и конечное состояние, сопоставлять альтернативы в достижение поставленных целей. Неслучайно В. В. Лазарев отмечал, что понятие эффективности предполагает определенный элемент сравнения. Всегда важно знать, какие методы и средства приносят наибольшие результаты, а какие – действуют с меньшей отдачей (Лазарев, 1975: 91). В ряде случаев точная оценка эффективности либо чрезмерно затратна, либо невозможна. Именно тогда используется сравнение различных вариантов достижения цели. Сравнение нескольких альтернатив по заранее установленным критериям (например, по издержкам) позволяет не просто оценить их эффективность, но также и сделать рациональный выбор в пользу наиболее эффективной. Подчеркнем, в таком случае оценивается не абсолютная, а относительная социальная эффективность правовых норм.

Рассмотренный телеологический подход в оценке социальной эффективности правовых норм, основанный на сопоставлении реально достигнутых результатов с заданными социальными целями правового воздействия, не исключает и других подходов. Так, в современных условиях все большую значимость приобретает проблема издержек, которые вынуждены нести общество и государство для регулирования общественных отношений правом. Временные издержки, прямые расходы, социальные издержки, выгоды, упущенные при нерациональном выборе альтернатив, издержки ошибочных решений – все эти затраты также подлежат учету при оценке социальной эффективности правовых предписаний, направляющих действия субъектов права. Неслучайно, например, в Великобритании укоренилась идея «пропорционального» правосудия. «Пропорциональность процедуры рассмотрения спора предполагает, что стоимость защиты права коррелирует с ценностью этого

права» (Лазарев, 2018: 391). Сравнение достигнутых результатов правового воздействия с издержками их получения позволяет говорить еще об одном, экономическом подходе в оценке социальной эффективности правовых норм. Социальную ценность, полезность результата, оптимальность избранных законодателем приемов и способов как раз и характеризует его соотношение с фактической величиной произведенных затрат, издержек. Их перечень весьма широк. Так, например, к числу издержек достижения целей правовых норм принято относить материальные затраты, духовные издержки, а также отрицательные побочные явления (Чулюкин, 1978: 69). В литературе справедливо указано, что определение затрат характеризует, как правило, не цель, а средства ее достижения. Цель не обязательно должна быть экономически выгодной, в то время как для средств это требование неукоснительно (Кудрявцев, 1980: 64).

Оценивая социальную эффективность, не стоит недооценивать либо переоценивать влияние правовых норм на общественные отношения. Правовое воздействие, отмечает Л. Н. Берг, как сложный многоэлементный комплекс правовых и социальных явлений, в динамике обеспечивающих упорядоченность социальных связей субъектов, достигается за счет синергии взаимодействия элементов такого воздействия. Каждый из элементов правового воздействия, сам по себе, будучи «вырванным» из общей совокупности элементов, не способен с должной эффективностью обеспечить правомерное поведение (Берг, 2019а: 22). Вместе с тем анализ вклада именно правовых предписаний в общий эффект управляющего воздействия – залог правильной оценки социальной эффективности норм права.

В завершение подчеркнем, что только комплексным сравнением результатов действия правовых норм с заданными социальными целями и всеми затратами на получение таких результатов можно оценить социальную эффективность правовых предписаний. Социальная эффективность правовых норм – это их способность системно, результативно и с наименьшими издержками воздействовать на поведение участников общественных отношений, определяемая сравнением целей правовых норм, фактических результатов их действия и всех видов затрат их достижения.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. 2-е изд. Екатеринбург, 2018. 190 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. 565 с.
3. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 429 с.
4. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019а. 48 с.

5. Берг Л. Н. Теория правового воздействия. М., 2021. 309 с.
6. Жуйкова В. М. Проблемы развития процессуального права России М., 2016. 224 с.
7. Кудрявцев В. Н. Эффективность правовых норм. М., 1980. 280 с.
8. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. Вопросы теории. Казань, 1975. 207 с.
9. Лазарев С. В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом. М., 2018. 400 с.
10. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990. 207 с.
11. Паиков А. С., Фомин Э. А., Явич Л. С. Эффективность действия правовых норм Л., 1977. 143 с.
12. Паиков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–12.
13. Паиков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.
14. Пионтковский А. А. Юридическая наука, ее природа и метод // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 74–76.
15. Чулюкин Л. Д. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1978. 175 с.

Sergey Kurochkin
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia

SOCIAL EFFECTIVENESS OF LEGAL PROVISIONS: MODERN APPROACHES

Abstract: the issues of the effectiveness of legal provisions are becoming increasingly important in modern jurisprudence. The social aspect of efficiency forces researchers to study not only legal phenomena, but also the dynamics of real social relations. Identification and evaluation of the social effectiveness of legal provisions require new methodological approaches. The paper considers some of them, first of all, economic approach, based on modern methods of studying the effectiveness of law and legal activity.

Keywords: efficiency, goals, results, social effectiveness of legal norms, costs.

Левитан Константин Михайлович
 доктор педагогических наук,
 профессор кафедры русского,
 иностранных языков и культуры речи
 Уральского государственного
 юридического университета
 Екатеринбург, Россия
 e-mail: inyaz@usla.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в настоящее время состояние юридического образования характеризуется как кризисное. **Цель** – статьи выявить актуальные проблемы юридического образования, определить их специфику, предложить пути преодоления противоречий, конфликтов различного уровня и природы. **Методологической основой** исследования является когнитивно-дискурсивный подход к юридическому образованию. Выявление главного несоответствия жизнедеятельности общества как противопоставления материального и духовного позволяет понять причину этических проблем и конфликтов в современной системе юридического образования. **Выводы.** Этическая педагогика рассматривает образовательный процесс как органичное целое гуманистического воспитания, обучения и развития. Авторитарная педагогическая позиция преподавателя и применяемая им модель авторитарного взаимодействия с обучающимися не позволяет учащимся развиваться в атмосфере гуманизма и духовности. Этическая педагогика, напротив, создает условия для полноценной самоактуализации личности в содержательном общении и социально полезной деятельности.

Ключевые слова: юридическое образование, этические проблемы, авторитарная этика, гуманистическая этика, этическая педагогика.

Научно-образовательное пространство современного юридического дискурса представляет собой довольно противоречивую картину мира права, где постоянно создаются, сталкиваются, умирают и рождаются разнообразные смыслы, транслируя иногда то выученную беспомощность, то победу здравого рассудка с опорой на научные исследования. Развитие юридической науки наряду с достижениями педагогики обуславливает необходимость сброса противоречий недостоверных, не проверенных опытно-экспериментальным путем данных, исключения метода проб и ошибок предварительного познания, заблуждений, чтобы привести научно-образовательный юридический дискурс к истинному смыслу полученных научных данных и избавиться от ложных суждений и выводов.

В Федеральном законе «Об образовании в российской Федерации» от 29.12.2012 г. даны три дефиниции понятия «образование» как системы, процесса и результата, что позволяет трактовать этот текст ФЗ применительно к сфере юридического образования и науки в качестве важного элемента научно-образовательного юридического дискурса, понимая дискурс как динамический процесс речевой деятельности, вписанный в социальный контекст, и результат такой речевой деятельности, т. е. текст (Гураль, 2012). Согласно действующему ФГОС по юриспруденции юридический дискурс образуют коммуникативные ситуации в научно-правовой, правотворческой, правоохранительной, правоприменительной, экспертно-консультационной и организационно-управляющей деятельности.

Профессионально компетентная языковая личность юриста определяется нами на основе аксиологического, личностно-деятельностного и компетентностного подходов как субъект общения и профессиональной деятельности, владеющий языковыми компетенциями, высоким уровнем культуры речи, что позволяет ему эффективно участвовать в формировании социокультурного пространства юридического дискурса, критически рефлексирова поступающую информацию и себя в речевом поведении (Левитан, 2016). К сожалению, многие студенты с трудом избавляются от школярской привычки зазубривать учебный или научно-правовой текст, не понимая или искажая его смысл, поскольку не приучены к сознательной работе над текстом, рефлексии, совершаемой по внутренней потребности понять себя в происходящем и происходящее в себе с целью личностного саморазвития.

Как показывает практика, наиболее типичные проблемы речевого поведения будущих, а иногда и уже не один год работающих юристов, – это бедность лексического запаса, включая юридическую терминологию, ослабленная связность текста, семантическая сочетаемость, смешение стилевых регистров, несоблюдение речевых и этических норм, недостаточная логичность и аргументированность речи.

Профессиональное развитие личности юриста происходит через усвоение и совершенствование дискурсивных компетенций, которые являются проекцией основных функций языка: когнитивной, коммуникативной, культурологической, креативной.

Понятие дискурс объединяет совокупность речемыслительных действий коммуникантов в различных профессионально значимых ситуациях, эффективное и свободное владение которыми является отличительной чертой успешной профессиональной языковой личности юриста.

Синтез аксиологических и методологических аспектов проявляется при подходе к юридическому образованию одновременно как процессу приобретения знаний и как результату этого процесса, совокупности теоретических, практических и овеществленных знаний. В индивидуальном плане такой под-

ход позволяет увидеть динамику развития личности в сфере образовательных отношений и фиксацию накопленных знаний, умений и навыков в процессе ее социализации (Первалов, 2018).

С позиции дискурс-анализа основные положения указанной статьи имеют большую научную и практическую значимость, т. к. содержат развернутую ценностную характеристику юридического образования как общего социального, так и личностного блага, что позволяет сформулировать предложения по повышению качества юридического образования и по формированию личностной положительной мотивации субъектов образовательного процесса. Ключевым понятием современной парадигмы образования (в т. ч. юридического) выступает именно свобода выбора профессии и постоянное саморазвитие на основе личностных интересов и приоритетов, поскольку смысл жизни человека разумного состоит в наиболее полной самореализации, которая является его конечным ценностным приоритетом (Гершунский, 1998).

Каждая эпоха творит и выдвигает на первый план свои ценности. Современное развитие общества характеризуется конфликтом ценностей различных социальных групп: свобода vs справедливость vs экономическая эффективность. Нашу жизнедеятельность, как показал в своих исследованиях Э. Фромм, определяют доминантные этические ценности, Ценностный кризис 1990-х, который положил начало капиталистическому ренессансу в России, был понят у нас как сознательный отказ от гуманизма. Капиталистическому обществу присуща авторитарная этика, которая ориентирует подавляющее большинство людей на чужие авторитет и мнение. В противоположность ей гуманистическая этика, согласно Э. Фромму, основана на любви к жизни, к другому человеку, который сам вырабатывает нравственные требования к себе и контролирует их выполнение (Фромм, 2000).

Происходящее сейчас в России постперестроечные изменения и события вызывают большую тревогу и озабоченность у гуманистических настроенной части общества. Так, писатель Ю. Поляков в своей статье «Им не стыдно!» отмечает, что «схватка за собственность в лихие 1990-е была изначально аморальна и незаконна. Появилась новая «этическая норма» эпохи первоначального накопления капитала «Украсть не стыдно, а спросить откуда столько денег, неприлично!». Дети нуворишей с младых ногтей знают, что «суд – это порой место, где ты можешь купить себе столько закона, на сколько у тебя хватит денег. Им же не объяснили, что стать богаче – не значит стать лучше. Деньги забирают человека целиком, а на духовный, профессиональный рост ресурса не остается¹. К сожалению, этот вывод подтверждает и современный масштаб коррупции в правоохранительных и властных органах.

¹ Аргументы и факты. № 22, 1–7 июня 2016.

Весьма показательна в этом отношении статья А. Архангельского с красноречивым названием «Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей». Передадим ее суть в нескольких тезисах.

1. Происходящее сейчас в России можно в целом назвать моральной катастрофой. Массовое расчеловечивание – трагический урок современности, но он необходим, чтобы понять, что происходит в головах, какое там количество предрассудков и фобий, разрушения и ненависти – прежде всего к самим себе.

2. Вечная болезнь новой России – юридизм, попытки решить моральные конфликты с помощью запретов и ограничений. Но морали нельзя научить, ей можно только научиться. Любой юридический контроль за сферой этики оборачивается крахом и порождает законодательное безумие. Зато гуманистическая этика экономит массу сил государства: чтобы сказать «нельзя», этике не нужен гигантский аппарат принуждения.

3. Сегодня заповеди существуют отдельно, а жизнь – отдельно (в точности повторяя ситуацию советского двоемыслия). В 1990-х авторитарная этика рухнула вместе со страной, возникли этики переходного типа (криминальная, региональная, корпоративная), которые объединяет негативность как генеральный принцип (неприятие чужих, протекция своих).

4. Ценностный кризис 1990-х привел к появлению своеобразной антиэтики, один из подвидов которой – «этика Сталина». Люди говорят «Сталин бы разобрался» только потому, что у них самих в голове беспорядок, отсутствие гуманистических ценностных ориентиров. Никаких других способов разобраться, кроме как «поставить к стенке», они не знают. Это и есть отголоски авторитарной этики, замены которой не появилось.

5. Необходимо решить, главная угроза – внутри нас или снаружи и принять необходимость работать в первую очередь со злом в себе, а не в других. Гуманистическая этика рассматривается теперь как инструмент, а не как постулат, это прежде всего диалог, коммуникация, она предполагает проговаривание проблем и понимается как реализация желания быть².

Формирование новых ценностных ориентиров – это процесс длительный, на него влияет и текущее социально-экономическое положение в стране и политика правительства, особенно в сфере образования и культуры, и готовность субъектов к самоизменению. Преодоление нынешнего духовно-нравственного кризиса в обществе связывается с обращением к национально-культурным традициям России, с поиском синтеза принципа добра с принципом свободы, совершенствованием российской жизни на началах справедливости, экономического благополучия, демократии. Успех зависит от способности человека ответственно отнестись к себе и своей жизни, его

² Архангельский А. Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей // URL:[<http://carnegie.ru/publications/?fa=63999>]

этической компетентности, т. е. готовности и способности решать морально-нравственную проблему, которая одновременно является проблемой отдельного человека и всего общества. В этой сложной ситуации ученые, юристы, писатели, педагоги, деятели культуры и другие представители интеллектуальной элиты общества призваны эффективно выполнять свою извечную миссию по образованию, просвещению и духовно-нравственному развитию граждан, а именно неустанно сеять доброе, разумное, вечное.

Библиографический список

1. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XXI века. М: Совершенство, 1998. 408 с.
2. *Гураль С. К.* Дискурс-анализ в свете синергетического видения: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 176 с.
3. *Левитан К. М.* Юридическая педагогика: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 416с.
4. *Перевалов В. Д.* Юридическое образование как ценность // Юридическое образование и наука. 2018. № 12. С. 5–9.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000. 672 с.

Konstantin M. Levitan
Doctor of Pedagogy, Professor, Department of Russian,
Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: inyaz@usla.ru

ETHICAL PROBLEMS OF THE MODERN LEGAL EDUCATION

Abstract: at present legal education is said to be in crisis. **Purpose** of the article to identify the urgent problems of legal education, to define their specifics, and develop ways to overcome contradictions, conflicts of various levels and nature. **The methodical basis** of the study is a cognitive-discursive approach to legal education. Defining the main inconsistency in the life of society as an opposition between the material and spiritual allows us to understand the source of ethical problems and conflicts in the legal education system. **Conclusion.** Ethical pedagogy analyzes the educational process as a whole of humanistic education, learning and development. The authoritarian pedagogical position of the teacher and the authoritarian model used by him in the interaction with the students do not allow the latter to develop in the atmosphere of humanism and spirituality. Ethical pedagogy, on the contrary, creates conditions for the individual to be fully self-actualized in meaningful communication and socially useful activity.

Keywords: legal education, ethical problems, authoritarian ethics, humanistic ethics, ethical pedagogy.

УДК. 340.1

Сергей Владимирович Малюгин
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
Екатеринбург, Россия
e-mail: svm707@mail.ru

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ» В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МАГИСТРАНТОВ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация: статья посвящена памяти профессора Р. К. Русинова, одним из направлений научной и педагогической деятельности которого являлось изучение феномена юридического мышления. Предметная сфера статьи связана с раскрытием основ формирования профессионального юридического мышления в рамках реализации учебной дисциплины «История политических и правовых учений» обучения в магистратуре. В статье обращается внимание на риск утраты классической фундаментальной юридической учебной дисциплины «История политических и правовых учений» из системы юридического образования в связи с новыми требованиями к реализации по программам магистратуры. В статье доказывается особое место и значение Истории политических и правовых учений в системе подготовки юристов через цель и задачи дисциплины. Особое внимание статьи сосредоточено на теоретических вопросах формирования профессионального юридического мышления указанной юридической дисциплиной. Показывается практика преподавания учебной дисциплины в Уральском государственном юридическом университете в 2016–2021 гг. Раскрывается содержание обучения применительно к выстроенной системе учебной дисциплины. Акцентируется внимание на необходимости возвращения учебной дисциплины «Истории политических и правовых учений» в качестве обязательной составляющей подготовки современного юриста.

Ключевые слова: историография, история политических и правовых учений, источниковедение, юридическая наука, юридическое образование, юридическое мышление.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20–011–00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

История политических и правовых учений как теоретико-историческая юридическая наука и учебная дисциплина переживает довольно сложные времена в связи низким уровнем государственного и социального заказа на ее реализацию². В свою очередь анализ научной литературы, практики подготовки юристов в ведущих университетах мира³ и в России позволяет утверждать о принципиальной важности и востребованности данной учебной дисциплины в системе высшего юридического образования (Нерсисянц, 2020: 12). Принципиальная важность истории политических правовых учений состоит в том, что реалии современного общества требуют от юриста обладанием способностями решать разноплановые, сложные и нестандартные задачи, что представляется возможным путём формирования в процессе образования профессионального юридического мышления. Р. К. Русинов не случайно подчеркивал важность формирования мышления и указывал, что критическое мышление успешно развивается при освоении студентами теоретического материала различных учебных дисциплин (Русинов, 2013: 176).

История политических и правовых учений в системе подготовки юристов

В системе учебных дисциплин история политических и правовых учений занимает особое место и играет видную роль в формировании профессионального юридического мышления. История политических и правовых учений как учебная дисциплина ранее относилась к базовой (обязательной) части профессионального цикла структуры основной образовательной программы магистратуры⁴. На настоящий момент в российском государстве принципиально изменился подход к правовому регулированию обязательных требований при реализации основных профессиональ-

ных образовательных программ высшего образования по направлению «Юриспруденция». В соответствии с новыми требованиями к реализации по программам магистратуры содержание образовательным программ магистратуры определяется образовательной организацией самостоятельно на основании универсальных и общепрофессиональных компетенций (п.п. 1.4, 3.2. и 3.3 Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 25 ноября 2020 г. N 145). В число категорий (групп) компетенций не предусмотрены такие компетенции, которые позволяли бы включить в программу магистратуры фундаментальные мировоззренческие выработанные традициями российского классического университетского образования учебные дисциплины, позволяющие формировать юридическое мышление. В тоже время, в п. 3.2. указанного Приказа в качестве универсальной компетенции заявлено системное и критическое мышление. Видимо, на этом основании в Уральском государственном юридическом университете учебная дисциплина «История политических и правовых учений» не была включена в перечень дисциплин по программам магистратуры. В тоже время, История политических и правовых учений находится в тесной взаимосвязи с такими учебными дисциплинами как история и методология юридической науки, сравнительное правоведение, актуальные проблемы права, философия права и выступает мировоззренческим основанием для подготовки юристов.

Целью освоения истории политических и правовых учений является изучение закономерностей формирования и развития политико-правовой идеологии, знакомство студентов с историей возникновения, содержанием и значением наиболее значительных теоретических концепций понимания основных аспектов содержания государственно-правовых явлений, формирование общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых и достаточных для осуществления научно-исследовательской и педагогической деятельности.

Профессиональные задачи, к которым готовится магистрант в ходе освоения учебной дисциплины, включают две группы, связанные с научно-исследовательской и педагогической деятельностью.

В рамках учебной дисциплины «История политических и правовых учений» осуществляется подготовка магистрантов к *научно-исследовательской деятельности*. В данной сфере основными задачами обучения истории политических и правовых учений являются: формирование у магистрантов целостного знания о критериях оценки политико-правовых доктрин; понимания места и значения истории политических и правовых учений в юриспруденции; осознание порядка становления и развития политико-правовой идеологии, связи мировоззренческой основы политико-правового учения, его теоретического содержания и программных

² В Приказе Министерства науки и высшего образования РФ от 25 ноября 2020 г. N 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция» исключен перечень обязательной части учебных дисциплин.

³ В перечень курсов по преподаваемым дисциплинам в ведущих университетах мира включается, как правило, отдельные темы по политико-правовой мысли преимущественно 20 века либо отдельные циклы по философии права: См. подробнее Гарвардский университет // <https://hls.harvard.edu/academics/curriculum/catalog/default.aspx?year=20202021&subject=Legal%20%26%20Political%20Theory>; Кембриджский университет – <https://sms.cam.ac.uk/media/3078325>; Йельская школа права – <https://courses.law.yale.edu/courses/term/23>; Оксфордский о университет -[https://www.law.ox.ac.uk/research-subject-groups/list?field_theme_tid=All&title=\(дата обращения 21.10.2021\)](https://www.law.ox.ac.uk/research-subject-groups/list?field_theme_tid=All&title=(дата%20обращения%2021.10.2021)).

⁴ Приказ Минобрнауки РФ от 14.12.2010 N 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» // СПС «Консультант Плюс».

положений; знания содержания политико-правовых теорий основных периодов истории политических и правовых учений; формирование умений применения полученных знаний о структуре политико-правовых доктрин для проведения научных исследований; понимать особенности методологии истории политических и правовых учений в вопросах проведения научных исследований; использовать знания о тенденциях развития теоретических представлений о государстве и праве для подготовки научно-исследовательских работ; исследовать и критически оценивать закрепленные в политико-правовых доктринах теоретические положения; овладение методикой самостоятельного изучения и анализа политико-правовых доктрин; обладание навыками сопоставления и самостоятельной оценки политико-правовых доктрин; формирование у магистрантов навыков по использованию полученных знаний об основных политико-правовых идеях для оценки научного исследования.

История политических и правовых учений решает задачи и по подготовке магистрантов к *педагогической деятельности*. Основными задачами обучения истории политических и правовых учений в данной сфере являются: формирование у магистрантов знания о роли истории политических и правовых учений в формировании правового воспитания; осознание магистрантами политико-правовых идей как достижений правовой культуры; понимание магистратами роли истории политических и правовых учений в формировании ценностных ориентаций, особенностей профессионального правосознания юристов, правового воспитания; обеспечение восприятия механизмов трансляции (передачи) политико-правовых идей, правовых идеалов, правового опыта и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому по средством изучения политических и правовых идей; знания содержания политико-правовых теорий основных периодов истории политических и правовых учений; понимание студентами роли истории политических и правовых учений в формировании правового воспитания; обучение магистрантов способностям оценивать закрепленные в политико-правовых доктринах теоретические положения как достижения правовой культуры; использовать полученные знания об основных политико-правовых идеях для формирования профессионального правосознания; применять полученные знания об основных политико-правовых идеях для использования в педагогической деятельности.

Приведенные цель и задачи учебной дисциплины позволяют рассматривать историю политических и правовых учений как с позиций формирования у магистрантов специфических когнитивных способностей, так и обучению будущих педагогов мыслительным методикам для использования в последующей педагогической деятельности. Следовательно, функциональное на-

значение, вытекающее из достижения цели и задач преподавания истории политических и правовых учений, может быть раскрыто посредством описания механизмов в формировании профессионального юридического мышления магистранта.

История политических и правовых учений в формировании профессионального юридического мышления магистранта

Под профессиональным юридическим мышлением понимается целенаправленная интеллектуальная деятельность юриста в области заданного и неизменного позитивного права, осуществляемая посредством специальных приемов, направленная на решение проблемной ситуации и вытекающих из нее отдельных задач посредством использования существенных взаимосвязей, возникающих между юридическими интеллектуальными объектами, сопровождающаяся конструированием объективной догматической реальности (Малюгин, 2020: 181–209).

Фундаментальным стержнем для конструкции всего юридического образования является содержание юридической науки, ее предметных областей. Предметные секторы юридической науки детерминируют соответствующие области учебного знания, которые и включаются в образовательный процесс. Для целей настоящей статьи является важным понять то, каким образом формируется специфика мышления будущих юристов в классических секторах научного и транслируемого в образовательную сферу учебного знания.

Наиболее важным с позиции высшего юридического образования является блок теоретико-исторических юридических наук, поскольку именно они формируют у будущих юристов базовые характеристики профессионального юридического мышления. Включение в мышление юристов особенного смыслового категориального аппарата, юридических конструкций, мыслительных моделей и образов юридической науки является фундаментальным основанием юридического мышления. Именно формирование юридического мыслительного инструментария дает возможным юристу правильно относиться к тексту различных источников права, видеть в структурной части правового текста норму права, состав правоотношения и правонарушения и т. д. За формирование данной компетенции, конечно же, отвечает общая теория права и государства, задача которой, в том числе, состоит в описании единиц юридического мышления, раскрытия умений умственной работы в сфере позитивного права и надления студентов особыми приемами юридического познания. Роль историко-юридических теоретических наук (истории государства и права и истории политических и правовых учений) сводится к формированию юридических интеллектуальных объектов, умений и навыков в историческом измерении, в условиях их эволюции. Только для истории государства и права –

это эволюция понятий, конструкций и моделей применительно к различным правовым системам в истории позитивного права, а для истории политических и правовых учений – эволюции политико-правовых идей, выражающих юридическую доктрину в исторической проекции. Следовательно, первый блок юридического знания закладывает в будущем юристе основные единицы юридического мышления, посредством которых в дальнейшем будет оперировать будущий юрист, умения конструирования особой юридической реальности, овладение им навыками формально-логических операций в области права, а также формирование представления об основных механизмах научного осмысления государственно-правовой действительности. Здесь же следует отметить, что история политических правовых учений имеет не только теоретико-историческое значение, но и служит основанием для формирования в юристах научного мышления, поскольку обращается к истории науки через проекцию юридических объектов мышления. Именно с данным обстоятельством связывается включение данной дисциплины на более высокие уровни юридического профессионального юридического образования, как правило, связанные, в том числе, с формированием научных компетенций.

История политических и правовых учений в формировании профессионального мышления юриста имеет специализированную направленность воздействия в структуре профессионального юридического мышления, которая складывается из пяти основных направлений.

1. История политических и правовых учений формирует в профессиональном мышлении юриста последовательное становление новых и уже сформированных в процессе юридического образования интеллектуальных объектов. Рассматриваемая учебная дисциплина выступает в качестве своеобразной истории научной юридической доктрины и позволяет сформировать у юристов понимание закономерностей процессов развития рационального и иррационального осмысления действующего государства и права. «Фундаментальные науки о праве и государстве, к которым относится история политических и правовых учений, формируют юридическое мышление, – пишет Н. М. Марченко. История политических и правовых учений – это систематизация многовекового опыта индивидуального (не коллективного) осмысления государственно-правовых явлений» (Марченко, 2017: 12). Именно в процессе обращения к истории идей у юристов последовательно во всем своём многообразии складывается полная картина политико-правовой идеологии, составляющей прочную основу различных политико-правовых систем общества. Именно этим оправдывается включение истории политических и правовых учений именно на уровне магистерской подготовки или на старших курсах обучения после знакомства с основными категориальными единицами юриспруденции. В процессе изучения данной науки государство и право в системе своего динамического развития разворачиваются в мыш-

лении будущего юриста совершенно по-новому. Процесс накопления и последовательного закрепления знаний о различных политико-правовых идеях таких как понятие и сущность права, вопросы связанные с правовым регулированием, источниками и формами права и многие др. классического курса правоведения обрастают совокупностью исторических признаков, фактов и иных составляющих характеристик.

2. История политико-правовой мысли служит дополнением к осмыслению сформированных государственно-правовых интеллектуальных объектов. Политико-правовые идеи составляют прочную политико-правовую идеологическую смысловую основу действующего права и в этом проявляется важная взаимосвязь в структуре мышления юриста. Как верно указывал в свое время О. Э. Лейст политические и правовые учения более всего связаны с политико-правовой областью духовной и материальной жизни общества, так как любое учение о государстве, праве, политике разрабатывается с учетом современной ему политико-правовой действительности, которая обязательно отражается в самом, казалось бы, абстрактном теоретическом построении (Лейст, 2006: 4). Соответственно данная историко-теоретическая юридическая наука и дисциплина связывает в мышлении юриста в диалектическом единстве явления права и институт государства с политико-правовой идеологией конкретной изучаемой эпохи, показывает их сложную взаимозависимость. Понимание смысловых оснований действующего правопорядка, в свою очередь, позволяет решать самые трудные и нестандартные задачи во всех областях правового регулирования и практики.

3. История политических и правовых учений формирует у юриста всю сложность объективной реальности, показывает многообразие отношений между составляющими ее элементами и фактами. Политико-правовые идеи, составляющие идеологическое доктринальное ядро государственно-правовых процессов выступают важными элементами правовой культуры, правосознания и мышления юристов как носителей профессионального понимания природы государства, политики и права в своем диалектическом единстве. Особую значимость для мыслительности имеют связи и взаимодействия между этими объектами, которые формируют понимание государственной политико-правовой действительности для юриста, показывают по каким законам она существует и какими законами управляется. Это связано с тем, что данные интеллектуальные объекты призваны для решения конкретных задач. В зависимости от особенностей их взаимодействия и появляется готовое разрешение проблемной правовой ситуации.

4. Теоретико-историческая наука о политико-правовой мысли формирует в юридическом профессиональном мышлении плюрализм решения правовой проблемы (практической задачи). В целях решения правовой проблемы мышление человека, наделенное определё-

ными закономерности работы в заданной образовательной системе, владеет интеллектуальными объектами, при помощи оперирования которыми и разрешается практическая проблема. В структуре политико-правового учения политико-правовые идеи с опорой на проблемы действительности зачастую участвуют в решении сложных практических задач, о чем свидетельствуют правоинтерпретационные и правоприменительные акты высших органов современных государств. Вся политическая юридическая философия всегда была устремлена не только понять явления государства, политики и права, но разрешить практические противоречия в общественной жизни. Именно поэтому плюралистическое многообразие идей по решению к решению одних и тех же проблем готовит мозг юриста к появлению нестандартных ситуаций, которые во многом обуславливаются общим общественно-политическим фоном, и в котором формируются, развиваются, актуализируются, затихают и уходят в прошлое (но не забываются!) политико-правовые идеи.

5. Рассматриваемая наука связывает юриста с мышлением конкретной эпохи путем изучения разнообразных политико-правовых источников юридической мысли. Сами по себе знания не выполняют тех функций, которые требуются от мышления человека, они лишь формируют понимание юридических интеллектуальных объектов. Особую значимость имеют способы размышлений, отражающиеся в политико-правовых источниках, т. е. те, как писал Б. Н. Чичерин, «вечные истины, присущие человеческому разуму» (Чичерин, 1869:6). Указанное обстоятельство ставит перед методикой преподавания истории политической и правовой мысли, как, впрочем, и иными юридическими науками особые требования связанные не только с изучением самих источников, но и производство совместной деятельности обучаемых при помощи активного обучения с выполнением практических мысленных задач.

Указанное позволяет заключить, что история политических правовых учений в структуре юридического образования сфокусирована на теоретико-историческом блоке профессионального юридического мышления, а также основных компонентов научного юридического мышления и философско-правового мировоззрения. История политических и правовых учений формирует в юристе важнейшие научные познавательные и практические способности мыслительности, связанные преимущественно с осуществлением правотворческой, правоприменительной и интерпретационной юридической практики. Применительно к профессиональному юридическому образованию, указанное обуславливает необходимость повышения внимания со стороны государства и общества к истории политических и правовых учений как учебной дисциплине, так и науке, а также расширения практик и методик ее преподавания.

Практика реализации «Истории политических и правовых учений» в Уральском государственном юридическом университете

Предъявляемые обязательные требования к реализации основной образовательной программы магистратуры, особенности целевой аудитории обучающихся⁵, времени⁶ и места проведения занятий⁷, а также теоретико-исторический⁸ характер учебной дисциплины обусловили особенности порядка обучения в процессе изучения истории политических и правовых учений. Начиная с 2016 года и до вступления юридическую силу новых требований к реализации образовательных программ в Уральском государственном юридическом университете был реализован учебный курс «Истории политических и правовых учений» направленный, в том числе, на формирование профессионального юридического мышления.

Учебный курс основывался на последовательном прохождении студентами тем, предусмотренных тематическим планом. Учебный курс сочетал в себе классические формы проведения лекционных занятий и занятий в группах с применением активных и интерактивных образовательных технологий. Курс истории политических и правовых учений завершался сдачей экзамена с заданиями в экзаменационных билетах, направленных на проверку сформированных знаний, умений и навыков. Особое значение и роль в процессе обучения играли практические занятия. Темы, формы проведения, решаемые задачи и направления формирования профессионального юридического мышления раскрыты в нижеприведенной таблице. Содержание активных и интерактивных образовательных технологий будет раскрыто более подробно после таблицы.

⁵ Как правило, большинство магистрантов уже имеют базовое юридическое образование и трудятся в сфере юридической практики. Именно поэтому классический вариант семинара не походит. Требуются новые и интересные для студентов формы занятий.

⁶ Занятия проводятся преимущественно в вечернее время. Студенты являются уставшими после рабочего дня. Именно поэтому интерактивные формы позволяют с одной стороны разгрузить психоэмоциональную сферу магистранта, с другой стороны – повысить продуктивность мышления.

⁷ Практика преподавания учебной дисциплины показывает, что аудитории университета в целом позволяют реализовать потенциал дисциплины. Ситуация с пандемией показала эффективную реализацию дисциплины в форме дистанционного обучения.

⁸ Практика показывает, что подавляющая часть студентов в начале обучения не видит для себя практического смысла изучения истории политических и правовых учений. Изначально учебная дисциплина не вызывает практического интереса в процессе обучения. В связи с этим приходится прилагать довольно существенные усилия и изобретательность для формирования мотивации у магистрантов к изучению истории политико-правовой мысли.

№ п/п	Модуль, темы учебной дисциплины	Активные и интерактивные образовательные технологии, применяемые на практических занятиях		Направления в формировании профессионального юридического мышления ⁹
		В часах (40 %)	Применяемые формы	
1	Тема 1. Предмет и метод истории политических и правовых учений	2	ДЕЛОВАЯ ИГРА «ДИСКУССИЯ»	1, 3, 4
2	Тема 2. Учение о государстве и праве в странах Древнего Востока Древней Греции и Рима	2	СОЧЕТАНИЕ РАЗБОРА КОНКРЕТНЫХ СИТУАЦИЙ И ДЕЛОВОЙ ИГРЫ «ОППОНЕНТ»	1–3, 5
3	Тема 3. Политико-правовая мысль раннего средневековья X – XV века Тема 5. Учение о государстве и праве в Западной Европе в период разложения феодализма	4	РОЛЕВАЯ ИГРА «Судебный процесс»	1, 2, 4, 5
4	Тема 3. Политико-правовая мысль раннего средневековья X – XV века Тема 6. Политико-правовые учения в Голландии и Англии в период первых буржуазных революций	4	ДЕЛОВАЯ ИГРА «КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС»	1, 2, 4, 5
5	Тема 10. Учение о государстве и праве в России / кон. XVIII – начало XX вв	4	ПРОЕКТИРОВАНИЕ «КОНЦЕПЦИЯ»	1–5
6	Тема 11. Современные учения о государстве и праве, в США и Западной Европе	2	Проектирование «СВОЯ ДОКТРИНА»	1, 2, 4, 5

⁹ Для наглядности и компактности текста таблицы соответствующие направления прономерованы. Каждому номеру будет соответствовать направление формирования мышления историей политических и правовых учений.

1. Формирование и последовательное становление новых и уже сформированных в процессе юридического образования интеллектуальных объектов.
2. Дополнение к осмыслению сформированных государственно-правовых интеллектуальных объектов.
3. Сложность объективной реальности показывает многообразие отношений между составляющими ее элементами и фактами.
4. Формирование плюрализма решения правовой проблемы (практической задачи).
5. Связь с мышлением конкретной эпохи путем изучения разнообразных политико-правовых источников юридической мысли.

Применяемые на занятиях в группах активных и интерактивных образовательных технологий позволяли в полном объеме реализовать научно-исследовательский потенциал магистрантов, сделать занятия интересными и максимально продуктивными. Далее применительно к каждому виду проведения занятия будут раскрыты только основные положения проводимых занятий: содержание, общий порядок проведения и достигаемые задачи учебной дисциплины. Следует подчеркнуть, что пояснения для проведения занятий обязательно включали в себя в обязательном порядке задачи участников, распределение ролей, требования к содержанию практического задания, общий порядок с распределением времени занятия, критерии оценивания практических заданий.

1. ДЕЛОВАЯ ИГРА «ДИСКУССИЯ». *Содержанием* деловой игры являлось управляемая дискуссия с заранее распределенными ролями участников для обсуждения наиболее актуальных вопросов, касающихся места и роли истории политических и правовых учений в системе юриспруденции, учебных дисциплин, государственно-правовой и общественной практики. *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из последовательных выступлений команд, дискуссий и последующего анализа приведенных позиций. *Задачами проведения* деловой игры заключался в формировании у магистрантов мотивации изучения дисциплины, а также включения в мышление обучаемых сложной конструкции объективной государственно-правовой реальности, раскрытие многообразия отношений между составляющими ее элементами и фактами, осознания значения в развитии общества, а также формирования в когнитивной сфере взаимосвязи культурно-исторического развития общества и политико-правовых идей.

2. ДЕЛОВАЯ ИГРА «ОППОНЕНТ». *Содержанием* деловой игры являлось решение магистрантами практических заданий в отношении учений Древнего Востока Древней Греции и Рима, а также критическая оценка подготовленных магистрантами ответов. *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из выступлений магистрантов, критического анализа ответа студента и последующего анализа выступлений преподавателем. *Задачами проведения* деловой игры являлись формирование у магистрантов научно-педагогической коммуникативной компетенции, способностей к критическому и творческому мышлению.

3. ДЕЛОВАЯ ИГРА «СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС». *Содержанием* деловой игры выступало моделирование судебного состязательного процесса с распределением ролевых функции обвинения, защиты и рассмотрения дела по существу. Сторона осуществляла защиту от обвинения в отношении политико-правовых доктрин по соответствующим критериям. *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из 4 последовательных стадий: предоставление доказательств, вопросов сторонам, прений сторон и вынесения решения по критериям оценки политико-правовых доктрин. *Задачами проведения* деловой игры являлись формирование у магистрантов профессиональных коммуникативных компетенции и способностей к нестандартному мышлению.

4. ДЕЛОВАЯ ИГРА «КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС». *Содержанием* деловой игры выступала в качестве смоделированного конституционного процесса по принятию конституционного («основного») закона государства на основе политико-правовых идей раннего средневековья X – XV века и учений в Западной Европе в период разложения феодализма. *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из последовательно сменяющих себя стадий по разработке, обсуждению и оценке подготовленных законов на предмет их соответствия критериям оценки политико-правовых доктрин и иным показателям. *Задачами* проведения деловой игры являлись формирование у магистрантов в мышлении сложных взаимосвязей государственно-правовой действительности.

5. ДЕЛОВАЯ ИГРА «КОНЦЕПЦИЯ». *Содержание* деловой игры заключалось в создании, согласовании и принятии концепции развития государства и права России начала XX века на основе либерального направления политико-правовой мысли России, марксизма и концепции «народной монархии». *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из последовательно сменяющих себя стадий по разработке, обсуждению и оценке подготовленных проектов концепций на предмет их соответствия критериям оценки политико-правовых доктрин и иным важным показателям. *Задачами* проведения деловой игры являлось формирование у магистрантов в мышлении сложных взаимозависимостей между политико-правовыми идеями и государственным строительством.

6. ДЕЛОВАЯ ИГРА «СВОЯ ДОКТРИНА» являлась завершением аудиторных занятий по ученой дисциплине. *Содержанием* деловой игры являлась подготовка магистрантами и защите перед целевой аудиторией своей собственной (оригинальной) политико-правовой доктрины с обязательным использованием (заимствованием) отдельных положений (составных частей) уже изученных доктрин. *Общий порядок* проведения деловой игры состоял из этапов защиты, обсуждения и оценки сформированной политико-правовой доктрины. *Задачами* проведения деловой игры выступало формирование у магистрантов творческого и критического мышления в отношении вновь зарождающихся юридических идей.

Таким образом, история политических и правовых учений формирует у юристе важнейшие научные познавательные и практические способности мыслительности, связанные преимущественно с осуществлением научно-исследовательской, педагогической, правотворческой, правоприменительной и интерпретационной юридической деятельности. Выступая в качестве фундаментального основания подготовки современного юриста, история политических и правовых учений отвечает за формирование юридического мышления. Практика реализации в данной учебной дисциплины в Уральском государственном университете показывает ее высокую эффективность, продуктивность и востребованность в студенческой среде. Указанное обуславливает необходимость смены курса государственного правового регулирования в современной

России в отношении юридического образования с переориентацией на мировоззренческие дисциплины.

Библиографический список

1. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Нерсесянц В. С. Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М. 2020. 704 с.
2. Русинов Р. К. Формирование критического мышления у студентов юридических вузов / Р. К. Русинов // Российский юридический журнал. 2013. № 5(92). С. 173–177.
3. Малюгин С. В. История политических и правовых учений в формировании профессионального юридического мышления // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 4. С. 181–209.
4. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М., 2017. 656 с.
5. История политических и правовых учений. Учебник И 91 для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство «Зерцало», 2006. 568 с.
6. Чичерин Б. История политических учений. Часть 1. Древность и средние века. – Москва, 1869. 444 с.

Sergey Vladimirovich Maluygin
candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: svm707@mail.ru

Abstract: the article is dedicated to the memory of Professor R. K. Rusinov, one of the areas of scientific and pedagogical activity of which was the study of the phenomenon of legal thinking. The subject area of the article is related to the disclosure of the foundations of the formation of professional legal thinking in the framework of the implementation of the discipline «History of political and legal doctrines» of training in the magistracy. The article draws attention to the risk of losing the classical fundamental legal academic discipline «History of political and legal doctrines» from the system of legal education in connection with the new requirements for the implementation of Master's programs. The article proves the special place and significance of the History of Political and Legal Doctrines «in the system of training lawyers through the goal and objectives of the discipline. Particular attention of the article is focused on the theoretical issues of the formation of professional legal thinking by the specified legal discipline. Shows the practice of teaching an academic discipline at the Ural State Law University in 2016–2021. The content of training is revealed in relation to the built system of the academic discipline. Attention is focused on the need to return the discipline «History of political and legal doctrines» as an obligatory component of the training of a modern lawyer.

Keywords: historiography, history of political and legal doctrines, source study, legal science, legal education, legal thinking.

Сергей Владимирович Малюгин

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
Екатеринбург, Россия
e-mail: svm707@mail.ru

ИДЕЯ ПРАВА С. С. АЛЕКСЕЕВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ¹

Аннотация: статья посвящена исследованию понятия, признаков и сущности права С. С. Алексеева в российской историографии истории политических и правовых учений. Целью статьи является описание основных процессов историографического творчества С. С. Алексеева в отечественной юриспруденции. Предметная сфера статьи ограничена хронологическими рамками – с середины 50 гг. XX века и до начала XXI века. Применительно к основным этапам научного осмысления идеи права С. С. Алексеевым, посредством обращения к определяющим научным трудам, некоторым фактам биографии и методологическому инструментарию в статье предпринимается попытка описать процесс интеллектуального научного творчества великого ученого. В статье рассматриваются и оцениваются результаты изучения идеи права С. С. Алексеевым в отечественной историографии истории политических и правовых учений.

Ключевые слова: историография, история политических и правовых учений, источниковедение, идея права, понятие права, сущность права

Сегодня идеи великого правоведа С. С. Алексеева, несомненно, являются востребованными и актуальными в юридической науке. В тоже время, путь научно-исследовательской мысли ученого начинался в совершенно других исторических условиях, в иной общественной и идеологической обстановке. В этом отношении юридическое научное наследие С. С. Алексеева, требует основательного исторического научного осмысления. Являясь составной частью прошлого, научные идеи С. С. Алексеева вполне могут познаваться в предметном пространстве историографии истории политических и правовых учений². В отечественной историографии истории политических и правовых

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

² Под историографией понимается относительно самостоятельное направление исторических исследований, связанное с раскрытием процессов научно-исследовательского

учений идея права С. С. Алексеева является системообразующим элементом всего его научного творчества. При таком рассмотрении проблемы весьма значимым является проследить эволюцию развития идеи права в политико-правовой мысли С. С. Алексеева посредством обращения по большей части к методологическому инструментарию ученого, его определяющим научным трудам и судьбоносным событиям в его биографии.

Время начала творческого пути С. С. Алексеева пришлось на весьма противоречивое и сложное советский период российской юриспруденции – начала 50 гг. XX века. Время, когда, с одной стороны, существовало серьезное дореволюционное достояние отечественной свободной юриспруденции, а с другой – жесткая идеологическая цензура, основанная на административно-командном понимании права, сковывающая научные разработки в области права (Нерсесянц, 1988: 8). Превалирующая материалистическая философия выступала цементирующим основанием всех проводимых научных исследований и оказала существенное влияние на научное творчество С. С. Алексеева. Указанные условия во многом предопределили логико-философские основания научного осмысления идеи права С. С. Алексеевым на начальном этапе его научного творчества.

Творческий путь в области осмысления права С. С. Алексеева во многом был определен преподавательской деятельностью ученого и работами в области цивилистики середины 50-х годов вплоть до начала 60-х годов XX века (Алексеев, 1955). Сформировавшиеся и сохранившиеся достижения дореволюционной юридической науки выступили необходимым основанием для научных исследований того времени. Сам С. С. Алексеев, вспоминая годы начала своей профессиональной деятельности, отмечал особую роль и важное значение своих наставников цивилистов дореволюционного прошлого Б. Б. Черепихина и А. М. Винавера (Алексеев, 2009: 497–498).

Своеобразный исследовательский мостик от гражданского права к общей теории права был выстроен С. С. Алексеевым от общетеоретических исследований в области цивилистики (Алексеев, 1959: 5–17) к вопросам теоретико-правового характера (Алексеев, 1960: 10–20) (Алексеев, 1961) (Алексеев, 1963: 49–59), а также подготовки работ учебного характера. В это время задачами научных исследования в области права С. С. Алексеев видел изучение правового регулирования (Алексеев, 1962: 26). Даже в учебной литературе, в которую вроде бы не должны были проникнуть элементы свободы творчества, право рассматривалось ученым в качестве сложного социального явления (Алексеев, 1963: 5). С. С. Алексеевым преимущество отдается изучению права в объективном смысле. Здесь же ученый рассматривает право как

творчества в области политико-правовой мысли, в которые классически включается триада вопросов, связанных с осмыслением научных трудов, биографий ученых и методологического инструментарию науки.

специфическое средство регулирования поведения людей, но в тоже время определяет его как продукт классового общества (Алексеев, 1963: 21). В начале 60-годов XX века в учебной литературе под руководством С. С. Алексеева складывается понятие права³. В это время существенным фактором, обусловившим смену юридико-догматического характера юриспруденции и исследований С. С. Алексеева можно считать принятие Постановления ЦК КПСС от 16 июня 1964 года «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране»⁴, в котором содержалась критика состояния всей юридической науки. Последствия данного события в отечественной юриспруденции сложно переоценить. И уже в 1966 году, решая задачу по изучению правового регулирования, С. С. Алексеев раскрывает функциональные признаки права. Ученый раскрывает право в качестве классового регулятора общественных отношений (право – известная система юридических норм). Такой узкий подход к оценке роли права позволял, по мнению С. С. Алексеева, осмыслить право с инструментальной стороны, представить его как мощный рычаг преобразования общественных порядков, дальнейшего развития господствующих общественных отношений (Алексеев, 1966: 5, 7, 9). Что интересно, данное исследование права не является чисто догматическим, поскольку в целевые установки автора включалась задача раскрыть право как социальную силу, обеспечивающую воздействие на общественные отношения ... «соединить в прочное единство философско-социологическое и специально – юридическое исследование права». Смысл права определялся ученым в способности выражать интересы и волю всего народа (Алексеев, 1966: 6, 16).

В работах учебного характера профессора С. С. Алексеева право продолжает рассматриваться в духе материалистического понимания, со специфическими признаками и свойствами («право выражает волю государства, выступает в качестве классового регулятора общественных отношений»).

Свобода научного творчества все больше проявляется в трудах С. С. Алексеева и в 1970 году в свет выходит его концептуальная статья «О понятии права». В данной научной работе задачу правоведения ученый усматривал в том, чтобы «увидеть в праве нечто более глубокое и значимое, чем только систему общеобязательных норм... раскрыть особенности его нормативной формы как воли, «возведенной в закон». По мысли С. С. Алексеева право как нормативная система регулирования раскрывает социальную ценность права, позволяет разглядеть в нем именно правовое, моральное, представить его

³ Под правом в учебнике под ред. проф. С. С. Алексеева понималась система общеобязательных гарантированных государством норм, выражающих волю государства и выступающих в качестве классового регулятора общественных отношений.

⁴ Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» – программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, № 1. С. 188–192.

как человеческую и моральную ценность, в качестве демократических и гуманных завоеваний человеческой мысли. Наряду, с рассмотрением права как нормативной системы, в советскую юридическую науку С. С. Алексеевым включаются разработки о сущности права. Данная идея по замыслу ученого заключалась в том, чтобы рассмотреть право как социальную ценность, воплощающей в себе начала гуманизма, справедливости, великие права и свободы личности (Алексеев, 1970: 21–29).

1971 год научного творчества С. С. Алексеева окончательно оформляет его идеи о социальной ценности права в монографии «Социальная ценность права в советском обществе» (Алексеев, 2019 :4). С. С. Алексеевым вводятся в научное пространство объективные свойства права (нормативный характер, формальная определенность норм и др.). В данной работе у ученого сохраняются инструментальные характеристики права, связанные с решением правом соответствующих задач. В тоже время С. С. Алексеев особо отмечает, что социальную ценность права нельзя понимать в узком значении, право выполняет свойственные ему функции, которые соответствуют жизни, содержанию и свойствам. С. С. Алексеев приходит к выводу о разносторонности и многогранности права. Причем, по его мнению, рассматривая процесс формирования права становится возможным путем выделения научных абстракций выделить различные стороны, обособить разные содержания права (Алексеев, 2019: 21–44)⁵. Примерно в тоже время в юридической науке начинает зарождаться философский тип правопонимания. В материалистическую идею права В. С. Нерсесянц привносит философское юридическое мировоззрение посредством исследования философии права Гегеля (Нерсесянц, 1972: 117).

В 1975 году в интеллектуальное научное пространство включается «Структура советского права» С. С. Алексеева, в которой советское право рассматривалось как система. Современная разработка теории систем позволила изменить угол воззрения на право и представить его с точки зрения структуры. В этом направлении исследований С. С. Алексеев определит право в качестве специфического социального явления, которое представляет собой нечто среднее, промежуточное между «просто» организованной и органичной системами. Причем, на данном этапе научного творчества С. С. Алексеева право входит в состав систем более высокого порядка – общества, надстройки и др. Право, обладающее управляющей природой, находится в единстве с государством (Алексеев, 1975: 11–42).

Принятие 07 октября 1977 г. Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик⁶ создало благоприятную нормативно-

⁵ Алексеев С. С.: «При таком подходе в праве можно условно различать: классово-волевое содержание (т. е. ту сторону содержания права, которая непосредственно выражает его «сущность, классовые цели и задачи); фактическое содержание».

⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Свод законов СССР, т. 3, с. 14, 1990 г.

правовую почву для ростков свободы научного творчества и появления новых идей в области понимания права и его сущности. Коренной перелом эпохи советской науки «осторожного» движения к развитию юридической мысли в сложных идеологических условиях действительности происходит в 1979 году во многом благодаря Круглому столу «О понимании советского права», состоявшемуся в редакции журнала «Советское государство и право» (1979: 56–74). Данное научное мероприятие выступило в качестве объединяющей площадки начавшегося процесса по пересмотру положений официальной правовой идеологии, обсуждению и постановки новых задач в области научного осмысления права. С. С. Алексеев участия на данном круглом столе не принимал. Свердловский юридический институт представлял А. Ф. Черданцев, который указывал, что более широкое понятие права, включающее иные части правовой надстройки, не обладает какими-либо серьезными преимуществами по сравнению с уже сложившимся в науке пониманием права. В процессе научной дискуссии были обозначены направления в области понимания права и его сущности. Подводя итоги выступлению участников «Круглого стола», М. И. Пискотин обратил внимание на два аспекта проблем понимания права. Первая проблема, по его мнению, связывалась с выявлением существенных признаков права. Другой, не менее важный аспект, по мнению М. И. Пискотина носил методологический характер и был связан с выработкой оптимального подхода к исследованию всех правовых явлений (1979: 4–77). Представляется, что поставленные задачи задали основные линии развития как правопонимания, так всего правоведения.

В это время в научной юридической среде понимание права С. С. Алексеевым, как ни странно, воспринимается в узконормативном смысле. Не без оснований Д. А. Керимов указывал, что С. С. Алексеев не отвечает на важный вопрос о том, что можно ли признавать правом нормы, изданные компетентными органами, которые не соответствуют общечеловеческим представлениям о жизни, морали и другим ценностям (Керимов, 1979: 172). В свою очередь такого узкого подхода к пониманию права все же не наблюдается у С. С. Алексеева. Хотя следует признать, что до данного момента у С. С. Алексеева вопросы о соотношении права и закона не поднимались. В 1980 году С. С. Алексеев затронет важный вопрос в опубликованной научной статье «Право развитого социалистического общества». Ученый укажет, что понимание права как закона не раскрывает его сущностных характеристик. В этой же научной работе С. С. Алексеев особенно подчеркнет роль права в условиях зрелого социализма пусть и в духе марксистско-ленинской теории. Правовед обратит внимание на роль права, представит его олицетворение и носитель классово-определенной социальной свободы, социальной активности, ответственности (Алексеев, 1980: 17, 20). Более детальное разграничение права и закона будет дано С. С. Алексеевым в научной статье «Право и пра-

вовая система». В этой научной работе закон уже рассматривался С. С. Алексеевым как средство достижения свободы, само же право – «есть воплощение юридической свободы». Право представлялось С. С. Алексеевым совершенно в другом ракурсе как институциональное социально-классовое нормативное образование. Право по С. С. Алексееву приобретает другое качество при указании на правовую систему с сопровождающими компонентами правовой действительности (Алексеев, 1980: 30–32).

В 1986 году С. С. Алексеев поставит перед юридической наукой задачу реалистического осмысления оценки самого права, его возможностей, социальной силы и ценности. Использование методологии наук – конкретной социологии, психологии, кибернетики, аксиологии, теории управления, математики позволит проводить перспективные научные исследования. По мнению ученого, немалый потенциал находится в самой юридической науке. Он отмечал, что инструментальный подход проявляет собственно социальную ценность права. Представляется, что именно в данный момент С. С. Алексеев разделяет свое воззрение на право на две составляющие: философское и нормативное (институционное) (Алексеев, 1986: 6–12).

Накопленная научная информация о праве поставила перед юридической наукой задачу построения целостного и обобщенного знания – философского осмысления данного феномена, которая успешно была решена Л. С. Явичем (Явич, 1985: 81). В конце 80-х годов XX века С. С. Алексеев особо подчеркивает, что инструментальный подход должен рассматриваться таким образом, чтобы правовые средства связывались с теми задачами, которые должно решать право (Алексеев, 1988: 104). В условиях неизбежно надвигающейся «перестройки», а также возникший в обществе и научной среде всплеск чувства свободы научного творчества во многом актуализировал интерес к сущности права, его философскому наполнению (Нерсисянц, 2021: 681).

В начале 90-х годов в творчестве С. С. Алексеева вновь актуализируется проблематика применения новых подходов к исследованию права (Алексеев, 1991: 6–7). В трудах С. С. Алексеева право рассматривается уже как особая социальная реальность. С. С. Алексеевым в данное время также ставятся проблемы властно-императивных дозволений при освещении демократического развития общественной системы, правовых ограничений (а равно и правовых льгот, преимуществ), признания за правом значения механизма воспроизводства данного социального строя (Алексеев, 2010: 257).

В 1995 году С. С. Алексеевым предпринимается попытка представить явление права в синтезе его философской трактовки с аналитическим правоведением. Причем право как сложное явление социальной жизни общества становится особо сложным явлением у С. С. Алексеева, еще более многогранным. С. С. Алексеев уже более четко начинает подразделять уровни изучения права. Им выделяются два уровня: практический и философский. В практический

уровень входит аналитическая юриспруденция и социология права, которые связываются с исследованием права, подчиненного практическим задачам. Философия права направлена на осмысление смысла права, заложенных в нем начал, принципов (Алексеев, 1995: 14, 15). В «Теории права» ученый раскрывает и соотносит различные проявления права, представляет право, как социальный институт регулирования, рассматривает право как нормативное образование, соотносит право с государством и определяет его место, соотносит естественное и позитивное право. С. С. Алексеев как бы соотносит грани права с различными сторонами государственной и общественной жизни общества, примеряет, рассматривает его как оно сочетается в различных проявлениях с теорией и практикой. Все же С. С. Алексеев, не умаляя значения философского определения права, дает «операциональное» определение праву⁷. Необходимо отметить, что в «Теории права» С. С. Алексеевым даются важные свойства права как ценности, право рассматривается с позиции структуры и действия. Применительно к судьбе России ученым отмечаются фактические преимущества институционального восстановления права и восстановление значения права как ценности (Алексеев, 1995: 311–312).

1997 год знаменуется появлением «Философии права», в которой в «качестве пластов правовой материи» выделяются догма права, правовое содержание и правовые идеи. Ученым ставится блок ключевых проблем теории права: а) особенностей позитивного права в его сопоставлении с естественным правом; б) граней права; в) соотношения позитивного права с главными социальными факторами, влияющими (или не должными влиять) на его природу, назначение и особенности, – моралью и властью (Алексеев, 2010: 33, 43).

Принципиально иное звучание идеи права появляется в 1998 году в синтезе теоретического наследия С. С. Алексеева в тесном сочетании с идеями Иммануила Канта. В отличие от предыдущих работ в области исследования права ученый попытался обосновать право с его идеей синтеза теории права и философии как величайшую ценность человечества. Здесь у ученого просматривается ряд новых ключевых идей в обосновании признаков и сущности права: право выступает как единственное образование, позволяющее разграничивать свободу индивидов; право, в отличие от предыдущих исследований, носит природный характер; право проявляется как продукт разума; право исследуется как ценность; право является целью и рассматривается в качестве инструмента (механизма) реализации и обеспечения воспроизводства общественной системы, ее устойчивого состояния в стабильном, непрерывно функционирующем виде во времени (Алексеев, 2010: 96).

⁷ Право – это система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения.

На пороге нового тысячелетия С. С. Алексеев встраивает идею права в будущее развитие правовых систем. Несмотря на довольно краткое, но довольно емкое определение понятия («право как система, обеспечивающая решение жизненных ситуаций»), право у ученого выступает в качестве «императива цивилизации». С. С. Алексеевым вводится новая характеристика права – «живое право», которое «должно отвечать как сегодняшним требованиям изменяющихся общественных отношений, так и требованиям данной ситуации, заложенной в ней правовой сути» (Алексеев, 2010: 393). Сущность права у ученого состоит, во-первых, – в действительной реализации свободы человека и, во-вторых, – в преодолении произвола и насилия (Алексеев, 2010: 315). Главной характеристикой современного права С. С. Алексеева является то, что оно позволяет видеть в нем надежду человечества, рассматривать с позиций прав человека (Алексеев, 2010: 474).

В 2001 году С. С. Алексеев подводит некий итог своей деятельности. Основываясь на определяющих методологических проекциях своего творчества, правовед раскрывает догматические, теоретические и философско-правовые основания исследования права. В догме права С. С. Алексеев пытается провести анализ самой правовой материи на новый уровень науки. Он особо подчеркивает, что положение о праве как объективной реальности должно рассматриваться как решающий пункт таких подходов. Ученый рассматривает право в двух «измерениях»: позитивное право как объективированное образование (писаное право) и как явление духовной жизни общества. На философско-правовом уровне ключевую идею права правовед определяет как продукт разума. В качестве основной идеи господства права ученый выдвигает мысль о необходимости интенсивной разработки идеи права, обретения ими высокого научного и гражданского признания (Алексеев, 2001: 88, 137, 577, 738).

Таким образом, рассмотрение идеи права С. С. Алексеева в российской историографии истории политических правовых учений позволяет сделать следующие важные выводы. Идея права С. С. Алексеева зародилась во время 50-х годов XX века и прошла сложный путь своего становления и развития. Момент зарождения идеи права С. С. Алексеева связывается совокупностью обстоятельств. Таковыми условиями выступили накопленные знания в дореволюционной юридической науке и проводимые разработки преимущественно гражданского права в советское время. На начальном этапе в идею права С. С. Алексеева закладываются фундаментальные основания, которые в последующем находят свое развитие и совершенствование. Инструментальное и социальное основание исследований права проявляются на всех этапах научного творчества С. С. Алексеева. Начиная с 70-х годов право начинает восприниматься ученым как многогранное явление, исследование которого зависит во многом от применяемого методологического инструментария. В середине 1975 года к праву как особому социальному нормативному явлению

дополняется системный подход. Право начинает исследоваться С. С. Алексеевым как особая система регулирования общественных отношений. Важным и переходным этапом всего научного творчества С. С. Алексеева является середина 1980 годов, когда ученым разделяются области изучения права: философский и нормативный. Уже в постсоветской России марксистский подход к пониманию права у правоведа не просматривается, а ученым предпринимается попытка синтезировать философский и практический уровни осмысления права. В последующем почти 6 летние научные исследования ученого завершаются в начале 2000 годов XX века, когда С. С. Алексеевым выделяются уже три уровня изучения и осмысления права: догматический, теоретический и философский. Концентрация внимания исследователя происходит именно в философском определении права, как продукта чистого разума. Следует отметить, что феномен идеи права С. С. Алексеева является очень сложным для понимания. Своеобразный многогранный шар, с которым можно сравнить исследовательское пространство понимания права С. С. Алексеева, постоянно преломляется в многочисленных гранях, сочетается с теоретическими положениями, положением существующего законодательства и практики, правовых систем и многих других сторон социальной и государственно-правовой действительности. Идея права С. С. Алексеева постоянно ускользает от исследователя, видоизменяется, преобразуется и весьма сложно поддается научному анализу. С. С. Алексеев помещает явление права в различные пространства, адаптирует его к прошлому, настоящему и будущему. Понимание права С. С. Алексеевым невозможно подвергнуть к принятой типизации. Не подходят выделяемые типы в чистом виде ни нормативизм, ни социальный подход, ни тем более естественно-правовое философское рассмотрение права. Все намного сложнее, многограннее и неоднозначнее. Указанное обстоятельство, конечно же, ставит перед теоретической юриспруденцией задачу понимания исторического наследия С. С. Алексеева и раскрытия творческой лаборатории ученого, исторических значимых контекстов его творчества, основных трудов автора, особенностей его мышления, личностных установок и многих других составляющих его великого творчества в отечественной юриспруденции. Идея права С. С. Алексеева в отечественной историографии истории политических и правовых учений, безусловно, останется ключевым и определяющим этапом не только истории юридической науки, но и истории правовой России.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.

3. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев; предисловие С. А. Степанова; вступительная статья А. П. Семитко. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. LXXX, 223 с.
4. Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.
6. Алексеев С. С. XXVII съезд КПСС и советская юридическая наука (вопросы общей теории права) / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 3. С. 3–12.
7. Алексеев С. С. О закономерностях развития советского права в период развернутого строительства коммунизма / С. С. Алексеев // Советское государство и право. 1960. № 9. С. 10–20.
8. Алексеев С. С. О понятии права / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1970. № 1. С. 20–29.
9. Алексеев С. С. О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 114–118.
10. Алексеев С. С. О сущности общенародного права / С. С. Алексеев // Советское государство и право. 1963. № 4. С. 49–59.
11. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: курс лекций / С. С. Алексеев. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1963. 266 с.
12. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. Москва: Юридическая литература, 1961. 187 с.
13. Алексеев С. С. Право и правовая система / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
14. Алексеев С. С. Право развитого социалистического общества / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 6. С. 15–22.
15. Алексеев С. С. Право: время новых подходов / С. С. Алексеев // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 6–7.
16. Алексеев С. С. Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М.: Наука. 1988. 255 с / С. С. Алексеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 2. С. 103–104.
17. Алексеев С. С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма / С. С. Алексеев, 1962. 283 с.
18. Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. – Москва: Мысль, 1979. 246 с.
19. Нерсесянц В. С. Воля и право в гегелевской философии права / В. С. Нерсесянц // Проблемы государства и права на современном этапе: Труды научных сотрудников и аспирантов / Институт государства и права АН СССР. М., 1972. Выпуск VI. С. 115–121.
20. Нерсесянц В. С. Советское государственно-правовое строительство: проблемы взаимосвязи истории и теории / В. С. Нерсесянц // Советское государство и право. М., 1988. № 8. С. 3–11.
21. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 704 с.

22. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74.

23. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 48–77.

24. Основы теории государства и права: учебное пособие / П. Т. Васьков, И. Я. Дюрягин и др.; под ред. С. С. Алексеева, 1969. 384 с.

25. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 1 / Алексеев С. С. Свердловск, 1959. 336 с.

26. Самое святое, что есть у Бога на земле. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. 549 с.

27. ТАЙНА И СИЛА ПРАВА. 2006 Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. М.: Статут, 2010. 544 с.

28. Явич Л. С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. 207 с.

Sergey Vladimirovich Malyugin
candidate of legal sciences,
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: svm707@mail.ru

THE IDEA OF THE LAW S. S. ALEKSEEVA IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract: the article is devoted to the study of the concept, features and essence of S. S. Alekseeva in the Russian historiography of the history of political and legal doctrines. The purpose of the article is to describe the main processes of the historiographic creativity of S. S. Alekseeva in Russian jurisprudence. The subject area of the article is limited to a chronological framework – from the mid-50s. XX century and until the beginning of the XXI century. With regard to the main stages of scientific comprehension of the idea of law, S. S. Alekseev, by referring to the defining scientific works, some facts of biography and methodological tools, the article attempts to describe the process of intellectual scientific creativity of the great scientist. The article examines and evaluates the results of studying the idea of law of S. S. Alekseev in the national historiography of the history of political and legal doctrines.

Keywords: historiography, history of political and legal doctrines, source study, idea of law, concept of law, essence of law.

Сергей Александрович Модестов
доктор политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Управление Президента РФ по вопросам
государственной службы и кадров
Россия, Москва

Виктор Дмитриевич Перевалов
доктор юридических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории государства и права
Уральского государственного юридического университета
Россия, Екатеринбург

Владимир Иванович Шернаев
доктор политических наук, профессор,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета
Россия, Екатеринбург

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ

Аннотация: данное исследование посвящено проблемам выявления и актуализации ценностных характеристик государства, права и безопасности. Авторы обращают внимание заинтересованного читателя на то, что современный период общественного развития характеризуется настойчивыми попытками определенных западных сил разрушить устоявшиеся общечеловеческие ценности, внедрить в общественное сознание под лозунгами трансгуманизма, абсолютной свободы и формирования постчеловека суррогатные представления о добре и зле, браке и семье, правде и справедливости, о значении государственных и правовых институтов в жизни человека. Все это происходит на фоне усиления агрессивных устремлений НАТО во главе с США, создания сети военных баз вблизи российских границ, ужесточения санкций экономического, политического характера и создает реальную угрозу всему миру и национальной безопасности России. В статье подчеркивается, что реальное противодействие этой разрушительной тенденции и процессу может быть оказано прежде всего с помощью права как наиболее эффективного регулятора общественных отношений в тесной связке со всеми идеологическими, организационными и экономическими мерами и средствами по созданию безопасных условий для сосуществования и развития людей и их объединений. При этом особая роль здесь отводится государству.

Ключевые слова: государство, право, безопасность, политика, нормативность.

Основные понятия и подходы к изучению темы

«Государство» в самом общем виде рассматривается здесь:

- как политико-правовая организация общества – что означает неразрывную связь, взаимообусловленность и взаимодействие государства и права в деле организации, управления и регулирования общественных отношений на всем пути их совместного существования;
- как политико-правовая властная организация, представляющая интересы всего общества и действующая от его имени, осуществляющая легитимную государственную (публичную) власть, реализация которой обеспечивается ее авторитетом, моральным, политическим и правовым сознанием населения, управленческим аппаратом и в исключительных случаях государственным принуждением;
- как политико-правовая суверенная организация, обладающая государственным суверенитетом, выражающимся в целостности и неприкосновенности территории, в верховенстве и независимости власти как внутри государства, так и вне его;
- как политико-правовая территориальная организация населения, организующая публичный порядок и осуществляющая власть, управление и регулирование в определенных пространственных пределах, обозначенных государственными границами.

Дальнейшее использование понятия «государство» проводится с учетом соответствующих статей Конституции РФ, в которых оно определяется в качестве демократического, правового и социального.

Право в настоящей статье понимается:

- как система общеобязательных формально определенных норм, выражающих меру свободы человека и устанавливающих каноны равенства и справедливости в обществе, принятых или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений;
- как естественное, неотъемлемое свойство (черта) конкретного человека и одновременно сторона его бытия как существа социального. Осознание этого качества человеком, как и познание им объективно складывающихся правил поведения, происходит по мере развития человека и общества, возникновения государственно-организованных форм общежития, интенсификации, дифференциации и унификации общественных отношений;
- как эффективный регулятор взаимоотношений людей и их объединений на тех интеллектуальных и нравственных началах, которые сложились в конкретном социуме (как правило, справедливых для большинства или для всего населения).

С позиций системного, сравнительного и синергитического подходов подчеркивается гуманистическое содержание права, его ценностные качества по обеспечению национальной и планетарной безопасности.

Ценностное положительное значение регулятивного воздействия права в этой сфере на внутригосударственном уровне зависит от совпадения интересов личности, государства и общества. Прежде всего это выражается в гарантиях защищенности и реализации субъективных прав и обязанностей, а в конечном счете, установлении режима правозаконности и стабильного правопорядка.

В межгосударственных отношениях обеспечение безопасности осуществляется с помощью общепризнанных принципов и норм международного права, которые закреплены в Уставе ООН, различного рода пактах и конвенциях, билатеральных и многосторонних договорах, а также частично в национальных системах законодательства. Положительная ценность правового воздействия в этой сфере может быть достигнута на основе консенсуса национальных интересов суверенных государств, проявления доброй воли большинства государств и согласованных действий международных объединений в рамках Организации Объединенных Наций.

Понятие «*безопасность*» в словарях русского языка определяется:

- как положение, при котором не угрожает опасность кому-чему-нибудь (Тихонов, 2005: 47); в авторской интерпретации безопасность обозначается:
- как состояние защищенности того или иного субъекта (объекта) от угроз его существованию и развитию.

Ценностное значение безопасности состоит в том, что она выступает одновременно и в качестве неперемennого условия, обеспечивающего реализацию какого-либо блага для субъекта, в частности, человека (жизнь, здоровье, свободу и т. д.), и в виде своеобразной «атмосферы», которая благодаря своим сформировавшимся качествам, способна поглощать, минимизировать угрозы внутрисоциального характера и препятствовать проникновению внешних угроз для личности и социума, и в качестве фактора, стимулирующего человека для созидательной деятельности во имя и на благо новых поколений.

Данное понятие насколько всеобъемлюще, настолько неопределенно и неоднозначно. Поэтому любое исследование, предполагающее получение реальных результатов, начинается с классификации. Если в основание последней положен субъект (объект), требующий защищенности, то можно выделить «безопасность личности», «безопасность общества», «безопасность государства», объединенных в отечественной политологии в понятие «национальная безопасность». Во внешнеполитическом плане различают «региональную безопасность», «коллективную безопасность», «международную безопасность» и «глобальную» или «планетарную безопасность».

В данной статье акцент делается на характеристике наиболее важных аспектов «национальной безопасности» и ее военной составляющей.

Понятие «*ценность*» в энциклопедической литературе трактуется:

- как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяе-

мая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений;

- как критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях (Прохоров, 2004: 1330).

- Как специфическое социальное определение объектов окружающего мира, выявляющее их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное, возвышенное), заключенное в явлениях общественной жизни и природы (Малков, 2021: 860).

Авторы статьи исходят из положения о том, что ценностные качества (положительные или отрицательные, полезные или вредные и т. д.) могут иметь сами объекты окружающего мира, но обнаружить, определить их и зафиксировать во вне можно только через вовлечение этих объектов в сферу теоретической и практической человеческой деятельности.

Оценка положительных или отрицательных качеств какого-либо объекта делается на основании соответствующих знаний как эмпирического, так и теоретического характера. Именно знания об объекте в своей совокупности отражают его ценностную значимость. Критериями измерения ценности реальных объектов и явлений общественного сознания служат нравственные нормативы и принципы, укоренившиеся в конкретном социуме и планетарном сознании.

Среди всего многообразия ценностей применительно к нашей теме наиболее важными представляются так называемые «вечные» ценности – справедливость и добродетель, общее благо и благополучие, порядок и безопасность (Мартышин, 2004: 8).

Терминологическое обозначение понятия «аксиология» производно от греческих слов *axia* – ценность и *logos* – учение. Как утверждается в литературных источниках, аксиология в качестве самостоятельной философской дисциплины о ценностях была признана научным сообществом в XIX веке. Она возникла на противопоставлении И. Кантом нравственной свободы и природной необходимости, теоретического и практического разума. Но формировалась она на всем протяжении человеческой истории. Во все времена люди вынуждены были делать выбор между различными формами и методами организации жизни, видами и вариантами поведения, способами удовлетворения своих потребностей.

Тождество блага и бытия, характерное для античной философии с развитием науки было пересмотрено, что способствовало появлению теоретической категории «ценность» как основы аксиологии и позволило в дальнейшем различать индивидуальные и общественные ценности.

В современной философской литературе подчеркивается, что для конкретного человека ценность проявляется в его отношении, которое определя-

ет личностный выбор, круг общения, цели. У каждого человека формируется индивидуальная иерархия ценностей, неразрывно связанная с его сознанием.

Социальные ценности появлялись как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом жизненных испытаний. Они упорядочивают действительность, вносят в нее оценочные моменты, позволяют соизмерять свое поведение нормой, идеалом, целью, которая выступает в качестве образца, эталона (Гуревич, 1994: 121). Категория «ценность» потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека (Алексеев, 2019: 3).

В реальной жизни трудно различить индивидуальную и социальную ценности, зачастую они совпадают, так как в большинстве случаев интересы личности и общества совпадают.

Ценностный подход, аксиологизация общественных отношений имеют целью формирование духовного мира человека, то есть воспитания его на началах приоритетности гражданско-патриотических ценностей и всегда связаны с нравственными императивами, образами. Еще Демокрит отмечал, что подлинное воспитание по глубине своего воздействия подобно природе; оно «перестраивает человека и, преобразуя, создает ему вторую природу» (Назаров, Сидоров, 1989: 439). Но это отнюдь не означает какого-либо морализирования и принуждения, насилия над личностью. «Моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера», – писал И. Кант (Кант, 1980: 125).

Эти мысли актуальны и сегодня. «Перестроить ценностную систему взрослого, сложившегося человека можно, только поставив его в такие условия жизнедеятельности, обучения, труда, когда он сам делает новый нравственный выбор. Ведь внешние причины действуют через внутренние условия», – отмечал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1976: 250). Чтобы внешние ценностные воздействия оказались эффективными они должны приобрести личностный смысл для человека, быть им присвоены.

Авторитетные высказывания приведены здесь для того, чтобы напомнить читателю о противоречивости аксиологического пространства. Ценностные установки, имеющие культурно-исторические предпосылки и являющиеся важной частью менталитета россиян (коллективизм, альтруизм, жертвенность), часто осуждаются в оппозиционных кругах, где приветствуются противоположные установки (индивидуализм, эгоизм, прагматичность). Биполярность ценностных установок, по мнению некоторых авторов, может приводить в действие механизм личностного и мировоззренческого саморазрушения (Глобалистика, 2020: 690). И все это связано с обеспечением национальной безопасности.

Наши традиционные ценности, по мнению секретаря Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушева со ссылкой на Стратегию национальной безопасно-

сти РФ, – это «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (Патрушев).

Взгляд на государство и право сквозь призму аксиологии

Для того чтобы дать аксиологическую характеристику обозначенным социальным феноменам, необходимо определиться не только с пониманием ценности, ее истоках и путях возникновения, но и выявить ценностные свойства у самих исследуемых явлений.

Как отмечалось выше, в философской литературе преобладающим является мнение о том, что ценности возникают вследствие сознательно-волевого освоения человеком действительности, как некое его субъективное отношение к миру. С этим тезисом можно согласиться в той части, что в человеческом сознании ценности действительно возникают в ходе познания и освоения человеком соответствующих свойств, которые обнаружены у познаваемых объектов, в данном случае, у государства и права.

Интересные мысли по этому поводу высказаны В. Н. Жуковым. Он пишет: «Государство и право есть объективно существующие эмпирические феномены, независимо от того, какой смысл вкладывают в них отдельные индивиды, социальные группы или общество в целом. Государство и право обладают стойким набором свойств, неизменных при любых условиях, но приобретающих разный смысл при различных ценностных установках» (Жуков, 2009: 23). В подтверждение приводятся примеры из истории политических и правовых учений. Скажем, анархисты, исповедуя безвластное общество, считали государство абсолютным злом; фашисты использовали государство как институт, который аккумулирует энергию и волю нации; либералы видят смысл государства в защите прав человека, в свободном рынке и т. д. (Жуков, 2009: 23).

Вышесказанное в очередной раз свидетельствует о необходимости различать, по крайней мере, два вида ценностей положительного значения. Во-первых, это ценностные устойчивые свойства объекта, предопределенные общественным развитием, заложенные в него «создателем» и адекватно отраженные по сути и смыслу в индивидуальном и общественном сознании. Их называют первичными ценностями, иногда истинными, объективными, предметными. Во-вторых, это ценностные свойства объекта, сформировавшиеся на базе первичных свойств в процессе его развития, имеющие дополнительное значение и так же «пропущенные» через сознание человека. Это вторичные или субъектные ценности.

Известно, что ценностные свойства, принадлежащие объекту, могут искажаться и даже превращаться в свою противоположность, преломленные в человеческом сознании. В этом случае речь идет о ценностях с отрицательным значением.

На наш взгляд, в качестве устойчивых первичных ценностных свойств государства следует считать: во-первых, само наличие его как организационно-правовой формы объединения людей, которая позволила отдельному человеку и всему человечеству обезопасить свое существование и выжить как виду; во-вторых, создание государством на основе права сложнейшего механизма, обеспечивающего возможность человеку и социуму в целом развиваться физически, интеллектуально и духовно-нравственно; в-третьих, государство (союз государств) является в обозримой перспективе единственным актором, способным преодолевать природные и социальные катаклизмы, защищать жизнь человека на Земле и в Космосе.

Ближайшим примером, подтверждающим актуальность вышеизложенного, является ситуация с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), которая, с одной стороны, высветила роль и значение сильного суверенного государства в защите жизни и здоровья своих граждан, а с другой – показала объективную необходимость консолидации усилий всего международного сообщества для решения проблем планетарного характера.

Здесь представляется уместным сказать о том, что западные идеологи глобализации, пытающиеся переписать международный порядок по лекалам транснациональных корпораций, активно внедряют в массовое сознание идеи десувенизации государственных образований, трансформации властных институтов и отрицания самого государства как неспособного решать насущные проблемы. Однако чрезвычайные события последних лет – мировой экономической кризис и пандемия показали, что еще рано списывать государство в утиль. Вопреки всей логике глобализации, за последний год одной из ведущих тенденций на политико-экономической арене стало возвращение назад к государству. Оказалось, что только сильное суверенное государство может достойно ответить на такие беспрецедентные по своему огромному масштабу вызовы (Зорькин, 2021).

Применительно к нашей теме следует подчеркнуть, что Российское государство сильно прежде всего тем, что основано на принципах народовластия, верховенства права, на признании человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности для государства, на принципах демократии, разделения властей и неделимого суверенитета, юридического равенства и справедливости. Разумеется, новая реальность требует перераспределения средств и полномочий государственных органов для борьбы с пандемией и другим стихийными бедствиями, консолидации общественных сил для противостояния враждебным и паническим концепциям, усиления мер социальной поддержки слабозащищенных слоев населения.

Ценностные качества государства проявляются и в повседневной жизни, и в адекватной реакции на глобальные вызовы, и в разрешении вновь возникающих противоречий.

Следует согласиться с мнением о том, что одной из главных проблем для государства в современных условиях является разрешение противоречия: между обязанностью гарантировать права и свободы человека и гражданина (в том числе их социальные права, социальную защищенность и благополучие), с одной стороны, и необходимостью обеспечивать национальную безопасность, конкурентоспособность на международной арене, способность противостоять внешним экономическим санкциям и многочисленным вызовам глобализации – с другой. Это очень непростая проблема, но наша Конституция, в настоящее время существенно обновленная, позволяет найти разумный баланс в этом основополагающем вопросе (Зорькин, 2021).

Право в аксиологическом плане также как и государство весьма многозначно. Его ценностная характеристика выявляется и складывается в сознании индивида и общества под воздействием целого ряда факторов: исторических обстоятельств, доминирующей идеологии, целевых установок исследователя, методов и критериев определения ценностных свойств объекта.

Так, например, один из основоположников отечественной юридической аксиологии С. С. Алексеев подчеркивал в свое время, что рассмотрение права как социальной ценности, воплощающей начала гуманизма, справедливости, великие права и свободы личности, является одним из важнейших моментов, которые демонстрируют превосходство социалистического строя, увеличивают его притягательную силу для трудящихся, для всего прогрессивного человечества. И особое внимание обращал на ценностную характеристику объективных свойств права: нормативность, формальную определенность, принуждение и динамизм (Алексеев, 2019: 3).

В современной философско-правовой литературе право рассматривается, в частности, как религиозная, этическая, юридическая и эстетическая ценность с учетом исторической эволюции самого права и его свойств. И оно как формальная ценность имеет три измерения: 1) право как норма сознания; 2) право как норма поведения; 3) право как норма позитивного права (Жуков, 2010: 28).

Особый акцент в данном случае делается на ценностные свойства позитивного права, которое трактуется следующим образом: во-первых, оно позиционируется в виде жесткого, принудительного нормативного порядка, за нарушение которого карает государство; во-вторых, здесь повторяется кельзеновское положение о том, что государство и позитивное право представляют собой две стороны единого принудительного нормативного порядка; в-третьих, позитивное право фиксирует, формализует и объективирует идеальные ценности и нормы; в-четвертых, позитивное право, встраивая человека в мир

юридических категорий, формализуя общественное сознание и общественные отношения, вносит в них строгость и трезвый расчет; и наконец, в-пятых, ценность позитивного права заключена в его воспитательной функции (Жуков, 2010: 30–31).

На основе исторических, энциклопедических и литературных данных можно увидеть в праве, как и в государстве, устойчивые первичные ценностные свойства, объективно сформировавшиеся и остающиеся неизменными даже при смене идеологии, политических укладов и форм собственности.

В числе основных первичных ценностных свойств права следует отметить, прежде всего, *нормативность*. Если государство рассматривается как объективно необходимая организационно-территориальная форма объединения людей и одновременно организационно-властный способ (режим) их существования, то право – это так же объективно необходимая, но уже нормативно-упорядоченная форма общения людей и одновременно нормативно-регулятивный способ (процесс) их поведения и взаимодействия между собой.

Нормы права, выступая в качестве образов, определенных правил поведения, в реальной жизни объективируются (материализуются) в нормативных правовых актах и в своей совокупности становятся эффективным регулятором человеческих взаимоотношений.

Социальная ценность нормативности, а значит и права в целом заключается в том, что во все времена наиболее важные общественные отношения объективно требовали урегулирования нормами права и функционировали как правовые отношения. Более того, некоторые из них, в частности экономические отношения, по своей сути легально могут существовать только в форме правовых отношений.

Индивидуальная ценность нормативности состоит в том, что нормы права, пропущенные через сознание человека, отражаются и аккумулируются в нормативное ценностное сознание, посредством которого человек измеряет ценность жизни, здоровья, свободы, благополучия и выбирает варианты своего поведения. Определяющее значение здесь принадлежит нравственным ориентирам человека, сформировавшимся психологическим стереотипам и уровню его интеллектуального развития.

В качестве важного ценностного свойства права можно рассматривать его предназначение быть уникальным измерительным «инструментом» (мерилом) в сфере человеческих взаимоотношений. На основе закономерностей развития природы и общества в праве, благодаря целеустремленным усилиям человека, сформировался понятийно-терминологический комплекс, отражающий суть этого свойства и состоящий из целого ряда соразмерных, но разнозначных парных структурных элементов: меры свободы и меры ответственности; меры возможного и меры должного поведения; меры поощрения и меры наказания и др.

Определяющей здесь является категория «мера свободы человека» как основная сущностная черта права, обусловленная природой человека и его социальным бытием. Она явилась результатом мыслительной деятельности индивида в процессе исторического общения с себе подобными. Осознание необходимости ограничения свободы самого себя (а мера – это уже ограничение) ради свободы других послужило краеугольным теоретическим камнем при «строительстве» права и стало одной из тех первых гарантий мирного сосуществования людей и возможности продолжения рода человеческого. Мера ответственности человека является также результатом мышления и социального бытия, и она заставляет человека выполнять требования коллектива, общества и государства в соответствии с его свободой и возможностями.

Представляется возможным утверждать, что именно категории «свобода» и «ответственность», в их соразмерном существовании отражают созидательный характер права, позволяющий человеку на всем протяжении истории с разными степенями и объемами соотношения этих категорий, мыслить и творить во имя будущего.

В другом ценностном и логическом ряду находится «формальная определенность права», которая тесно взаимосвязана с обозначенными выше категориями, но отражает иные, уже сугубо формальные и конкретные характеристики права. Во-первых, она подчеркивает, что право не нацелено на обеспечение фактического равенства людей (физического, интеллектуального, экономического и т. п.), а речь идет лишь о формально равных возможностях, закрепленных в нормах права. Во-вторых, в нормативных правовых предписаниях четко определяются субъективные права и субъективные (юридические) обязанности, пределы и сроки действия норм, виды и меры ответственности. В-третьих, нормы права закрепляются в определенных официальных документах, они объективируются и становятся «видимыми» в нормативных правовых актах, санкционированных обычаях, судебных прецедентах (Первалов, 2021: 138–140).

При аксиологической характеристике государства и права важнейшая роль отводится категории «социальная справедливость», которая сама является социально-нравственной ценностью. Но будучи урегулированная нормами права и подкреплена мощью государства, она становится их совместным ценностным свойством. Социальная справедливость имеет мотивирующее, правообразующее значение и служит нравственно-правовым ориентиром в процессе реализации субъективных прав и обязанностей, в восстановлении нарушенных прав и обеспечении компенсации в части неисполненных обязанностей.

При этом надо отметить, что требования справедливости реализуются не сами по себе, а благодаря государству и праву. Кстати на эту имманентно-ценностную связь обратил внимание еще Аристотель. Он писал: «Понятие спра-

ведливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилем справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (Аристотель, 1983: 385).

В качестве совместных ценностных атрибутов государства и права выступают правопорядок и безопасность. Понимание порядка и безопасности как его важнейшего компонента представляется относительно бесспорным, потому что речь в данном случае идет о наличии порядка и о наличии условий и средств, обеспечивающих безопасность этого порядка.

Ориентиры и пути реализации ценностей

В сфере правовой действительности ценности реализуются через юридический опыт, который служит опосредующим звеном между эмоционально-волевым восприятием ценностей и интеллектуально-логическим восприятием логических принципов; только через такой опыт становится возможным «схватить» правовую действительность (Гурвич, 2004: 779). Задача права с этой точки зрения заключается в примирении коллективных ценностей и индивидуальных интересов. Право изменчиво и динамично, как и та социальная среда, в которой оно существует, как и сам юридический опыт.

В первую очередь этот опыт служит основой для правового плюрализма как формы связи «права» действительности с конституирующими ее ценностями. Через разнообразия юридического опыта выражается многообразие и динамичность справедливости как смыслообразующего начала права. Здесь берется за аксиому положение, впервые введенное в социологию Дюркгеймом, о том, что основой права, морали, религии являются системы ценностей, проистекающие из коллективного сознания. Ценности воспринимаются коллективным сознанием через опыт, дифференцирующийся в каждой социальной сфере.

В большинстве этических концепций утверждалось, что каждое общество обладает своей шкалой ценностей: она служит отправным пунктом для формирования тех основных параметров, которые характерны для правового общения в рамках данной системы права и которые изменяются сообразно динамике развития социальных структур (Gurvitch, 1955: 33). На наш взгляд, правильней было бы говорить не о шкале ценностей, а о «неустранимом ценностном плюрализме», который предполагает различие ценностей и зависимости от уровней социальной действительности и от конкретных обществ и форм социальности.

Следует согласиться с мнением, что справедливость и право не совпадают с моральным идеалом, хотя и сохраняют с ним тесную взаимосвязь. Право предполагает человеческое несовершенство, разрыв между идеальным и эмпирическим, поэтому оно, как фактический данный порядок, не совпадает

с идеальным миром нравственных ценностей: задача права – служить «промежуточным звеном», приготавливая условия для осуществления нравственности, но не быть частью нравственного порядка (этики). «Право столь же мало является разновидностью нравственности, как и ее «минимумом». В целях выполнения своей позитивной функции право так же, как и нравственность, обладает своим «максимумом» (Гурвич, 2004: 141). Право означает нечто большее, чем просто «юридически оформленная мораль».

По мнению С. С. Алексеева, «время глобального сдвига в истории человечества – время перехода от традиционных к последовательно-демократическим, либеральным цивилизациям – потребовало переосмысления утвердившихся представлений о соотношении права и морали. Такого переосмысления, которое отвечало бы объективно назревшим и объективно происходящим процессам возвышения права в жизни общества, в жизни людей» (Алексеев, 2002: 159).

Состояние морали, в свою очередь, прямо и непосредственно отражается на формировании и действии права, его качестве и эффективности. Задача заключается в том, чтобы и дальше последовательно укреплять нравственные основы права, его авторитет, ценность для личности. С точки зрения общей системы ценностей, сложившейся в современном обществе, право должно отвечать требованиям морали и прежде всего – общепринятым, общечеловеческим, элементарным этическим требованиям, соответствующим основным началам христианской культуры (или культур, однопорядковых по моральным ценностям, в том числе культуры конфуцианства, буддизма, ислама) (Алексеев, 2019: 161).

Общественные изменения любого характера обуславливают формирование новых ценностей. Поэтому важно своевременно обращать на это внимание, выявлять и анализировать противоречия между новыми ценностями и существующими социальными институтами, отслеживать трансформацию и движение ценностных ориентиров.

Имея в виду возможности совмещения теоретической интерпретации социально-политических трансформаций с использованием социологического мониторинга как организационно-методической и аналитической базы их изучения, стоит отметить в качестве наиболее значимых проекты, осуществленные под руководством Р. Инглхарта в рамках Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) (Инглхарт, 2000; Inglehart, 1997; Inglehart, 2003, Inglehart, 2004, Inglehart, 2009).

Трактовка перемен в его системе ценностей базируется на двух посылах: приоритеты в обществе формируются в соответствии с ориентацией на «нехватку» чего-либо: люди придают большую ценность тому, чего в обществе относительно мало; личные ценностные ориентации и приоритеты человека отражают те условия, в которых проходила его социализация.

Всемирный обзор ценностей показал наличие высокой взаимосвязи качества жизни общества и чувства экзистенциальной безопасности населения (R. Inglehart, C. Welzel). Выявлено, что в экономически развитых странах от 80 до 90 % годового прироста ВВП достигается за счет использования человеческого капитала (М. К. Горшков), а также установлена связь между уровнем образования населения и ВВП государств (В. Д. Орехов) (Глобалистика, 2020).

Поэтому неслучайно в начале двадцать первого века стало появляться все больше публикаций, в которых предлагается для формирования систем безопасности применять аксиологический подход, суть, которого в понимании национальной безопасности как защищенности ценностей (Перепелица, 2018: 370–374).

Вышеизложенное в самом общем виде раскрывает ценностный потенциал государства и права, который можно использовать для выявления и нейтрализации внешних и внутренних угроз национальной безопасности России и предотвращения реальной войны.

О минимизации угроз безопасности и прогнозировании возможных войн различного рода

В настоящее время человечество совершает, вероятно, самый крутой поворот в своей истории. И в этот период стремительно развиваются неустойчивости, растут риски, и война оказывается совсем близко. На этом рубеже очень важно осознать сущность переживаемой эпохи, её вызовы и технологические императивы, сущность войн, в которых, возможно, придется участвовать России. Чем яснее мы их будем понимать, чем лучше будем готовы к отражению и парированию возникающих угроз, тем больше вероятность того, что события для нашего Отечества и для мира в целом будут развиваться не по худшему сценарию, тем больше гарантий сохранения наших традиционных и развития новых ценностей.

В настоящее время наука и технологии «сдают карты будущего», меняют формат войн и их сущность. Достаточно вспомнить времена создания ядерного оружия и стратегических ядерных (наступательных) сил, которые определили историю и геополитику нашего времени. Наличие таких средств сдерживания позволило 75 лет жить без мировых войн.

Анализ «коридора возможностей» человечества и отдельных цивилизаций, вариантов будущего, представляет собой фундаментальную задачу, непосредственно связанную с оценкой риска военных столкновений. Одной из ключевых сфер стратегического анализа становятся технологии проектирования будущего, исследование тех изменений сегодня, которые могут кардинально изменить траекторию регионов, государств, отраслей промышленности завтра, то есть в 20–30-летней перспективе.

Эта проблема имеет стратегическое и прикладное значение. Для того чтобы иметь научно обоснованную долгосрочную программу развития системы вооружений и военной техники, надо заглядывать как минимум на тридцать лет вперед. Чтобы проектировать и создавать оружие надо хорошо понимать, какие задачи и на каких театрах военных действий должны быть в состоянии решать вооруженные силы, кто будет союзниками, а кто возможными противниками, и каким – облик боя.

В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному нам шаблону. Расширяется «серая зона», находящаяся вне зоны международно-правового регулирования.

Опыт военных конфликтов, в том числе связанных с так называемыми цветными революциями в Северной Африке и на Ближнем Востоке, подтверждает, что вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны.

По масштабам жертв и разрушений, катастрофическим социальным, экономическим и политическим последствиям такие конфликты нового типа сравнимы с последствиями самой настоящей войны.

Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходят силу оружия.

Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте.

Отсюда вытекают закономерные вопросы: что такое современная война, к чему надо готовить армию, чем она должна быть вооружена? Только ответив на них, мы сможем определить направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу, четко представлять перспективные формы и способы их применения.

В настоящее время наряду с традиционными внедряются нестандартные приемы. Повышается роль мобильных межвидовых группировок войск, действующих в едином разведывательно-информационном пространстве за счет использования новых возможностей систем управления и обеспечения. Воен-

ные действия становятся более динамичными, активными и результативными. Новые информационные технологии позволили значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления. Фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряется оружие на новых физических принципах и роботизированные системы, беспилотные летательные аппараты, оружие с системами искусственного интеллекта. В недалеком будущем возможно создание полностью роботизированных формирований, способных вести самостоятельные боевые действия.

Широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. К ним относятся использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются. Используются в этом плане даже юбилейные даты. Так, например, 70-летие со дня образования Китайской Народной Республики, 75-летие победы во Второй мировой – Антияпонской войне вновь привлекло внимание мировой общественности к вопросу о роли и месте наших стран в крупнейших исторических событиях новейшей истории.

Не всегда это внимание благожелательно и конструктивно. В ряде третьих стран весьма болезненно и ревниво относятся к успехам наших народов на пути социально-экономического развития. Один из наиболее изощренных способов противоборства с Россией и Китаем стало тщательно маскируемое вторжение в информационное пространство обеих стран с целью формирования искаженных образов друг друга.

Подобная практика вписывается в общий антироссийский и антикитайский курс, которым отличаются прежде всего США. Стратегия их враждебного воздействия, сочетающая политическое давление и военную силу, была раскрыта в выступлении первого заместителя Министра обороны РФ – начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Герасимова на общем собрании Академии военных наук (Герасимов, 2019).

Начальник штаба ВВС США генерал Д. Голдфайн сообщил, что Вашингтон рассматривает Россию и Китай в качестве основных государств, против которых может быть использована такая стратегия. Основной ее

принцип заключается в том, чтобы тайно проникнуть на территорию противника одновременно на суше, в воздухе и на море. На разработку потребуется около года, а затраты составят 135 миллиардов долларов (David Goldfein, 2019).

Голдфайн однако умолчал о еще одной важной сфере тайного проникновения – информационном пространстве. А это как раз предполагается в принятой сегодня концепции многосферного сражения (Multi-Domain Battle) (Multi-Domain Battle, 2017).

В рамках этой концепции оказывается поддержка так называемой «пятой колонне» среди оппозиционных сил, осуществляется активное информационно-психологическое воздействие на население в целом. Такое воздействие дополняется скрытыми военными мерами, включая всестороннюю помощь экстремистским и террористическим организациям.

Главным объектом воздействия является общественное мнение. Однако это не официальное, консолидирующее, конструктивное воздействие, имеющее своей целью укрепление морально-политического единства общества, его сплочение вокруг власти и патриотическое воспитание граждан, обеспечивающее их четкую этнокультурную и историческую самоидентификацию.

Это деконструктивное (разрушительное, подрывное) воздействие из-за рубежа, направленное на подрыв такого единства и размывание надежных патриотических ориентиров, ценностей. Это чужеродное вторжение с наиболее опасным его аспектом, затрагивающим взаимное восприятие друг друга, а точнее, попытки злонамеренного вмешательства в процесс формирования образов друг друга со стороны противостоящих нам третьих стран.

Современные IT-технологии открывают широкие перспективы для ускоренного развития, но вместе с тем они имеют множество отрицательных побочных эффектов как социального характера (возможность анонимного и недоброжелательного вторжения в нашу личную жизнь, дезорганизации общественной жизни и ослабления наших идеологических и нравственных устоев), так и психофизиологического характера (неизбежная деградация наших когнитивных, интеллектуальных и коммуникативных способностей по мере перекладывания на технические устройства функций восприятия информации об окружающем мире, ее хранения, переработки и передачи).

Государственно-правовое регулирование рынка должно в полной мере распространяться и на рынок информационных продуктов и услуг. Только тогда мы можем быть уверены, что в нашу духовную пищу кто-то со стороны не подмешивает злонамеренно явно недоброкачественные продукты, если не сказать проще – отраву.

Информационное противоборство открывает новые, казалось бы, алогичные и асимметричные возможности по снижению боевого потенциала противника. Например, в Северной Африке, Южной Америке США широко ис-

пользуют различные такого рода технологии воздействия на государственные структуры и население с помощью информационных сетей.

В этой связи представляется необходимым привлечь внимание к введеному в литературе оригинальному понятию «симметрии заблуждений», за которым стоит сложный комплекс социально-психологических феноменов. Под симметрией заблуждений автор монографии «Симметрия заблуждений: факты неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции» понимает равномерно распределенную в обществе или внутри конкретных социальных групп устойчивую ложную, ошибочную убежденность в чем-либо. Люди, как отмечает В. Д. Миловидов, склонны фокусировать внимание только на одной возможности выбора и игнорировать альтернативные, что подталкивает их объяснять неоднозначные свидетельства таким образом, чтобы поддерживалась прежде всего их собственная точка зрения. Пренебрежение объективной информацией в условиях цифровой реальности во многом обуславливает состояние «симметрии заблуждений», вводя человека в «слепую зону», особенно при лавинообразном распространении информации современными СМИ, когда принятие верных решений становится весьма затруднительным делом (Миловидов, 2019: 82–87).

В качестве методики преодоления последствий неопределенности В. Д. Миловидов выдвигает концепцию экспоненциально масштабируемых событий (*exponentially scalable events*). Согласно авторской концепции, экспоненциально масштабируемые события целесообразно расценивать в качестве «сигналов-причин», которые по меньшей мере должны обладать тремя свойствами: 1) оказывать влияние на состояние той среды, в которой они возникают, например воздействовать на поведение людей; 2) нести в себе зародыши будущих событий, то есть предполагать последствия; 3) быть масштабируемыми – порождать такую цепочку изменений, когда каждое последующее событие усиливает действие предыдущего (Миловидов, 2019: 167).

Концептуально можно согласиться с мнением о том, что на современном этапе развития, характеризующимся форсированными процессами трансформации многочисленных сфер человеческой жизнедеятельности, индивидуальным и институциональным участникам финансовых отношений необходимо прежде всего правильно формировать подход к работе общества с информацией, развивать среду знаний, центры компетенций, позволяющие своевременно проводить экспертизу получаемой информации, минимизировать субъективный фактор в процессе принятия важных решений (Миловидов, 2019: 176).

С нашей точки зрения, предложенный подход целесообразно формировать не только в среде «индивидуальных и институциональных участников финансовых отношений», но и в более широком контексте – на уровне государственных и муниципальных органов, бизнес-структур и

российского общества в целом. Как представляется, грядущие изменения, обусловленные технологической революцией, открывают для любой страны не только возможности, но и серьезные риски. Способность властных структур адаптироваться к вызовам нового времени, снивелировать соответствующие социальные противоречия и извлечь максимальные преимущества из окна открывающихся возможностей, причем за весьма короткий переходный период, будут для нашей страны во многом решающими в конкурентной борьбе за формирование справедливого миропорядка будущего. В этом вопросе цитируемая книга существенно опережает время (Модестов, 2020: 130), подводит к нетривиальному осмыслению поставленных проблем, ценностно-прогностический характер которых предоставляет читателю возможность поразмышлять о возможных сценариях развития мировой экономики и политики в условиях набирающей силу цифровизации, но главное – о месте человека в океане этих бурных процессов.

Аксиологический подход к проблеме социальной устойчивости способствует адекватному пониманию особенностей современного глобально-геополитического мира и во многом определяет государственную политику в социальной сфере.

Российская экономика продолжает испытывать давление сразу нескольких ситуативных и фундаментальных, но негативных факторов – глобально-«ковидного» кризиса, собственного геополитического противостояния и структурного сговывающего темпы экономического роста.

Между тем, несмотря на пандемию, эксперты пересматривают в сторону повышения свои прогнозы роста крупных мировых экономик. Так, в ОПЕК исходят из того, что после сокращения на 3,5 % в 2020 году экономический рост США в 2021 году достигнет 5,7 %. Прогноз роста ВВП еврозоны в 2021 году остается на уровне 4,3 %, после сокращения на 6,8 % в прошлом году. Прогноз роста ВВП Японии остается на уровне 3,1 % на 2021 год после сокращения на 4,9 % в 2020 году. После роста на 2,3 % в 2020 году ВВП Китая, по прогнозам, вырастет на 8,4 % в 2021 году. Прогноз роста ВВП Индии на 2021 год пересмотрен до 9,8 %, по сравнению с сокращением на 7 % в 2020 году. Прогноз роста Бразилии остается неизменным на уровне 3,0 %, при этом по оценкам правительства этой страны, экономика Бразилии сократилась на 4,1 % в 2020 году. Прогноз роста России на 2021 год остается на уровне 3 % после сокращения на 3,0 % в 2020 году.¹

Данные Минфина о состоянии федерального и региональных бюджетов демонстрируют, что в первом квартале российская экономика успешно восстанавливалась. В то же время программа национальных проектов продол-

¹ См.: <http://momr.opec.org/pdf-download/>

жала испытывать трудности. Кассовое исполнение федерального бюджета в части финансирования мероприятий национальных проектов, предусмотренных майским и июльским указами президента, в первом квартале 2021 года составило лишь 17 %. Из 2,285 трлн рублей, выделенных на нацпроекты, до первых получателей (субъектов РФ, госучреждений, автономных организаций и пр.) доведено только 384 млрд рублей. К сожалению, как и в 2019 году (когда было зафиксировано самое низкое кассовое исполнение), исполнение части федеральных проектов на 1 апреля 2021 года составило 0 %.

С помощью денег крупного бизнеса российские власти рассчитывают в добровольно-принудительном порядке компенсировать дефицит иностранных инвестиций в Россию, рухнувших в 2020 году до 1,4 млрд долларов против 28,9 млрд годом ранее.

На российскую экономику продолжала оказывать негативное влияние вторая волна пандемии, начавшаяся в третьем квартале 2020 года и набравшая более серьезные обороты, чем первый всплеск. Ситуация в четвертом квартале сопровождается сокращением налоговой базы,² падением реальных доходов населения и ростом уровня бедности. Согласно официальным данным, уровень бедности в стране составляет 13,5 %, однако аналитики НИУ ВШЭ говорят об уровне бедности в 20 %, а в ходе опроса ВЦИОМ по итогам исследования социального самочувствия россиян в декабре выяснилось, что почти у трети населения России все деньги уходят на продукты питания, либо денег едва хватает на еду.

Между тем, проблема падения доходов является одной из самых болезненных для населения. За реальной чертой бедности в России оказалось почти 50 % россиян, получающих меньше реального прожиточного минимума, составляющего 24,6 тыс. рублей в месяц. При этом 53 % россиян имеют доходы ниже 27 тыс. рублей, выживая на грани или за гранью нищеты.

Объем задолженности за последние 12 месяцев вырос на 2,141 трлн рублей. Резко ускорился рост объема просроченной задолженности физических лиц – к концу года просроченные платежи по кредитам, согласно экспертным оценкам, побили исторический рекорд 2016 года (972 млрд рублей). Более миллиона российских пенсионеров попали в базу данных судебных приставов из-за долгов по кредитам. На них приходится 17 % или каждое шестое неоконченное исполнительное производство по взысканию кредитных задолженностей.³

Согласно Росстату, естественная убыль населения в 2020 году удвоилась и достигла 688,7 тысячи человек. При этом смертность выросла на 18 % и

² По данным уполномоченного по правам человека Т. Москальковой, за время пандемии коронавируса в России обанкротились около 4,5 млн индивидуальных предпринимателей, предприятий малого и среднего бизнеса.

³ См.: <https://tass.ru/ekonomika/10362345>.

стала рекордной с 2005 года – 2,124 млн человек (против 1,8 млн годом ранее).⁴

Для 200 самых богатых бизнесменов России 2020 год оказался на удивление удачным: число миллиардеров выросло до 123, показатели рейтинга достигли рекордных высот, а порог вхождения в него впервые поднялся до \$550 млн. За последний год совокупное состояние участников списка Forbs выросло на \$207 млрд. Откуда такой бурный рост в коронакризис? Ответ не может быть однозначным. Очевидным является то, что усиление антикоррупционной борьбы – необходимый этап «национализации элит», который должен привести к значительной «чистке рядов» и «перестройке сознания». Резкое военно-политическое обострение ситуации и адресная критика не исполнивших поручение президента РФ чиновников сформировало новый уровень жёсткости по отношению к региональным властям и федеральным чиновникам, не исполняющим поручения главы государства

Проблемами, осложняющими отношения с западом, являются атаки якобы российских блогеров на кибер-пространство западных стран, череда шпионских скандалов, «украинская ловушка», которая не позволяет добиться урегулирования конфликта между Россией и Украиной.

Недовольство на Западе вызвали заявления МИД РФ о том, что членство в НАТО, о котором мечтают украинские власти, не принесет мир на Украину, а обернется необратимыми последствиями для украинской государственности. Эта угроза была, видимо, воспринята как вызов всему альянсу, в котором действует принцип коллективной обороны. Здесь следует учитывать и другие нюансы. В частности, например то, что Турция продолжает военно-техническое сотрудничество с Украиной, принимая участие в заседании «Крымской платформы» летом 2021 года и поддерживает планы вступления Украины в НАТО.

В марте генсек НАТО Й. Столтенберг обвинил Россию в «агрессивном поведении» и заявил о необходимости сдерживать ее действия. При этом, по его словам, такая ситуация требует усиления обороны альянса и увеличения финансирования. В свою очередь глава Минобороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр объяснила высокие расходы на вооружение «поведением России».

В ответ на это в МИД подчеркнули, что Москва будет учитывать настрой НАТО в своём внешнеполитическом и военном планировании. Россия никому не угрожает, однако не оставит без внимания действия, потенциально опасные для ее интересов.

⁴ Эксперты утверждают, что в 2020 году темпы роста смертности стали рекордными с 1947 года, когда из-за засухи, вывоза продовольствия за рубеж и создания резервов зерна на случай новой войны, умерло на 37,2 % больше людей, чем годом ранее. В минувшем декабре темпы роста смертности достигали 63 % и были беспрецедентными с 1933 года. Численность постоянного населения сократилась до 146,24 млн человек и стала минимальной с 2014 года.

Президент России В. В. Путин ранее заявлял, что Москва не собирается ни на кого нападать. По его словам, российская угроза – это «выдумка тех, кто хочет наживаться на своей роли передового отряда борьбы с Россией, получать какие-то бонусы и преференции за это».

Как известно, ранее Россия и США договорились о продлении Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) на пять лет, до 5 февраля 2026 года.

После пролонгации СНВ-3 госсекретарь США Э. Блинкен назвал приоритеты США в отношениях с Россией: «Соединённые Штаты используют время, предоставленное продлением на пять лет Договора СНВ-3, чтобы вместе с Российской Федерацией, и, консультируясь с Конгрессом и союзниками и партнерами США, добиваться контроля над вооружениями, который охватывает все её ядерное оружие».

Таким образом. Москва предлагает обсуждать все наступательные и оборонительные системы оружия, способные решать стратегические задачи, независимо от их оснащения, т. е. как ядерные, так и обычные. А Вашингтон в свою очередь собирается добиваться контроля над всем ядерным оружием России, как стратегическим, так и тактическим.

Секретарь российского Совета Безопасности Н. Патрушев, выступая 14 апреля на совещании по вопросам обеспечения национальной безопасности в Крыму, сделал целый ряд заявлений, развивая тезис о том, что в Крыму сохраняется вероятность возникновения угроз национальной безопасности и терактов из-за «деструктивной деятельности» США, других стран НАТО, Евросоюза и Украины.

Военно-политическое руководство нашей страны нацелено сохранить государственный суверенитет Российской Федерации, обеспечить влияние в ближнем зарубежье и присутствие в стратегически важных регионах мира, защитить наши традиционные ценности. Эти задачи вполне соответствуют статусу нашей страны как великой державы.

Как сказал президент России В. В. Путин в ходе встречи с представителями общественности Крыма и Севастополя в формате видеоконференции 18 марта 2021 года: «И мы будем с ними работать, но в тех областях, в которых мы сами заинтересованы, и на тех условиях, которые мы считаем выгодными для себя. И им [американскому истеблишменту] придётся с этим считаться. Им придётся с этим считаться, несмотря на все попытки остановить наше развитие, несмотря на санкции, оскорбления, им придётся с этим считаться».⁵

Библиографический список

1. David Goldfein Speaks at Brookings Institution, Feb 19 2019. URL: <https://youtu.be/3HsHbsGDyfc> (дата обращения 21.10.2021).

⁵ Владимир Путин: Американскому истеблишменту придётся считаться с интересами России // URL: <https://russtrat.ru/analytics/22-marta-2021-0010-3538> (дата обращения 10.06.2021).

2. Gurvitch G. Le concept de structure sociale // Cahiers internationaux de Sociologie. 1955, № 19, P. 3–44.
3. Inglehart R. F., Norris P. Cosmopolitan Communications: Cultural Diversity in a Globalized World, 2009, 446 p.
4. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997, 453 p.
5. Inglehart R. F., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 226 p.
6. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
7. Multi-Domain Battle: Evolution of Combined Arms for the 21 st Century. 2025–2040. December 2017, 79 p.
8. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Изд. НОРМА, 2002. 752 с.
9. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2019. 223 с.
10. Аристотель. Политика. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. Т. 4. 830 с.
11. Герасимов В. В. Векторы развития военной стратегии: Доклад на общем собрании АВН 2.03.2019 // Красная звезда, 4.03.2019.
12. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. Гос. ун-та, 2004. 848 с.
13. Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1994. 315 с.
14. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20–31.
15. Жуков В. Н. Право как ценность // Государство и право. 2010. № 1. С. 21–34.
16. Зорькин Валерий. Возвращение государства // Российская газета. 2021. 17 мая.
17. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Европа, 2000;
18. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. 711 с.
19. Конгресс «Глобалистика – 2020» / Congress «Globalistics – 2020». P. 690.
20. Малков С. М. Философский словарь. М.: Мир философии. Алгоритм. 2021. 1280 с.
21. Мартышин О. В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.
22. Миловидов В. Д. Симметрия заблуждений: факты неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции. Монография. Предисловие Фрадков М. Е. Москва: Магистр, 2019. 336 с.
23. Модестов С. А. Цифровизация и финансовый рынок: симметрия заблуждений // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64. № 7. С. 130–133.
24. Назаров В. Н. Сидоров Г. П. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М., 1989. 605 с.
25. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: «ОНИКС». «Мир и Образование», 2008. 736 с.
26. Патрушев Н. П. Нужны ли России «универсальные» ценности? Духовно-нравственные ценности общества как основа суверенитета государства // Российская газета. Федеральный выпуск. № 132(8186).

27. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 552 с.
28. Перепелица Е. В. Национальная безопасность в аспекте аксиологии конституционализма // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9. С. 370–374.
29. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. М.: Научн. изд. «Большая Российская энциклопедия», СПб.: «Норинт», 2004. 1456 с.
30. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. 704 с.
31. Тихонова А. Н. Комплексный словарь русского языка. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 1228 с.

Sergey A. Modestov
 Doctor of Political Science,
 Doctor of Philosophy, Professor,
 Office of the President of the Russian Federation for
 civil service and personnel
 Russia, Moscow

Victor D. Perevalov
 Doctor of Law, Professor;
 Head of the Department of Theory of State and Law
 Ural State Law University
 Russia, Yekaterinburg

Vladimir I. Sherpaev
 Doctor of Political Science, Professor,
 Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
 Ural State Law University
 Russia, Yekaterinburg

Abstract: this research is devoted to the problems of identifying and actualizing the value characteristics of the state, law and security. The authors draw the attention of the interested reader to the fact that the modern period of social development is characterized by persistent attempts by certain Western forces to destroy the established universal human values, to introduce surrogate ideas about good and evil, marriage and family, truth and justice, the importance of state and legal institutions in human life. All this is happening against the backdrop of the strengthening of the aggressive aspirations of NATO led by the United States, the creation of a network of military bases near the Russian borders, the tightening of economic and political sanctions and creates a real threat to the entire world and the national security of Russia. The article emphasizes that real opposition to this destructive trend and process can be provided, first of all, with the help of law as the most effective regulator of social relations in close connection with all ideological, organizational and economic measures and means to create safe conditions for the coexistence and development of people. and their associations. In this case, a special role is assigned to the state.

Keywords: state, law, security, law, politics, normativity.

Алексей Игоревич Овчинников
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Южный федеральный университет
E-mail: k_fp3@mail.ru

ПРАВОВАЯ ТЕОЛОГИЯ И ЕЕ ЦЕННОСТЬ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ МИРЕ¹

Аннотация: в статье рассматривается значение нового междисциплинарного направления в исследовании права – правовой теологии. Автор приводит аргументы в пользу признания ценности теологического измерения права и правосознания для современного постсекулярного мира. Обосновывается и практическое значение правовой теологии для формирования правовой культуры и правовой идеологии современного российского государства с учетом достижений дореволюционной русской философии права и зарубежной философско-правовой мысли.

Ключевые слова: правовая теология, философия права, правовая культура, постсекуляризм, правовая идеология, правовые ценности.

Постсекулярный мир представляет собой новую фазу развития отношений между светским и мирским, сакральным и профанным, религиозным и индифферентным, религиозной и научной рациональностью. После нескольких веков антогонизма настало время взаимного признания веры и науки как важных и равнозначимых направлений в познании мира. Постсекулярность пришла на смену рациональному секуляризму модерна с его претензией на «расколдовывание мира» и в некотором смысле может рассматриваться как его преодоление. Постсекуляризм представляет собой новую парадигму философского мышления, в рамках которой религиозность уже не рассматривается как нечто пережитое человечеством, а религиозным идеям и мировоззрению отводится свое важное место в современном мире. Известный немецкий политический философ Юрген Хабермас рассматривает постсекулярность как такое состояние общества, в котором присутствует забота о продолжении существования религиозных сообществ в беспрестанно секуляризирующемся окружении (Хабермас, 2002: 22).

Государство, базирующееся на нейтральном мировоззренческом фундаменте, по убеждению немецкого мыслителя, не принимает позицию одной из

сторон (веры или знания) в ходе принятия политических решений, сохраняя одинаковую дистанцию и для веры, и для знания, для веры и разума, оставаясь для них открытым. В постсекулярном мире у верующих людей нет нужды переводить свои религиозные убеждения на секулярный язык, так как эти убеждения признаются ничуть не менее значимыми чем убеждения гуманистов в идеях о правах человека, а язык заповедей и духовно-нравственных принципов равен профанному языку носителей светской морали. Установление и признание границ между секулярными и религиозными сферами общественной жизни происходит в русле кооперативности и взаимоуважительности по отношению к перспективам каждой из этих сфер. В постсекулярном мире ценность религиозной веры в жизни человека не подвергается отрицанию и остракизму.

Правовая теология представляет собой новое междисциплинарное направление в исследовании представлений и сущностных характеристик государства и права, а также религиозно-правовых систем. В современной ситуации постсекулярного мира представления о природе права с точки зрения теологии в целом, христианской теологии, в частности, не могут не претерпевать изменений, особенно в связи с многочисленными дискуссиями о соотношении права и религии, государственной власти и духовной власти, закона и веры в новых условиях сосуществования и взаимного уважения веры и знания, а также ввиду новых достижений теологической и богословской науки. Не менее важным и значимым обладает философско-правовой и юридический анализ религиозных систем, неизбежно определяющих правопонимание, правовую культуру, правосознание и правовые ценности в том или ином государстве.

В современной российской философии права и юридической науке представления о религиозных идеалах построения государства и его правовой системы, о христианском взгляде на природу государства и права практически полностью построены на взглядах представителей дореволюционной государственно-правовой и богословской мысли. Однако уже тогда произошли разделения на сторонников и противников теократического понимания права и государства, восточного и западного понимания взаимоотношений духовной и светской власти (симфонии властей), духовно-нравственных оснований права. Однако важно отметить, что практически все без исключения русские правоведы отмечали ценность религиозно-философского анализа права, правосознания и правовой культуры.

Если относительно политической теологии и ее ценности для политологической науки со времен К. Шмитта исследования ведутся более полувека, то ценность правовой теологии для юридической науки требует отдельного обоснования. Хотя в последние годы библейские корни европейской и мировой правовой культуры все чаще становится предметом научных исследований (Баренбойм, 1997; Папаян, 2002; Сорокин, 2007; Величко, 2019).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

В зарубежной литературе теология права или правовая теология давно развивается в качестве самостоятельного направления на стыке юриспруденции и теологии. Например, за рубежом исследования в данной сфере активно ведутся, издается даже «Журнал права и религии» издательством «Cambridge University Press», в котором, кстати, сравнительно недавно была опубликована статья Марка Хилла «Правовая теология», посвященная рассмотрению проблем данной междисциплинарной области знаний и предметности теолого-правовой мысли (Hill, 2017). Юридическое богословие он рассматривает как раздел экклезиологии (от греч. *ekklêsia* «народное собрание, Церковь» и *logos* «слово, учение»). Многие ученые называют церковное право прикладной экклезиологией, и при этом они говорят о «богословии церковного права» и «богословии в церковном праве».

Исследователи христианской правовой теологии отмечают необходимость изучения христианского права. Экуменическую роль правовой теологии осветил в своей статье Норман Дой «Экуменическое значение сравнительного церковного права: к категории христианского права» (Дое, 2015). Он указывает, что церкви разделяют общие принципы и что их существование предполагает категорию «христианское право», а тождество между нормами христианских церквей показывает, что законы верных, независимо от их различных конфессиональных принадлежностей, связывают христиан через общие формы действий. По этой причине сравнительное церковное право должно иметь сегодня большее значение в экуменизме.

Проблемы правовой теологии попали в поле зрения современных ученых в связи с кризисом западной традиции права, порожденным десакрализацией, дехристианизацией правовых систем западных стран (Берман, 1998). Их внимание приковано к проблемам катастрофических изменений в праве в связи с утратой духовных ценностей и норм. При этом, «корень зла» они видят в материализме современного правового мышления, в радикальной либерализации правосознания. Известный в США судья Роберт Борк, во время президентства Р. Рэйгана был кандидатом в члены Верховного Суда. В своих работах «Скат Америки к Гоморе. Крайний либерализм и американский упадок» он описывает отрицательные последствия утраты веры в Бога и «культурной революции» 1960-х годов, появление крайнего либерализма и следующей за ним деградации общества, отмечая, при этом, кризис правосознания на почве утраты веры в Бога. Ученый предлагает развивать правовую теологию и христианское богословие права для возвращения правовых систем Запада к своим религиозным, нравственным корням (Bork, 1996).

Примерно те же идеи высказывают и американцы Мартин Л. Гросс в работе «Конец здравомыслия, Социальное и культурное сумасшествие в Америке» (Gross, 1997), Патрик Бьюкенен в работе «Смерть Запада» (Бьюкенен, 2003). Бьюкенен показывает, что с 1960-х гг. в США под предлогом уважения

свободы вероисповедания были приняты десятки решений Верховного суда, ставящих вне закона христианские традиции, организации, символы. При этом атеистический либерализм достиг крайней точки порок: допустимым и желаемым является оскорбление чувств христиан, но жестко пресекаются и преследуются проявления скепсиса в отношении леволиберальных постулатов (напр., природы гомосексуализма, равенства (физического) рас и культур, оценок исторического прошлого, эволюционного происхождения биологических видов и т. д.). Он пишет: «Дехристианизация Америки – рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт «этический компас», по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад» (Бьюкенен, 2003: 34). Ученый также пишет о необходимости «возврата к истокам» в деле правовой науки, обращает внимание на то, что дехристианизация современного мира влечет за собой рост себялюбия и эгоизма. Как известно, наиболее устойчив тот правопорядок, который держится не на страхе перед наказанием, не на харизме законодателя и не на рациональном одобрении, а на нравственной силе закона.

Верующему человеку, а их в России, судя по социологическим исследованиям подавляющее большинство, невозможно не заинтересоваться вопросом о природе права и государства, в котором он проживает, так как многие конфликты повседневности решаются именно в отталкивании от идей государства и права, представлений об их сущности: например, вопрос о юридическом запрете на посещение храмов в период COVID-19 со стороны светского государства.

На страницах СМИ высказывались священнослужители и активные миряне, обвинявшие государство в сослужении надвигающемуся Антихристу, что невольно напомнило отношение к государству со стороны старообрядцев, когда государство стало «приютом дьявола», «образом зверя», «царством Антихриста». Так что вопрос об отношении религиозного сознания к идеям права и государства далеко не праздный: еще не раз возникнет спор о природе государства и его законов с точки зрения религиозного мировоззрения.

В России теологический или теократический подход к сущности права и государства уже не рассматривается как устаревший, как артефакт политико-правового мышления прошлых лет. Поэтому не удивительно, что в современном российском обществе происходит процесс пересмотра глубинных оснований конституционного правосознания, что выразилось и в дискуссии относительно упоминания Бога в Конституции РФ в ч. 2 новой статьи 67 со зн. 1: «2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»².

² Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации» // <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения 15.06.2021).

Данная поправка неизбежно будет влиять и на светское, и на церковное право, что потребует рассмотрение ее в единстве с иными правовыми ценностями Конституции РФ. Поэтому аксиологические исследования в рамках правовой теологии имеют как теоретическую, так и практическую значимость.

Отечественной юридической мысли еще предстоит обосновывать научно-теоретическую и концептуальную важность правовой теологии, разработать ее методологические, аксиологические, отраслевые, институциональные и системные модели, направления и принципы, рассмотреть ее важнейшие темы и междисциплинарные связи.

Правовая теология позволяет не только обнаружить, но и оказать помощь в решении целого ряда фундаментальных проблем, стоящих перед современным обществом и государством. Во-первых, это кризис современного правосознания, о котором давно говорят ученые как зарубежных стран, так и России (здесь нельзя не упомянуть П. И. Новгородцева и его труд «О кризисе современного правосознания»), который возник именно в результате духовно-нравственного кризиса. Он порожден забвением христианских нравственных ценностей, святоотеческого опыта исправления человека посредством внутренней работы над своими страстями: гордыней, тщеславием, сребролюбием, завистью, чревоугодием, а также десакрализацией права, превращением права в механизм, алгоритм и производственный процесс.

Здесь следует указать на огромный опыт святоотеческой антропологии в анализе человеческого поведения с позиции нравственных и правовых ценностей, которые не разделены в христианстве. Правовая теология позволяет реанимировать «духовное сердце» правосознания – «совесть человека» (И. А. Ильин), восстановить представление о праве как о «науке о добром и справедливом» (Цельс). Ведь отечественная философия и теория права в дореволюционные годы, а, в последствии, и в эмигрантской зарубежной печати была интересна мировой юридической мысли своими рассуждениями о неразрывном единстве нравственности и права, о духовно-нравственных основаниях права и правосознания.

Во-вторых, современный период государственно-правового развития России характеризуется поиском стратегической цели, идеала, идеи государства, так как не сформулирован вектор правовой политики, не показан «образ будущего», ради которого осуществляется государственное строительство. Отсутствие государственной идеи и идеологии – вполне закономерный итог советского прошлого: у народа выработался устойчивый иммунитет на различные «заманчивые» проекты «земного рая». Между тем, государство нуждается в четкой иерархии ценностей, в том числе и высших, абсолютных ценностей. Упоминание Бога в Конституции РФ не могло не вызвать серьезной дискуссии в обществе. Какова роль религиозных ценностей в

современном обществе? Каковы взаимоотношения Церкви и государства в современном, постсекулярном мире? Можно ли привлекать к ответственности за неуважение к чувствам верующих в Бога? Каковы границы свободы личности? В чем коренится достоинство человека, его естественные права? Оказалось, что ответы на эти и многие другие вопросы не могут быть решены вне теологического дискурса, так как именно в христианстве коренится идея естественных прав человека.

Здесь следует обратить внимание на то, что основные конфессии Российской Федерации – христианство, ислам, иудаизм основываются на едином ценностном фундаменте, на заповедях пророка Моисея, на нравственно-правовых нормах библейского Декалога, так как все три религии восходят к общему для них святому пророку Аврааму. Эти конфессии так и называются «Авраамическими». Их базовые ценности и убеждения совпадают: святость брака, абсолютная ценность жизни и достоинства каждого человека, милосердие к ближнему, сострадание, вера в Бога, жизнь души после смерти и сохранение ее личностной идентичности и мн. др. Эти ценности разделяются и атеистами, которые являются «по инерции» носителями ценностного кода Авраамических религий.

Для мировой правовой культуры Пятикнижие Моисея является общим религиозным текстом, оказывающим влияние на богословие и правовую культуру. Поэтому Библия является важнейшим источником правовых, политических и социально-экономических взглядов, идей, ценностей и норм для многих народов России, не говоря уже о государствообразующем русском народе. Огромную ценность сегодня представляют работы, раскрывающие глубинные библейские корни современных политических и правовых институтов, а также рассматривающих библейские государственно-правовые идеалы.

В-третьих, до сих пор не найден компромисс относительно идеалов: спор между консерваторами и западниками-модернистами относительно пути России в XXI веке не утихает, нет единства относительно оценки прошлого (дореволюционной России, Советского периода и их деятелей, Февральской и октябрьской революций), отсутствуют и общие взгляды на будущее, в том числе и на веру в Бога. Современное российское общество объединяет память, прошлое, достижения и результаты жизни прошлых поколений: не случайно столь любимой и значимой для государственной власти и для всего народа является тема Великой Победы. Однако, история России – это не только и не столько XX век, сколько тысячелетие аналогичных великих побед, достижений, свершений, сформировавших нашу культуру, в которой одно из центральных мест занимала вера в Бога. В юридической, политологической и социально-философской литературе постсоветской России часто доминирует упрощенное восприятие веры, навеянное марксистско-ленинским тезисом об «опиуме для народа». Утрачены и забыты достижения русской богословско-

правовой, богословско-политической и исторической мысли, от чего не может не «страдать», не претерпевать ущерба философия права, политология, теория государства и права. Между тем, европейская политическая и правовая культура, отечественная государственность и правовая ментальность обусловлены библейским правовым и политическим идеалом, христианскими ценностями и этическими взглядами.

В-четвертых, библейский идеал государства и права нуждается в обстоятельном анализе и изучении, так как в последние века его образ подвергся сильному искажению ввиду секуляризации политико-правового мышления. Но религиозное сознание и мировоззрение продолжает определять судьбы мира: большинство крупных конфликтов современности возникло по линии разлома цивилизационно-культурного, а если быть точным, то скорее религиозного, а не экономического. На индивидуальном уровне религиозные ценности продолжают определять поведение и быт человека, хотя определенный обществом потребления спад духовности в странах Западной Европы очевиден.

Таким образом, ценность правовой теологии для постсекулярного мира и современного правового мышления заключается в том, что изучение духовно-нравственных аспектов правового регулирования как необходимого компонента решения ряда сложных проблем формирования правосознания, правовой культуры, правового воспитания, изучения правомерного и противоправного поведения, исследования различных аспектов правоприменения и механизма социального действия права не может протекать индифферентно по отношению к религиозным основам жизни современного общества. Разработка теоретических концепций, которые бы в полной мере учли религиозные основания государства и права является необходимым этапом формирования и развития современной общественной мысли, в которой важное место должно быть отведено и правовой теологии. Это важно и с точки зрения государственного строительства, так как современные процессы в этой сфере, оказавшейся неготовой к вызовам политико-правовой модернизации, являются серьезным испытанием российской государственности на прочность.

Библиографический список

1. Баренбойм П. Д. Трактат о библейском начале философии права. М. : ЛУМ, 2012. – 113 с.
2. Баренбойм Петр. Первая Конституция Мира: Библейские корни независимости суда. М.: Белые альвы, 1997. – 141 с.;
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М –НОРМА, 1998. – 624 с
4. Патрик Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. – АСТ Москва, 2003. – 344 с.

5. Величко А. М. Исихазм в праве и политике. Изд-во Вече. 2019. – 324 с.
6. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002. – 403 с.
7. Русская философия права: философия веры и нравственности. Составители А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова. Издательство Алетейя, СПб., 1997. – 340 с.
8. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М.: Проспект, 2007. – 479 с.
9. Хабермас Ю. Вера и знание // Будущее человеческой природы. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.
10. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
11. Doe, N. The Ecumenical Value of Comparative Church Law: Towards the Category of Christian Law. *Ecclesiastical Law Journal*, V. 17(2). 2015. Pp. 135–169. doi:10.1017/S0956618X15000034.
12. Hill M. Legal theology // *Journal of Law and Religion*. V. 32, Issue 1, March 2017. Pp. 59–63 doi: <https://doi.org/10.1017/jlr.2017.20>
13. Martin L. Gross. *The End of Sanity, Social and Cultural Madness in America*. N. Y., 1997.
14. Robert H. Bork: *Slouching Towards Gomorrah, Modern Liberalism and American Decline*. N. Y., 1996.

Alexey I. Ovchinnikov
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
South Federal University
E-mail: k_fp3@mail.ru

LEGAL THEOLOGY AND ITS VALUE IN THE POSTSECULAR WORLD

Abstract: the article examines the importance of a new interdisciplinary direction in the study of law – legal theology. The author gives arguments in favor of recognizing the value of the theological dimension of law and legal consciousness for the modern post-secular world. The practical significance of legal theology for the formation of legal culture and legal ideology of the modern Russian state is also substantiated, taking into account the achievements of the pre-revolutionary Russian philosophy of law and foreign philosophical and legal thought.

Keywords: legal theology, philosophy of law, legal culture, post-secularism, legal ideology, legal values.

Виктор Сергеевич Плетников
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
теории государства и права
Уральского государственного
юридического университета
89122861635
pvs80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7038-3209>

Мария Сергеевна Плетникова
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России
e-mail: maka.pletnikova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8507-1657

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: статья посвящена анализу проблем реализации компетентностного подхода в системе высшего юридического образования. Авторами выделяется ряд проблем, которые препятствуют качественному оказанию образовательных услуг в сфере юриспруденции. По мнению авторов, поставленные проблемы необходимо разрешить как можно скорее, в противном случае система образования не сможет поставлять качественные кадры на рынок юридической профессии.

Ключевые слова: образование, компетентностный подход, цифровизация.

Перед тем как обозначить основные проблемы, возникающие при реализации компетентностного подхода в системе высшего юридического образования в условиях цифровизации общественных отношений, необходимо определить базовые положения, которые будут выступать своеобразной границей при проведении исследования.

Первое положение, которое требует конкретизации, это компетентностный подход и его природа. Как известно, с «приходом» в Россию «болонской» системы образования компетентностный подход становится основой для организации учебного процесса во всех учреждениях высшего образо-

вания страны. Сегодня, задача любого педагога, вуза, сформировать в процессе обучения у студента, требуемые работодателю качества (компетенции), чтобы он (студент) был способен действовать в различных проблемных ситуациях, которые возникают в сфере осуществления трудовой функции. При чем, под эту цель должна быть перестроена вся система образования, а не только результаты данной деятельности, т. е. принципы и способы действий обучающегося и обучающего, средства и критерии оценки (Коняхина, 2012; Ломакина, 2012: 217–220; Шмигирилова, 2012: 260–263).

Второе положение, касается цифровизации общественных отношений в рамках которой:

- серьезное внимание уделяется науке и технике (технологиям);
- производство, распределение и потребление информации представляет собой преобладающую сферу экономической деятельности;
- информационные технологии обеспечивают социальное взаимодействие (обмен информацией) между членами общества и являются основой организации социальных связей (Плетников, 2020: 111–114).

И третье уточнение, оставим без внимания вопросы финансирования высшего образования.

Современное отечественное образование в условиях пандемии вынужденно сталкивается с теми проблемами, которые обусловлены цифровизацией общественных отношений. Как минимум, это связано с дистанционным форматом проведения занятий, при чем как аудиторных, так и внеаудиторных. Высшее юридическое образование не является исключением.

Итак, первое с чем пришлось столкнуться преподавателю – это значительное увеличение учебной нагрузки, причем это не только внеаудиторная нагрузка, связанная с подготовкой соответствующего цифрового контента, но и аудиторная, поскольку многие обучающиеся морально-психологически не готовы к восприятию информации в рамках цифрового взаимодействия и обращаются с просьбами о проведении дополнительных занятий (при чем индивидуальных). Следовательно, как итог, педагог вынужден тратить собственное время:

- на знакомство с различными цифровыми сервисами, которые могут быть им использованы для организации проведения учебных занятий, как в соответствии с расписанием, так и дополнительных;
- на разработку собственного цифрового контента, перевод имеющихся в его распоряжении раздаточных материалов в форму пригодную для удаленной работы обучающихся;
- на дополнительную работу с обучающимися, вне плановой нагрузки (в том числе консультативной), по обозначенным выше причинам, а также в связи с тем, что у каждого обучающегося появляется возможность сдать задания в рамках изучаемой темы, т. е. у педагога возникает обязанность про-

верить работы/знания всех обучающихся, а не как ранее минимум 1/3 от присутствующих на занятии;

– на ведение собственной информационной страницы на интернет-ресурсе (учебный портал, сайт и т. д.), в рамках которой осуществляется взаимодействие с обучающимися, а работодатель контролирует его трудовую деятельность.

Вторая проблема, которая возникает в сложившихся обстоятельствах, связана с нормативно-регулятивной составляющей образовательного процесса, в отдельных случаях ее называют бюрократической проблемой. Здесь три момента, которые должны быть учтены, в частности при настройке системы высшего юридического образования:

1) федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) и профессиональные стандарты. Сегодня, многие ФГОС ВО несмотря на тот факт, что были приняты в 2020 г. не отражают тех тенденций, которые происходят в современном цифровом обществе и дублируют, за небольшим отличием, существовавшие ранее стандарты. Профессиональные стандарты, на которые должны быть ориентированы ФГОС ВО фактически отсутствуют. Сегодня, в разделе 09 – Юриспруденция представлено три профессиональных стандарта. Один из которых был разработан еще в 2015 г. и по своему содержанию не отвечает тем требованиям, которые предъявляются сегодня к данному виду актов. Фактически можно вести речь о том, что работодатель не в курсе тех тенденций, которые имеют место в системе юридического образования/ у него нет времени для того, чтобы сформулировать для будущих работников профессиональные ориентиры.

2) разработка конкретной образовательной программы, которая реализуется в вузе является слишком затратной. И речь здесь идет не столько об объеме трудочасов, сколько о тех ограничениях, которые возникают в связи с необходимостью предоставления полного пакета документов к моменту начала приемной кампании. За те полгода и более, которые остаются до реального начала реализации программы возможны значительные изменения в жизнедеятельности общества, а как следствие, вновь требуется корректировка содержания программы.

3) отсутствует единая ведомственная регламентация жизненно важных для организации и деятельности вуза форм осуществления образовательной деятельности – дистанционного образования. Если обратимся к локальным актам вузов, то обнаружим, что отдельные из них даже не приняли мер к определению особенностей проведения занятий в рамках данной формы, а те в которых такая регламентация присутствует, то ее качество оставляет желать лучшего.

И третья проблема, которая является основной – новая образовательная политика, ведет к смене поколений профессорско-преподавательского

состава вуза и при отсутствии новых методик организации ретрансляции правовых знаний грозит кризисом системы высшего юридического образования.

Знаниевая парадигма, которая существовала до деятельностного подхода в системе образования и позволила вырасти плеяде талантливых юристов была ориентирована, с позиции методики, на работу с конкретным человеком – педагог смотрел в глаза студенту и понимал на столько тот освоил соответствующий материал, в случае необходимости мог оперативно внести коррективу в процесс проведения учебного занятия.

Цифровые технологии и отсутствие должной нормативной регламентации позволяют студенту не подключать камеру – порой педагог общается «сам с собой». Следовательно, он не имеет возможности оперативно оценить реальный уровень усвоения материала обучающимися. Проблема растет по экспоненте. Уже при осуществлении конкретного юридически значимого действия многие студентов (в процессе прохождения практики, стажировки, самостоятельного занятия юридической деятельностью) сталкиваются со сложностями его качественного осуществления. Природа этих сложностей во многом обусловлена отсутствием «живого контакта» с педагогом. Казалось бы, юридический вуз – это не театральное учреждение. На практике, обучение юриспруденции во многом схоже с учебой актерскому мастерству. Именно при непосредственном общении педагога со студентом формируется «правильная» модель поведения у будущего юриста-практика. Отсутствие непосредственного взаимодействия лишает юридический процесс человечности, а как известно бездушная машина, которая вершит правосудие руководствуясь сформированными юридическими конструкциями, алгоритмами, способна уничтожить человечество.

Возвращаясь к проблемам реализации компетентностного подхода в системе высшего юридического образования в условиях цифровизации общественных отношений необходимо отметить, что профессорско-преподавательский состав при таком отношении к его труду также вынужден пересматривать свои взгляды на систему образования. Большинство, конечно, согласится с таким «формальным» подходом к подготовке будущих практикующих юристов, но часть (и при чем более опытная) все же будет вынуждена отказаться от «профанации», поскольку цифровые платформы (на современном этапе их развития) не способны передать всю палитру чувств, интонаций, которая присутствует в деятельности специалиста. И здесь важно, для сохранения профессионалов высокого качества, опыта преподавания, предусмотреть в штатном расписании вуза должности специалистов по техническому сопровождению учебных занятий – ассистентов профессора, которые во многом будут способствовать/помогать профессору в организации более тесного взаимодействия с обучающимися.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на значительное число факторов, которые влияют на систему подготовки юристов (Русинов, 2014: 6), сегодня, в условиях цифровизации общественных отношений, системы высшего юридического образования, определяющим является решение обозначенных выше проблем. Иначе возникнет необходимость отказа от справедливости, гуманности в процессе осуществления юридической деятельности, попросту юридические вузы и факультеты на современном этапе не смогут научить будущих юристов-практиков защите и охране данных ценностей.

Библиографический список

1. Коняхина И. В. Компетентный подход в высшем профессиональном образовании (теоретический аспект) // Вестник ТГПУ. 2012. № 11 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyu-podhod-v-vysshem-professionalnom-obrazovanii-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения 13.04.2021).
2. Ломакина Г. Р. Компетентный подход как прагматикоориентированный подход к результатам высшего образования // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 217–220.
3. Плетников В. С. Формирование системы гуманитарных знаний у обучающихся первого курса учреждений высшего образования: проблема, требующая решения на этапе построения цифрового общества / В. С. Плетников, Т. А. Плетникова // Педагогические и социальные вопросы образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 авг. 2020 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 111–114.
4. Русинов Р. К. Методические вопросы юридического образования. Чему и как учить будущих юристов [Текст] : научно-методическое пособие : для магистрантов, аспирантов и слушателей Института повышения квалификации и переподготовки кадров УрГЮА / Р. К. Русинов. – Екатеринбург : Уральская гос. юридическая акад., 2014. – 217 с. – С. 6.
5. Шмигирилова И. Б. Компетентный подход в системе образовательных подходов и технологий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2012. № 3 (10). С. 260–263.

Victor S. Pletnikov
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
associate professor of the department
theories of state and law
Ural State
law university
89122861635
pvs80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7038-3209>

Maria S. Pletnikova
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: maka.pletnikova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8507-1657

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING A COMPETENCE APPROACH IN THE SYSTEM OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Abstract: the article is devoted to the analysis of the problems of the implementation of the competence-based approach in the system of higher legal education. The authors highlight a number of problems that hinder the quality of the provision of educational services in the field of jurisprudence. According to the authors, the problems posed must be resolved as soon as possible, otherwise the education system will not be able to supply quality personnel to the legal profession market.

Keywords: education, competence-based approach, digitalization.

Елена Владимировна Пономарева
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права
и международного права ФГАОУ ВО ТюмГУ
e-mail: helenmonev@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА: ОТ ОТРИЦАНИЯ ДО РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: в статье исследуется философское осмысление ценности и его влияние на формирование представлений о социальной ценности права и правовых ценностях. Показан процесс переоценки ценностей, их отрицания, а затем реконструкции. Автором предложены доказательства собственной ценности права в современном обществе, основанные на его объективных свойствах, благодаря чему высшие идеалы получают бесспорную возможность для претворения в жизнь. В статье показан механизм перевода социальных ценностей в общеобязательные правовые предписания посредством соответствующих для этих целей инструментов – правовых принципов.

Ключевые слова: социальная ценность, ценность, формальная определенность права, правовые принципы.

Право, как важнейший социальный регулятор, не существует в замкнутом пространстве и, так или иначе, претерпевает воздействие существующих философских концепций, а потому, анализируя право как социальную ценность, важно иметь элементарные представления о философском осмыслении самого понятия «ценность».

Понятие ценности стало предметом рефлексии в XX веке благодаря Ф. Ницше, который поместил его в центр собственного философского учения. Безусловно, обсуждение того, что есть ценность и каковы есть ценности, прослеживается в предшествующей философской мысли, однако, именно Ницше сделал его смыслообразующим в учении, от трактовки данного понятия зависит в целом понимание таких ницшеанских идей, как сверхчеловек и нигилизм. Для философа ценность – всегда точка зрения условий сохранения, возвышения, что касается сложных образований с относительной длительностью жизни в пределах становления (Хайдеггер, 2018: 32). Ценность – это не данный метафизический идеал, недостижимый для человека в пределах его жизни, но всегда точка зрения, представление, зависящее исключительно от субъекта. Именно поэтому нигилизм для Ницше – не просто отрицание предыдущих ценностей, но их качественное переосмысление с позиции субъекта наблюдающего и самостоятельно полагающего цели без каких-либо

предельных оснований и сверхчувственных идеалов. Далее, эта точка зрения прочно связана с условиями сохранения и возвышения сложных образований в пределах их становления. Для любой ценности необходим ряд условий для сохранения ее существования, а также для ее возвышения. В случае же, если условия сохранения ценности сложного образования существуют, но отсутствуют условия для ее постоянного поступательного возвышения, ее развития в пределах становления, то при возможной переоценке ценностей, такая ценность сложного образования будет отвергнута. Ценностная философия Ницше отрицает существующий ранее в философии трансцендентализм, понимание ценности как вечного неизменного идеала, вопрос происхождения и существования которого является некорректным и не нуждается в ответе.

Начатая Ницше работа по переоценке ценностей была продолжена представителями философии постмодерна, которые окончательно отвергли ценностные установки Нового времени, веру в разумность человека, целостность его сознания, когнитивные и репрезентативные способности, а также идею поступательного развития истории, исторического прогресса. Человек, как и весь мир, представлен нецелостным и неустойчивым. Неудивительно, что в рамках подобной картины мира, идея фундаментальности и объективности ценностей не способна выдержать критику, любые ценности отрицаются. Именно с этих позиций Ж. Бодрийяр анализировал понятие ценности в рамках собственной философской концепции. Философ писал, что «ценность отделяется от своего содержания и функционирует сама по себе, в своей чистой форме» (Бодрийяр, 2018: 270), а потому конец ценности еще не означает конца ее симулякра. В наши дни мы имеем дело лишь с симуляцией ценности, где значимо лишь событие игры как таковое и согласие партнеров относительно ее правил (Бодрийяр, 2006: 16). Беря за основу своих рассуждений закон стоимости К. Маркса, Ж. Бодрийяр отмечал, что в XX веке произошла революция стоимости, в результате которой ее референциальность, объективная эквивалентность содержанию была полностью уничтожена, освободив место относительности и симуляции. Вследствие этого ценность перестала быть средством обмена, но превратилась в симуляцию, знак, который ничего не означает (Бодрийяр, 2000: 53–54). XX век для Ж. Бодрийяра – эпоха тотальной симуляции, в которой реальность более не поддается репрезентации, граница действительностью и ее знаками стерта, репрезентативные образы заменены симулякрами, которые не отражают реальность, а только маскируют собой пустоту.

Итоги некоторых попыток концептуального осмысления событий XXI века являются не менее печальными с точки зрения понимания ценности. Речь идет в первую очередь о таком начинающем набирать все больший интерес в современной философии языке осмысления происходящих событий, как метамодернизм – то, что исторически следует за постмодерном, а онтоло-

гически занимает промежуточное положение между модерном и постмодерном. Авангард этого течения представлен Р. Ван Аккером и Т. Вермюленом, понимающим метамодернизм – как постоянное колебание между идеями модерна и постмодерна, новая доминирующая структура чувства, характеризующаяся появлением в литературе, кинематографе элементов постиронии, «новой искренности», романтизма, *quirky* – эффекта, супергибридности в столкновении культур и новых технологий (Аккер, Гиббонс, Вермюлен, 2019: 494). Тем не менее, метамодерн – это совокупность не вполне систематизированных представлений о культуре XXI века, пытающихся доказать доминирующую в наши дни структуру чувства путем анализа отдельных работ как смыслообразующих, оставляя в тени многие из тех, что в данную структуру не впишутся. Более того, нестабильность, постоянное колебание между двумя самостоятельными философскими парадигмами – модерном, утверждающим свободное и рефлексирующее сознание, принципы и методы получения научного знания, научно-технических прогресс, с одной стороны, и постмодерном, производящим последовательное разрушение идей модерна, с другой, говорит о несамодостаточности идей метамодернизма. Это напоминает попытку создать уникальное произведение искусства из обломков, найденных на свалке истории, что не способствует решению проблем, оставленных постмодерном.

Очевидно, что почти век развенчивания ценностей как таковых не может не повлиять на социальное и профессиональное сознание исследователя. Философские идеи, очерчивая рамки мыследеятельности, безусловно, влияют и на науку права, утверждая позитивизм (Дж. Остин), нормативизм (Г. Кельзен), современную аналитическую юриспруденцию (Г. Харт), «постнеклассическую» теорию права (И. Л. Честнов) не нуждающуюся в каких бы то ни было правовых идеалах и ценностях. А. П. Семитко справедливо подчеркивает, что право есть величайшая социальная ценность и многие важные вытекающие из этой идеи требования до сих пор не реализованы (Семитко, 2019: 15]. Каким же образом можно доказать собственную ценность и самодостаточность права, а также провозгласить ценности, закрепленные в праве? Представляется, что есть два возможных способа для достижения заявленной цели.

Первый способ касается анализа внешней формальной стороны права. Вопрос формы в целом играет важную роль. Так, М. Мамардашвили одним из принципов понимания называл принцип объективации, означающий, что для развития и выражения всего, что есть в человеке, это все должно получить форму (Мамардашвили, 2019: 168). По большому счету, именно форма способна перевести естественные чувства и состояния в социальные и гражданские, потенциальные в реальные. Также и право не существует без собственной формальной объективации вовне, а объективация требует публичности. М. Мамардашвили отмечал, что именно благодаря данному принципу

познания происходит институционализация общества, а публичность является условием «узнать мое право не в смысле значения права, а силы права, то есть той, которая есть одновременно сила на реализацию себя в виде состояния в мире, правового состояния» (Мамардашвили, 2019: 187–188). Также философ подчеркивал инвариантность формы к содержанию, возможность изменения формы и ее переноса с одного содержания на другое (Мамардашвили 2019: 190). Сама эта идея уходит корнями в учение Платона, согласно которому «идеи распространяются с помощью сообщения форм, процесса, понимаемого как передача общего духа через множество тел, «кинстанцированных» формы» (Фуллер, 2018: 226). Важное значение форма имела и для И. Канта. М. Мамардашвили отмечал, что для Канта необходимо отсутствие именно в форме основания для угнетения, зла, несправедливости (Мамардашвили, 1997: 90). Право вряд ли способно уничтожить раз и навсегда несправедливость, но обязано создать для этого все необходимые формальные условия, в чем и проявляется его высшая ценность и конечная цель.

Очевидно, что право приобретает социальную ценность благодаря его объективации вовне, форме. Однако форма эта нематериальна и обладает действительностью не физической, но идеальной. И. А. Ильин отмечал, что правовые понятия и конструкции находятся в ирреальном нормативном методологическом ряду, а потому они отвлекаются от онтологии как таковой (Ильин, 2008: 101). С. С. Алексеев писал, что при всей важности фактического содержания права, касающейся экономики, политики и иных сфер, в праве «первостепенное значение принадлежит именно форме, притом форме внутренней» (Алексеев, 2011: 9), под которой он понимал структуру права. Более того, ученый отмечал, что без объективации права вовне, без его структурной организации права как такого нет (Алексеев, 2011: 9).

Ценность права во многом определена его объективными свойствами, к числу которых относится формальная определенность, максимально выражающая особенность правовой формы (Шабуров, 1973: 4). Формальная определенность означает определенность содержания права, точность и ясность, недвусмысленность правовых предписаний и юридических фактов, с наступлением которых возникают правоотношения, определенность по содержанию и объему субъективных прав и юридических обязанностей, однозначность санкций. Более того, формальная определенность касается и самой архитектоники права – его структуры, выраженной в идеальном строении логической нормы права, системности норм права, единстве и согласованности правовых предписаний. Любая ценность, идея и идеал для закрепления, утверждения, развития и реализации должны получить внешнюю объективацию, форму. Это и обеспечивает силу и действенность права в обществе. Обладая такой формой, право превращается в непосредственную социальную ценность, поскольку обеспечивает организацию и правовой порядок. С. С. Алексеев

писал, что именно право является единственным образованием в обществе, «которое способно оптимальным образом выполнить задачу по определению и сохранению границ свободы» (Алексеев, 2013: 39–40).

Формальная определенность права, превращающая его в высшую социальную ценность, характеризуется также ясностью и непротиворечивостью правовой процедуры. Свойство формальности находит отражение не только в праве материальном, структурной организации норм, но и в процедуре их создания. Причем подчиненность этой процедуры определенным правилам и принципам настолько важна, что Л. Фуллер назвал их низшим законом естественного права (Фуллер, 2007), внутренней моралью права, способствующей совершенству законов материальных. То есть, по большому счету восемь формальных процедурных правил принятия норм права, предложенных ученым, способны выступить гарантом свободы и реализации субъективных прав, не только обеспечить правовой порядок, но и претворить в жизнь идеалы естественного права.

Особый интерес представляют идеи С. С. Алексеева о воспроизводстве права как системы. Ученый подчеркивал, что право, как сложная система отличается *устойчивостью и непрерывностью существования и действия во времени*, а потому это единственный инструмент для сохранения общественных отношений для того, «чтобы они в стабильном устойчивом виде функционировали непрерывно во времени, всегда «вечно» (Алексеев, 2013: 96). С. С. Алексеев отмечал, что право, с одной стороны, консервативно, потому что строго закрепляет существующий порядок вплоть до его отмены, а с другой стороны, несет в себе перспективу общественного развития, поскольку сохраняет и обеспечивает свободу. Данное понимание права, как сложной социальной системы, обладающей устойчивостью и развитием, характеризуется сущностными признаками ценности, предложенными Ницше, а именно постоянным сохранением и возвышением сложного образования в пределах его становления. Очевидно, что без соблюдения требования сохранения (стабильности и устойчивости) и возвышения (поступательного прогрессивного развития) право рискует полностью потерять свою социальную ценность.

Право не только способно закреплять признанные в обществе ценности, но и само является важнейшей социальной ценностью, регулируя общественные отношения, обеспечивая их стабильность и упорядоченность. Именно упорядоченность является, согласно С. С. Алексееву, главным объективным показателем, характеризующим социальную ценность права (Алексеев, 2019: 51).

Кроме того, что право представляет собой самодостаточную социальную ценность в силу его способности закреплять социальные ценности и идеалы, превращать их из желательных в общеобязательные. Соответственно, ценность права может быть доказана не только благодаря его форме, но и возможному содержанию. С. С. Алексеев справедливо отметил, что только

благодаря праву возможно «распространять высокие проявления разума, трансцендентальные ценности – духовные, моральные начала, идеалы на область внешних, практических отношений» (Алексеев, 2013: 2000). И это очень важный момент. Право – это единственный механизм, способный эффективно регулировать область внешних отношений, обладая такими признаками, как нормативность, общеобязательность, принудительность, а потому только благодаря объективному праву высшие идеалы и ценности получают бесспорную возможность для претворения в жизнь, переноса их из области чувств и переживаний в область социальных отношений.

Но каким образом в таком случае возможно провести разграничение между моралью и правом и каким образом перевести ценности и идеалы в правовые предписания?

Что касается первого вопроса, то здесь необходимо отметить следующее. Ценности, закрепляемые правом – это продукт генезиса, социального прогресса, в котором воля индивида играет не последнюю роль. С этой точки зрения навязывание новых ценностей в том или ином обществе встретит неминуемое сопротивление. Более того, если речь идет об обществах западных, то ценности здесь секуляризированы от религии, они являются итогом некоего универсализма, что особенно ярко проявляется в США и Канаде. И право, как наиболее эффективный и универсальный регулятор общественных отношений способно придать ценностям общеобязательный характер. Вместе с тем, и ценности, закрепляемые правом, играют для последнего важнейшую роль. Д. Жиль отмечает, что правовые ценности корреспондируют тому, что Г. Харт назвал первичными нормами обязывания, которые отличаются от иных норм права с точки зрения выражения персональных интересов и предполагают их достижение (Gilles, 2012: 334). Закрепление ценностей играет немалую роль и в восприятии легитимности правовых предписаний, определения закона в качестве правового, поскольку «если норма устанавливается, то ценность устанавливает» (Gilles, 2012: 338).

Что касается второго вопроса, то ценности получают объективацию в праве благодаря правовым принципам. Принципы права – это выразители ценностей в правовой системе, выступающие связующим звеном, своего рода винтиком между ценностью, лежащей в области внутренних переживаний индивида и нормой права, регулирующей сферу внешних отношений. Коллектив французских ученых отмечает, что «принципы как бы выгравированы на мраморе позитивного права <...>, в то время как ценности остаются метаюридическими, принципы являются их отражениями в позитивном праве» (Andriantsimbazovina, Gaudin, Marguenaud, 2008: 972). В то время, как ценности зачастую не являются вполне ясными и определенными, могут вступать в противоречие друг с другом, принципы права должны быть определены со всей точностью для применения права в конкретной ситуации.

Несмотря на философское осмысление процесса низложения ценностей и идеалов как таковых, происходящее в западном обществе вот уже на протяжении столетия, право, оставаясь самостоятельной, автономной подсистемой общества, должно иметь собственную логику, особый тип социальных связей, *собственные основания коммуникации*, а потому любая норма, идея, воспринятая извне, должна быть подвергнута системной переработке и возможной дальнейшей инкорпорации в систему. Право, как универсальный регулятор общественных отношений, устанавливающий и гарантирующий меру свободы человека, не может быть осмыслен с методологических позиций ни пост- ни метамодерна. Отрицание или вечное колебание противоречит в основе своей всем признакам объективного права, нивелирует его социальное назначение, а потому не могут быть восприняты правовым обществом без должной критики в рамках основных понятий права.

Право, с одной стороны, выступает в качестве важнейшей социальной ценности благодаря своим объективным признакам, форме, системности, позволяющим претворить в жизнь социальные идеалы, примирить противоречия, установить стабильность и гарантировать свободу личности. С другой стороны, право, как сложная система, объективирует утвердившиеся в обществе ценности посредством соответствующих для этих целей инструментов – правовых принципов.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право. Предназначение. Екатеринбург: Институт частного права, 2011. 82 с.
2. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 2013. 448 с.
3. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 223 с.
4. Бодрийяр Ж. Пароли. М. 2006. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3435>. [дата обращения 15.05.2020].
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3484> [дата обращения 21.05.2020].
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 240 с.
7. Ильин И. А. Понятие права и силы. (Опыт методологического анализа) / Теория права и государства. Издание 2-е, дополненное. М.: Зерцало. 2008. 488 с.
8. Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. 309 с.
9. Мамардашвили М. О гражданском обществе. // Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус. 2019. 352 с.
10. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма: монография / под ред. Аккер ван ден Р., Гиббонс Э., Вермолен Т. М.: РИПОЛ классик. 2019. 494 с.

11. Семитко А. П. Алексеев С. С.: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе». Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 15

12. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. 308 с.

13. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. 384 с.

14. Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Алгоритм, 2018. С. 288 с.

15. Шабуров А. С. Формальная определенность права. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Свердловск. 1973. 25 с.

16. Andriantsimbazovina J. Dictionnaire des droits de l'homme // Gaudin H., Marguenaud J.-P., Rials S., Sudre F. Presses Universitaires de France. 1re edition. 2008. P. 972.

17. Gilles D. L'irrédentisme des valeurs dans le droit: la quête du fondement axiologique. // La Revue de Droit de l'Université de Sherbrooke. 2012. № 42. P. 334.

Elena V. Ponomareva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
theories of state and law
and international law Tyumen State University
e-mail: helenmonev@gmail.com

SOCIAL VALUE OF RIGHT: FROM DENIAL TO RECONSTRUCTION

Abstract: the article explores the philosophical understanding of value and its impact on the formation of ideas about the social value of law and legal values. The process of reevaluation of values, then the total denial of values and then the reconstruction is shown. The author suggested possible evidence of the value of law in modern society, based on its objective features thanks to this, higher ideals receive an indisputable opportunity for implementation, transferring them from the field of feelings and emotions to the field of social relations. The article also shows the mechanism for translating social values into compulsory legal requirements through appropriate tools – legal principles.

Keywords: social value, value, formal certainty of law, legal principles

Елена Витальевна Пономаренко
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права и международного права
Института государства и права
Тюменского государственного университета
Тюмень, Россия
e-mail: pomomarenko_e1967@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ ГУМАНИЗМ: ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ

Аннотация: преодоление отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве, воплощение идей правового гуманизма в российскую правовую систему. Смысл идеи заключается в «очеловечивании» правовой системы, в создании такой правовой системы, где бы в центре внимания были человек, его права и свободы.

Ключевые слова: правовой гуманизм, гуманизация правовой системы, правовое освоение, правовой интеллект, отчуждение человека

Обращение к правовому гуманизму как перспективе развития теории права связано с уже внедрившимися в правовую систему, правосознание, гражданское общество естественными правами и свободами человека. По мнению С. С. Алексеева, все большая ориентация на общечеловеческие ценности и гуманитарные начала в нашем мировоззрении в современных условиях совпала с фактически возрастающей ролью права в общественной жизни (Алексеев, 1993: 8–10).

Правовой гуманизм, ценности цивилизации и культуры оказывают влияние на категории теории права. В практическую юриспруденцию и обыденное правосознание постепенно воплощаются высокие правовые абстракции и идеалы. Существенная роль в данном направлении отводится общечеловеческим ценностям, под лозунгом которых прошел XX век, которые изменили «точку отсчета» правовых ценностей на Земле. Ценности – это специфическое социальное определение объектов окружающего мира, выявляющих их положительные и отрицательные качества для человека и общества (благо, добро, зло), заключенные в явлениях общественной жизни и природы.

Для гуманизма главным является тезис о возникновении и развитии природы человека как ценности, их месте в реальности и структуре ценностного мира, о человеке как центре этого ценностного мира, о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой человека. Основной категорией теории является человек как ценность и общечеловеческие ценности, т. е. все многообразие предметов человеческой

деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений. Они могут выступать в качестве «предметных ценностей», т. е. оцениваться в плане добра и зла; истины и не истины; красоты и безобразия; допустимого и запретного; справедливого и несправедливого и т. д.

Идеи гуманизма обозначают, что человек не имеет простого, одномерного бытия, его нельзя как природу описать в терминах и свойствах вещей физического мира. Человек существует как троичное единство тела, души и духа как биосоциодуховная сущность.

Воплощение идей гуманизма в праве связано с проводимыми в обществе, государстве и праве преобразованиями. В праве идеи гуманизма формируются как постепенное изменение соотношения понятий «право» и «человек». Смысл идеи заключается в «очеловечивании» права, о создании такой правовой системы, где бы в центре внимания были человек, его права и свободы (Перевалов, 2005: 134). Человек, его права и свободы является центром преобразований государства, права, правовой системы, правотворчества, право-реализации, правоприменения, правового регулирования, источников права, отраслей права, юридического процесса в целом.

Привлекает внимание также идея о том, что правовой гуманизм следует изучать не только как явление цивилизации и культуры, но и как достижения в развитии человеческого общества, общественных отношений. Право должно занимать ведущее место в современном этапе развития человечества. Оно как бы задает те нормативные ориентиры, которые позволяют упорядочивать социальную жизнь, гарантировать естественные права и свободы человеку и реализовывать свойственную человеку индивидуальность.

Специфика естественных прав и свобод связана с индивидуальными качествами самого человека. Естественные неотчуждаемые права и свободы даны человеку по рождению, никем не могут быть отменены или изменены. Они позволяют индивиду быть самим собой. Индивид как бы становится ценностью не только для общества, но и для самого себя. Он является не просто ценностью, а правовой ценностью, потому что все те права и свободы, которые характеризуют социальные и человеческие качества индивида ни – кем не регламентированы, а изначально присущи индивиду.

Являясь сопротивлением произволу и беззаконию, естественные и субъективные права тем самым занимают центральное место, и выступает фактором социального прогресса. В этом смысле, эти права могут выступать и явлением культуры. Фиксировать в нормативной форме духовные ценности и достижения, которые вырабатываются обществом, например: демократия, права человека, мораль.

Социальные изменения последних лет привели к значительной переориентации содержания идей правового гуманизма в естественных и субъективных правах. Если долгое время идеи правового гуманизма воспринимались

как социальные блага, то последние годы наметился явный переход к рассмотрению сущности подхода в рамках общечеловеческих ценностей. Бесспорно, это следствие изменения иерархии ценностей в обществе в целом, с одной стороны, с другой стороны, определенное влияние оказывает процесс построения правового государства в Российской Федерации. Постепенно естественные и субъективные права наполняются содержанием явлений цивилизации и культуры. Происходит переоценка первооснов человеческого бытия, существенно изменяется правосознание. Постепенно уходят в прошлое нормативные идеалы, заданные господствующей идеологией марксизма.

Вопрос о месте и роли конкретного человека в обществе стал актуальным не только на уровне теоретического осмысления, но и вторгся в обыденное сознание. Пожалуй, как никогда четко каждый член общества ощутил необходимость в существовании естественных и субъективных прав, их действительно регулятивном характере. Не всегда удачные попытки создания новых законов российскими законодателями заставили задуматься о самих феноменах – естественных и субъективных правах.

Именно правовой гуманизм позволяет изучить, осмыслить, выделить сущность, значение, действительную природу элементов и частей теории права.

В практическую юриспруденцию и обыденное правосознание постепенно воплощаются идеи правового гуманизма, естественно-правовые начала, высокие правовые абстракции и идеалы.

В современный период развития отечественной *теории права* правовые явления все больше рассматриваются сквозь призму *рационально-критических*, интеллектуальных преобразований. И это справедливо. Постепенно преодолевается подход к праву только как к продукту государственной власти. Каждый «шаг» по пути *гуманизации правовой системы, правовые идеи освоения гуманизма человеком и обществом*, способны приблизить само человечество к совершенно новому ценностному юридическому мировоззрению, способствующему духовно-нравственному возрождению человека и общества, их осмысленно-ценностному существованию в правовой действительности.

Проблема отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве была сформулирована С. С. Алексеевым в работе «Теория права». С течением времени в эпоху глобальных перемен необходимо было переосмысливать подходы к правовым явлениям.

Суть этого отчуждения заключается в том, что в ходе общественного развития из-под власти человека как бы вырываются и в этом смысле отчуждаются определенные формы его деятельности – собственность, институты власти, право, институты культуры (Алексеев, 1993: 17).

Для решения проблем отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве, преодоления отчуждения, для изучения человека как конкретной ин-

дивидуальности в современной российской правовой традиции, необходимо пересмотреть некоторые представления о человеке и о мире, в котором он живет и который осваивает.

Проблема отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве связана не только с самим человеком – конкретным индивидом, но и его сознанием и правосознанием. Длительное время современная российская правовая традиция рассматривала правосознание в отрыве от человека – конкретного индивида. Исследователи конструировали и человека, и его правосознание по принципу абстрактной всеобщности. Человек, овладевая качествами абстрактно-всеобщего существа, превращался в бесконечного наблюдателя, трансцендентального субъекта. Чем больше он представлял общую субстанцию, тем больше принимал мистифицированную форму. Здесь проявляется природа самостоятельно действующей абстрактной всеобщности. Правосознание было сконструировано по принципу той же абстрактной всеобщности как субстанциональный Абсолют, Мощь Разума обретало отчетливо мистифицированную форму, проявляя природу самостоятельно действующей абстрактной всеобщности (Бучидзе, 1981: 2–15).

Обезличенное существование человека, отчуждение его от форм жизнедеятельности в праве связано с еще одной проблемой – ограничением реализации его (человека) правовых интересов. Для человека специфика данного положения заключается в том, что он живет среди таких форм жизнедеятельности как власть и собственность, определяет свой правовой интерес в стремлении к удовлетворению потребностей, которые не позволяют ему осмысливать свободу проявления собственного «Я», находить свое собственное, индивидуальное правовое существование на основе гуманитарных, общечеловеческих ценностей.

Правовой интерес рассмотрен как субъективная осознанная *потребность* (Гукасян Р. Е.). Некоторые авторы под интересом в праве понимают объективные ориентиры на осознание и усвоение предмета потребности как нуждаемости субъекта в экономическом благе (Чечот Д. М.). То есть, правовой интерес является социально-детерминированной, социально обусловленной потребностью или стремлением к удовлетворению потребностей в праве (Матузов, 1987: 21; Шайкенов, 1990: 17; Экимов, 1984: 73–89; Здравомыслов, 1986: 75).

Таким образом, мы видим три части проблемы отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве. 1. Отчуждение самого человека – человек как абстрактная всеобщность – чуждость. 2. Отчуждение человека – конкретного индивида от собственного правосознания. 3. Отчуждение человека-конкретного индивида от своего правового интереса, восприятие правового интереса как стремления к удовлетворению потребностей.

Человек существует в окружающем мире в отрыве от правового гуманизма, общечеловеческих ценностей, в отрыве от собственного правосознания и правопознавательного интереса.

Решение проблемы отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве, преодоление отчуждения связано с категорией правового освоения. Правовое освоение является самостоятельной формой жизнедеятельности конкретного индивида в праве, позволяет преодолеть отчуждение человека не только от власти и собственности, но и от его (человека) правосознания и правового интереса.

Концепция правового освоения может стать основанием для изучения категории «человек – конкретный индивид» в теории права. Она позволит изменить представления теории права *о человеке в правовой системе*, обосновать необходимость категории «конкретная индивидуальность» для преобразований на основах правового гуманизма российской правовой системы из постсоветской в правовую систему, центром которой является человек, его права и свободы.

Под человеком следует понимать конкретную индивидуальность, так как она по своим объективным качествам способна преодолеть обезличенное и отчужденное существование индивида. *Конкретная индивидуальность* – это реальный действительный индивид – *деятель интеллектуально-волевого характера, лицо, реализующее правовые качества, признающее собственную человеческую оригинальность, способное к осознанию правового бытия (правовой интеллект) и стремящееся к свободе интеллектуально-правовой воли как нравственной добродетели.*

В реальной действительности *правовые идеи освоения гуманизма человеком и обществом* формируются как постепенное изменение соотношения понятий «право» и «человек». Смысл идеи заключается в преобразовании постсоветской правовой системы в российскую правовую систему, центром которой является человек, его права и свободы.

С течением времени меняются подходы к правовым явлениям. Вновь приобретают остроту ранее исследовавшиеся проблемы (юридических механизмов защиты естественных прав и свобод человека, свободного усмотрения правоприменителя и др.). Происходящие в России перемены потребовали переосмысления утвердившихся представлений о соотношении права и человека. Такое переосмысление должно отвечать объективно назревшим и реально происходящим процессам возвышения человека в жизни общества. Само «возвышение человека» в реальном и категориальном плане обеспечивает «правовое освоение».

Автор предлагает в качестве альтернативы существующим концепциям права концепцию современного правового гуманизма (Хайдеггер, 1988: 319–325). Концепция современного правового гуманизма предполагает изменения соотношения понятий «право» и «человек», возвышение человека в правовой системе, правовое освоение как преодоление отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве.

Следует выделить два основных подхода к определению термина «правовой гуманизм». Так, одни авторы характеризуют правовой гуманизм как конкретно-историческое явление, связанное с культурой эпохи Возрождения (Баткин, 2006: 196), другие же говорят о правовом гуманизме как о системе мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности человека, права и свободы человека. В этом смысле, наиболее интересной является точка зрения Мартина Хайдеггера. Он, основываясь на историографическом понимании этого феномена, выделил и охарактеризовал такие его виды: латинский, христианский, эпохи Возрождения, немецких гуманистов XVIII века, К. Маркса, экзистенциализм. Однако, с нашей точки зрения, М. Хайдеггер не учитывал гуманистические представления древних обществ Востока, некоторые концепции Нового времени, а также гуманистические принципы, провозглашенные буддизмом, иудаизмом и исламом. Соглашаясь с Хайдеггером, мы вместе с тем считаем целесообразным дополнить его классификацию. Основные формы гуманизма, по нашему мнению, – это гуманизм древних обществ, эпохи Возрождения, Нового времени, К. Маркса, экзистенциализм и современный планетарный гуманизм. Вместе с тем, говоря о гуманизме как феномене культуры, следует различать также гуманизм принципов и гуманизм идеалов. В этой связи можно говорить о мыслителях, которые были гуманистами идеалов, и мыслителях, которые являлись этическими гуманистами. Определяя отличие гуманизма принципов от гуманизма идеалов, следует отметить, что гуманизм принципов ориентирован на настоящее, а гуманизм идеалов – на будущее.

Разработку концепции современного правового гуманизма могут обеспечить правовые идеи освоения гуманизма человеком и обществом.

Человеческий контекст *правовой идеи освоения гуманизма человеком и обществом* позволяет изменять представления теории права *о месте человека в правовой системе*, обосновывает необходимость категории «правового освоения» для преобразований на основах правового гуманизма российской правовой системы из постсоветской в правовую систему, центром которой является человек, его права и свободы. Он актуализирует *человека*, служит основой для изменения *интереса человека* в праве *от потребности* к формированию его в виде духовно-нравственных *благ и ценностей* и воплощению такого интереса человека в естественно-правовых началах российской правовой системы. Становление концепции современного российского правового гуманизма как альтернативы существующим послужит сильнейшим раздражителем правовой мысли и будет осуществлять прогресс современного юридического знания.

Решение проблемы воплощения идей правового гуманизма в российскую правовую систему позволяет сделать выводы; 1. Идеи правового гуманизма необходимы российской правовой системе. 2. Анализ позволяет

сделать вывод, что человек отчужден от форм жизнедеятельности в праве. Синтез обосновывает категорию правового освоения для преодоления отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве. Дедукция предполагает, что для воплощения идей правового гуманизма необходимо изменить соотношение понятий «право» и «человек». Индукция воссоздает категорию правового освоения как *рационально-критическую, интеллектуальную, правопознавательную активность по преодолению отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве и воплощению идеи правового гуманизма в правовую систему*. 3. Правовое освоение выражает активность правопознающего, интеллектуально-волевого деятеля (нотюрридикус) способного к осознанию правового бытия и стремящегося к свободе воли как нравственной добродетели – осуществлению правового гуманизма в российской правовой системе.

Для решения проблемы автор использует метод материалистической диалектики, анализ и синтез, дедукция и индукция. Методы позволили сделать необходимый анализ и прийти к логическим обобщениям. Анализ позволяет сделать вывод, что человек отчужден от форм жизнедеятельности в праве: отчужден от собственного правового интеллекта, правовой воли, правового интереса. Синтез обосновывает категорию правового освоения для преодоления отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве и воплощения идей правового гуманизма в российскую правовую систему. Дедукция предполагает, что для воплощения идей правового гуманизма необходимо изменить соотношение понятий «право» и «человек», возвышение человека в правовой системе. Правовые идеи освоения гуманизма человеком и обществом обеспечивают разработку проблемы современного правового гуманизма. Гуманизация (одухотворение и благопреобразование) правовой системы формируется как постепенное изменение соотношения понятий «право» и «человек». Индукция воссоздает категорию правового освоения как *рационально-критическую, интеллектуальную, правопознавательную активность по преодолению отчуждения человека от форм жизнедеятельности в праве и воплощению идеи правового гуманизма в правовую систему*. Оно рассматривает человека как конкретного индивида – *нотюрридикус*, способного к самоопределению, признанию своей собственной человеческой оригинальности. Человек становится таковым, приобретая право на самого себя, свою телесность и духовность не только через атрибут власти, собственности и права, но и другие феномены: нравственность, добросовестность, справедливость, добродетель и т. д.

Правовое освоение выражает активность правопознающего, интеллектуально-волевого деятеля (нотюрридикус) способного к осознанию правового бытия и стремящегося к свободе воли как нравственной добродетели – осуществлению правового гуманизма в российской правовой системе.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. М. БЕК, 1993. 320 с.
2. Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебник. М.: Высшее образование, 2005. 379 с.
3. Бучидзе Т. Гегель о сущности философии. Тбилиси, 1981. 159 с.
4. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 293 с.
5. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. 200 с.
6. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. М., 1984. 134 с.
7. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. 221 с.
8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии / пер., сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
9. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: URSS, 2014. 224 с.

Elena. V. Ponomarenko,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory
of State and Law and International Law
Institute of State and Law of Tyumen State University
Tumen, Russia
e-mail: ponomarenko_e1967@mail.ru

MODERN RUSSIAN LEGAL HUMANISM: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Abstract: overcoming the alienation of a person from the forms of life in law, the implementation of the ideas of legal humanism in the Russian legal system. The idea is to “humanize” the legal system, to create a legal system where the focus would be on the person, his rights and freedoms.

Keywords: legal humanism, humanization of the legal system, legal development, legal intelligence, alienation of a person.

Анатолий Васильевич Рассохин
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики управления
Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: anatolii.rassohi@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В РОССИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация: в научной статье ретроспективный анализ становления теоретико-правовых основ юридического образования в пореформенной России. Дается анализ формирования в процессе обучения понятий правовое сознание, правовое поведение, правовая культура. Проблемы: оцениваются сильные и слабые условия подготовки в государственных (вольных) учебных заведениях для современной школы образования.

Ключевые слова: юридическое образование, пореформенная Россия, система обучения, правовое сознание, правовое поведение, правовая культура, образовательные услуги.

Актуальность проблемы. Юридическая наука пореформенной России развивалась как результат многовекового гуманизма и воплощает в себя культуру народов, богатые и глубинные традиции, которые возникли в период формирования единого знания об обществе и человеке, как предмете воспитания и образования. В настоящее время «молодежная болезнь нигилизма», особенно в формировании уровня правового сознания, правового поведения в условиях лигмитизации правового государства и правовой культуры занимает особое место в системе юридического образования. Особое место в современном цифровом поле занимают вопросы соотношения права, законности и свободы личности, совершенствования позитивного права в условиях соотношения прав и обязанностей, формирования правосознания, так как закрепление в законах прав человека не совместимо с вседозволенностью, беззаконием. В то же время свобода в духовно-нравственных и правовых нормах формирует поведение субъекта, в котором реализация его личных, разумных и справедливых позиций сочеталась бы с уважением как естественного, так и позитивного права в интересах общества и государства. На наш взгляд, только в данном правовом поле должна формироваться специфика управления юридическим образованием, овладения правовой культурой, включения

молодых людей в жизнь общества и государства через правовое воспитание и обучение.

В середины XIX века в российской юридической науке преобладали две противоположные позиции по вопросу о роли человека, права и нравственности. Западную школу права представлял государствовед Б. Н. Чичерин, который отстаивал позицию, что любой вопрос можно в жизни общества и государства можно решить с помощью права. Другую позицию, противоположную занимал писатель Л. Н. Толстой, который категорически «отрицал все юридические элементы права». Вопросы воспитания российского гражданина в области юридического образования, которые должны лежать в основе государственной политики второй половины XIX века, явились предметом многих дискуссий и особого внимания со стороны правительства, ученых государствоведов.

Надо отметить, что методология правового сознания и нравственности занимало важное место в обучении и подготовке юристов. Формирование правового сознания и нравственности всегда занимали важное место в подготовке юристов. Вопросы психологической антропологии рассмотрены в трудах И. А. Ильина, Э. С. Маркаряна, Э. В. Соколова, Л. Н. Когана, Л. С. Выготского и других ученых. В них особо подчеркнута влияние нравственно-духовных начал на поведение людей. Основным стержнем научных исследований был механизм регуляции общества и государства в поведении и нравственно – духовном понимании личности в обществе. Например, профессор камерального права Ярославского Демидовского лицея К. Д. Ушинский, определяя сущность права, отметил, что право в первую очередь должно быть направлено на удовлетворение потребностей личности. Данную черту К. Д. Ушинский называл «внешним» правом, так как «оно не сходит в глубину духа человеческого» (Ушинский, 1498). Великий педагог подчеркивал, что для проявления такого права, необходимо наличие свободной воли в действиях и правоотношениях, в которых часто не осознаются духовно – нравственные последствия в рамках формального законно послушания. Анализ научной литературы подтверждает, что в современных условиях формирование правовой культуры должно идти не только в рамках юридического образования, в целом в общей культуры цивилизации. Необходимым условием социального управления должны стать в первую очередь правовые убеждения, морально-нравственные установки, формирования навыков правомерного и культурного поведения, осознания правовых идеалов (через призму социальных сетей), на основе исторических личностей самобытности и свободы, формируемых обществом и государством.

Император Николай I видел в революционных выступлениях дворян в слабости и несовершенстве образовательной системы. Особой заботой о «порочности» российской системы образования, в том числе и юридической, была позиция министра народного просвещения А. С. Шишкова (1824–1828 гг.).

Выступая на заседании правления училищ, А. С. Шишков подчеркивал, «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оно количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным, или еще вредным гражданином» (1825). Ясно. Что юридическое образование наталкивалось на ряд проблем, как по содержанию обучения, так и по организационным основам, особенно требованиям к преподавателям. Какие это препятствия? Не были в Университетских Уставах зафиксированы важнейшие философские вопросы, о духовной нравственности, балансе веры и знания (учебные дисциплины по вере в процентном отношении перекрывали общетеоретическое дисциплины и отраслевые). Между тем, правовед И. Т. Тарасов (Тарасов, 1895) не видел оснований для монополизации образования духовенством. Высказывая позицию, что было бы ошибкой отрешение духовенства от системы образования, так как необходимо предоставить вопросы преподавания православного вероучения только в ведении духовенства.

В позициях теоретико-методологических и правовых взглядов на реформы 60–70-х годов XIX века большинство правоведов указывали на организационные основы народного образования, в том числе и юридического. Профессор В. В. Ивановский (Ивановский, 1911:), рассматривал в качестве тормозящего элемента системы образования, устройство внутреннего полицейского управления. Подчеркивая, что организационная система управления образованием «должна быть подчеркнута из самой сущности духовной жизни личности...» (Ивановский, 1911). В системе юридического образования, профессор В. В. Ивановский, выделял развитие интеллектуальных способностей, правового мышления, памяти, формирование необходимых запасов знаний и навыков. Особое место занимали в трудах В. В. Ивановского вопросы соотношения таких институтов как право и государство. Данный вопрос был центральным, ибо реформы середины XIX века поставили основной вопрос о балансе государственного принуждения и свободы личности. Ведь организационно решить все проблемы в образовании и воспитании верноподданных не был способен никакой институт власти.

Исследование теоретико-правовых взглядов показывает, что формирование правовой культуры и правового поведения, необходимо для социального управления обществом и личностью. Правовая культура должна стать опорой правового сознания и формировать правовые убеждения, взгляды, оценки, развивать навыки правомерного и социального поведения личности в правовом обществе. Особое внимание должно уделяться восприятию правовых идеалов и символов среде молодёжи, а также установить взаимную связь между личностью и обществом.

В отношении правомерного поведения индивида, который является источником правотворческой деятельности, в то же время общество – служить гарантом прав, свобод и самобытности. В современных условиях появляются риски, поведения личности, так как ситуация показывает, что духовный мир отдельного индивида является необходимым условием его личностного миропонимания. Очень сложно, формируется человек, там, где нет ценностей общей культуры и традиций. В данном случае особый интерес представляет изучение процесса усвоения молодежью культурных идеалов, классических примеров поведения и героики нашего народа. Каким образом молодые люди приобщаются к правовой культуре в системе современного юридического, какие методики и дидактические примеры надо использовать в обучении? Поэтому в контексте поставленного вопроса особое значение надо придавать объективной оценке при преподавании сущности учения о «естественном праве». С. С. Алексеев отмечал, что это учение нельзя считать в полной мере аксиологическим из-за стремления рассматривать последнее безотносительно к ценностям как «сумму требований, по своей исходной основе, непосредственно, без какого-либо людского участия рожденных самой натуральной жизнью общества, «природой», «естеством» человеческого бытия, объективированными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей» (Алексеев, 1973: 78). Нам понятно, что учение о естественном праве, сыграло благоприятную роль в формировании личности, в вопросах формирования духовности и нравственности в формировании правового сознания будущих юристов. Однако в контексте формирования системы юридического образования необходимо исключить преобладание юснатурализма в правопонимании, поскольку представители этой теории склонялись исключительно к социологическому или философскому восприятию правовых явлений.

Следующая проблема, которая стоит в анализе историко-правового подхода в формировании юридического образования как современной России, так и пореформенной России, – это соотношения ценностей, таких как справедливость и свобода. Например, понятия свобода, справедливость и формальное равенство необходимы для права, причем каждая из этих ценностей не только не отрицает, но даже предполагает две другие (Нерсесянц, 1996: 4–11). Учитывая в формировании личности правовой культуры, как наука социология управления опирается на тезис, что правосознание людей, которое находится в различных социальных объединениях, группах, как форма общественного сознания – во многом объективное явление, которое формируется при воздействием внутренних и внешних факторов, таких как: политических, социально-экономических, этнических, религиозных, культурно-исторических. Взаимодействие и отношения в различных сферах жизни позволяют формировать не только общее сознание, но и на основе морали, религии, общей культуры, философии создавать и развивать юридическое сознание и реализовывать в правомерное поведение.

Тем не менее на формирование правового сознания в условиях обучения и подготовки юристов, необходимо воздействовать целенаправленно, так как указанная область нуждается в рациональном стимулировании в условиях правового общества. Поэтому в системе юридического образования комплекс мер должен интегрировать в правовое общество политико-правовые и нравственные ценности как национальной, так и мировой культуры, которые в совокупности создают основу правового воспитания.

Современное законодательство в Российской Федерации в системе образования закрепило понятие юридические услуги. Исследуя период пореформенной России, мы не находим данного понятия, в Императорских Уставах, приказах и положениях Министерства просвещения речь идет об обучении. Юридические услуги в системе образования не позволяют надлежащим образом формировать духовно нравственную личность, а формировать целое поколение «потребителей» с рыночной ориентацией. Повседневное поведение в правовом поле, лишь иногда ставит человека в ситуацию, когда юридическая осведомленность позволяла выбирать оптимальный вариант правового поведения. Понятно, что в современных условиях существенно возросла потребность граждан в юридическом знании, для более полного удовлетворения своих потребностей. Юридическая безграмотность в обществе снижает существенно реализацию законов в обществе, а низкое правосознание отдельных социальных групп, особенно молодежи, становится противоположной действующей системе права в обществе, приводит к конфликтным ситуациям. Однако мы понимаем, что в теоретическом плане совокупность правовых знаний об обществе и государстве может привести к конфликту, если знания не соответствуют реалиям жизни. Поэтому государству надо создавать правовые условия для правоприменительной, законной практики. Особенно, когда частная собственность и удовлетворение потребностей становится во главу государственной политики (трудоустройство выпускников, коррупция, приватизация, частный бизнес, цифровые активы и т. д.).

Таким образом, пореформенный период истории России ознаменовался проведением существенных теоретических и правовых мер в формировании системы юридического образования. Реформирование юридического образования проходило в комплексе с другими государственными реформами. Ряд проблем, появившихся в юридическом образовании, характерен и для современной России и представляет интерес в новых социальных и экономических условиях нашей истории, имевших место в обществе рыночной экономики, представляет немалый интерес и сегодня, когда идут напряженные поиски целесообразных форм деятельности образовательных учреждений в новых экономических условиях.

Надо подчеркнуть, что формирование юридического образования включает «Определенный комплекс юридических знаний, необходим и полезен каждому

человеку, живущему в государственно-организованном обществе. Особое значение юридические знания приобретают в сфере профессиональной юридической деятельности» (Перевалов, 2018: 5–10). Поэтому разнообразие методологических подходов в организационных и правовых вопросах, утвердившихся в русском правоведении во второй половине XIX в., было предпосылкой дальнейшего его расцвета. В первые десятилетия XX века русское юридическое образование становилось неотъемлемой частью русской правовой культуры.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. В 2 т. Свердловск, 1973. – Т. 2. 396 с.
2. Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. 459 с.
3. Ивановский В. В. Учебник административного права. Изд. 4. М. 1911. 506 с.
4. Нерсесянц В. С. Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М, 1996. 342 с.
5. Перевалов В. Д. Проблемы юридического образования и науки. Юридическое образование и наука № 12. 2018. С. 5–10.
6. Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. – Вып. 3. М., 1895. 596 с.
7. Ушинский К. Д. Собр. соч. В 12 т. – М.; – Л., 1948. Т. 1. 692 с.

Anatoliy V. Rassohin
Associate professor, candidate of legal sciences,
Associate professor of department of Theory and practical workers
of management of Ural State Law University,
member of Rule Associations the
“Ural circuitous resource center state and municipal service”,
e-mail: anatoii.rassohi@mail.ru

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF LEGAL EDUCATION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN RUSSIA (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)

Abstract: in the scientific article, a retrospective analysis of the formation of the theoretical and legal foundations of legal education in post-reform Russia. The analysis of the formation in the process of teaching the concepts of legal consciousness, legal behavior, legal culture. Problems: the strong and weak training conditions in public (free) educational institutions for the modern school of education are assessed.

Keywords: legal education, post-reform Russia, education system, legal consciousness, legal behavior, legal culture, educational services.

Алина Антоновна Соловьёва

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного университета
Россия, Екатеринбург
e-mail: araukagia@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Аннотация: в статье автор анализирует современные проблемы теории правоотношения, раскрывает её ценность в современном обществе, рассматривает возможные тенденции развития и пути совершенствования. Особое внимание уделено вопросам субъекта и объекта правоотношения, а также проблемам диалектики формы и содержания, абстрактного и конкретного, количественного и качественного, реального и идеального применительно к правоотношениям. Исследование правоотношений в аксиологическом аспекте опирается на представления о правовых ценностях, характерных для различных типов правопонимания.

Ключевые слова: правоотношения, субъект правоотношений, объект правоотношений, субъективные права, юридические обязанности, типы правопонимания, правовые ценности, цифровые правоотношения.

Проблема правоотношений в современном правоведении не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает всё большую. В качестве юридической конструкции правовое отношение объединяет круг понятий – субъекты, объекты, субъективные права, юридические обязанности – которые в настоящее время претерпевают значительные изменения под влиянием быстрой трансформации общественных отношений, в первую очередь, в условиях цифровизации и пандемии. Эти преобразования столь значительны, что остаётся открытым вопрос, сохранится ли сама конструкция правоотношений, остающаяся неизменной в течение многих десятилетий, продолжает ли она в изменившихся условиях удовлетворять потребности юридической теории и практики.

Не утверждая, что современной теория права уже сегодня следует отказаться от традиционной концепции правоотношения, можно тем не менее, во-первых, продолжать исследовать её, раскрывая как слабые, так и сильные стороны, в том числе в аксиологическом аспекте, во-вторых, искать пути её совершенствования и возможного дополнения, которые позволят на современном этапе сделать её более соответствующей меняющимся условиям. Анализ перечисленных аспектов проблемы правоотношений является целью настоящей статьи.

Правоотношения представляют безусловный интерес для исследователя, так как представляют сосредоточение наиболее сложных проблем правоведения:

формы и содержания, абстрактного и конкретного, закономерного и случайного (произвольного) в праве. Ценностный аспект правоотношений представляется менее сложным вопросом, особенно если подходить к нему с методологических позиций. Универсальным методологическим подходом, имеющим также аксиологическое, в значительной степени, раскрывающим проблему ценности в праве, представляется подход Г. Радбруха о ценностях справедливости, стабильности и общего блага как своего рода «сообщающихся сосудов», когда выигрыш в одном, даёт проигрыш в другом (Тарасов, 2001: 233).

Так, абсолютизация справедливости как при крайнем естественно-правовом типе правопонимания с его идеей «неправового» закона, даёт проигрыш в стабильности и приводит закономерному и страшному результату, иллюстрацией может служить, к примеру, Великая французская революция. Как писал Г. Гейне: «Вот – революции горький плод! Фатальнейшая доктрина! Во всём виноваты Жан-Жак Руссо, Вольтер и гильотина!». Гипертрофированная стабильность – крайний юспозитивизм в ущерб справедливости «с его верой в принцип «закон есть закон» сделал немецких юристов беззащитными перед законами преступного содержания и диктуемых произволом» национал-социализма – это то о чём писал Г. Радбрух (Тарасов, 2001: 228). Можно сказать, что эти две ценности – справедливость и стабильность – на противоречие между которыми указывал Г. Радбрух (о третьей ценности – общем благе – будет сказано несколько позже), становятся кардинальными для двух основных типов правопонимания – юспозитивизма и юснатурализма – и именно они находят своеобразное отражение в основных европейских правовых семьях: соответственно англосаксонской, романо-германской. Первая ценность связана с интересами государства, а вторая – с интересами личности.

На последней ценности – общем благе, выражающей интересы общества как целого – следует остановиться подробнее в связи с проблемой правоотношений. Если для естественно-правового типа правопонимания характерно представление, что истинное право, то есть идеи справедливости, свободы, равенства и гуманизма, существуют «до» позитивного закона, для позитивизма «право и есть закон», то для социологического правопонимания – право «после» закона, то есть сама система правоотношений и рассматривается в качестве права, именно так называемого «живого» или «актуального» (в разных социологических школах) права. Социологический подход к правопониманию лежит в основе скандинавской правовой семьи, которую условно можно рассматривать в качестве самостоятельной третьей европейской правовой семьи.

Г. Радбрух наибольшее внимание уделял конфликту между правовой стабильностью и справедливостью, об общем благе он пишет применительно к целесообразности: «В иерархии этих ценностей мы должны поставить целесообразность права в том, что касается общего блага, на последнее место. Право не является только тем, что «полезно народу» (Тарасов, 2001: 233). Но сегодня в

условиях происходящих изменений возможно именно общее блага как основная правовая ценность может помочь преодолеть проблемы, стоящие перед современным обществом. Так, неслучайно опыт скандинавских стран в борьбе с пандемией, коррупцией, терроризмом широко обсуждается, внимательно исследуется и даже частично применяется в других странах. Специфика этих стратегий, как и, к примеру, распространённой социологической теории уголовного преследования, как раз состоит в том, что на первый план выходит представление об общем благе, о необходимости согласования различных социальных интересов. В прежние десятилетия, как отмечает Г. фон Хофер в статье «Преступление и наказание в Скандинавии», Министерство юстиции было вынуждено балансировать между интересами власти и сограждан, которые охватывали как проблему защиты общества от правонарушителей, так и проблему защиты интересов правонарушителя. В настоящее время этот процесс значительно усложнился: двусторонние отношения сменились многосторонними, где меняющиеся интересы приспособляются к ситуации с учетом требований власти, оппозиционных политических партий, групп влияния и средств массовой информации (Ананиан, Хофер, 2003: 126).

Не абсолютизируя законы и ограниченно пользуясь судебными прецедентами, судьи скандинавских стран могут позволить себе принять решение, опираясь на потребности общества, например, не применить меру ответственности к юридическому лицу, причинившему ущерб своими действиями другим физическим и юридическим лицам, если это приведёт к его банкротству, будет принято во внимание, что множество людей в этом случае могут потерять работу. Такое решение может быть принято в ущерб ценностям справедливости и стабильности, но «выигрыш» в общественном благе будет очевиден. Необходимыми условиями такого подхода являются консолидированное общество и доверие государственной власти, что само по себе сегодня сложно представить, но становится очевидно, что за ним будущее и, прежде всего, в регулировании цифровых отношений.

Возможно именно на этот тип правопонимания будет опираться правовое регулирование цифровых отношений. То есть на первый план в правовом регулировании должно выйти не государство и не личность, а общество, его благо и интересы как целого, и процесс и результат такого регулирования должен соответствовать именно его интересам. Сами цифровые отношения предопределяют именно такой тип правового регулирования, так как, во-первых, имеют децентрализованную, сетевую, даже «ризоматичную» природу, исключая императивность и вертикальную иерархию, во-вторых, благодаря развитию цифровых технологий появляется возможность устранить те препятствия в правовом регулировании, которые ещё совсем недавно казались непреодолимыми.

А. Ф. Черданцев, вслед за З. Зембинским, противопоставлял тетическое и аксиологическое обоснование норм, отмечая, что ведущим является тетическое обоснование, а также распространяя это обоснование на правоотношения: «На

основе тетических норм возникают тетические правоотношения». Но указанный автор признавал также возможность двойного обоснования норм права: одновременно тетического и аксиологического (Черданцев, 2016: 20). Представляется, что и этот вывод может быть распространён на правоотношение, а значит, у правоотношений может быть выявлен аксиологический аспект, который состоит именно в возможности согласования в рамках правоотношений различных векторов воли, потребностей и интересов субъектов. Именно в правоотношении, противоречивые по своей внутренней природе, они получают своеобразное диалектическое «снятие», примирение, что и позволяет вывести правовое регулирование на качественно новый уровень, обеспечить не только правовую стабильность и справедливость, но и общее благо, баланс в системе «Государство – Личность – Общество». Таким образом, основные элементы этой системы, точнее интересы государства, личности и общества отражаются соответственно в трёх ценностях – стабильности, справедливости и общего блага – а значит и трёх типах правопонимания и трёх основных европейских правовых семьях. Причём эти три составляющие на разных уровнях можно рассматривать в качестве диалектической триады, когда третий элемент всякий раз представляет собой диалектическое «снятие» и знаменует переход на качественно новый уровень.

Обратимся теперь к самой концепции правоотношения как юридической конструкции. Здесь можно условно выделить три взаимосвязанные проблемы: 1) субъекта и объекта правоотношения (абстрактного и конкретного), 2) формы и содержания и 3) количественного и качественного в правоотношении.

Первая проблема на пути «оправдания» или критики правоотношения лежит в плоскости «субъект – объект». Следует согласиться с позицией С. И. Архипова, который говорит о субъекте права не как о «реальном», в смысле физической реальности, «материальном», «живом физическом лице», помещённом в правовую сферу, а как о «идеальной конструкции», «образе», «абстрактном лице», как о «правовом слепке»: «Субъект права, таким образом, пребывает в особой социально-правовой реальности, отличной от физической, является частью этой особой реальности. . . . Понятие субъекта права создаётся в результате абстракции как обобщающий образ реальности, как правовой слепок с человека, приложимый в равной мере и к государству, и к коммерческой, некоммерческой организации, и к индивиду» (Архипов, 2004: 30–31). Здесь мы не делаем акцент на разграничении понятий «субъект права» и «субъект правоотношения», во-первых, в связи с тем, что, как далее отмечает С. И. Архипов, «всякое лицо в праве есть абстракция», а значит «противопоставление конкретной правовой личности абстрактному правовому лицу – это противопоставление абстракции одного уровня абстракции другого уровня» (Архипов, 2004: 31). Во-вторых, по словам того же автора: «Исходя из идеи первичности субъекта права, можно утверждать, что не субъект права является элементом правовых отношений, наоборот, правовые отношения, связи «принадлежат» субъекту» (Архипов, 2004: 76).

Приведённая точка зрения, как отмечает С. И. Архипов, отнюдь не является господствующей в современной юридической литературе и российском законодательстве, а в теории и законодательстве распространён «правовой натурализм», истоки которого следует искать в упрощённом материализме (Архипов, 2004: 31). Действительно, такая грубая упрощённая схема, в которой «физическое лицо – это и есть действительный субъект права и вместе с ним мы хорошим не только плоть, но и правовую личность; что юридическое лицо – это не собственно правовое явление, а груда имущества (в смысле не прав, а вещей) или совокупность людей, или и то и другое» (Архипов, 2004: 31), становится всё менее соответствующей новым условиям, и именно процесс цифровизации наиболее ярко иллюстрирует эту тенденцию. Всё равно, как если в реалиях финансовой системы XXI в. использовать подход, возникший и вполне успешно работавший в условиях рабовладельческого и средневекового обществ, когда физическое лицо, скажем, приобретало лук на рынке. В этом примере субъект и объект (в методологии плюралистического подхода к объекту правоотношения) очевидны. Но на современном этапе развития науки и практики, в мире сложных смыслов и ещё более сложных текстов, всё самоочевидное как правило – ненаучно и непрактично.

В недалёком будущем неизбежен отказ от этой концепции, условный «робот» или искусственный интеллект, или криптовалюта не укладываются в эту схему. Более того, её очевидная простота не более, чем иллюзия, так как сама понимание субъекта – физического лица, восходящее к картезианской концепции, после достижений европейской философии XX в. уже не может оставаться прежним, ни для какой области знаний, даже такой консервативной как правоведение. И темпы общественного развития указывают на это всё более явно. Что касается самого современного состояния понимания субъекта, опирающегося на картезианский афоризм – сформулированного Декартом утверждения *cogito*, о нём очень интересно и точно рассуждает А. Е. Смулянский со ссылкой на Лакана: «По замечанию Лакана, Декарт, предложив свою формулу, вовсе не образует некое новое правило или образец существования для того, кого философы теперь именуют субъектом. Фундаментальным последствием картезианского деяния оказывается нечто иное, поскольку связанная с ним операция не порождает субъекта, а наделяет нечто человеческое субъективностью как obsessивным симптомом, открывая путь невротическому расщеплению, спровоцировавшему в дальнейшем необходимость совершенного Фрейдом открытия бессознательного» (Смулянский, 2021: 24). То есть сам физический субъект сам по себе не более, чем «слепок», «этот невольный инициированный Декартом разрыв между содержанием действия и источником его последствий» (Смулянский, 2021: 24) свидетельствует о первом расщеплении, породившем тревогу: «В то же время вплоть до Лакана умалчивали о том, что основным последствием картезианской операции оказывается ... – появление охватившей современного субъекта тре-

воги, связанной с неустранимым разрывом между уверенностью и достоверностью» (Смулянский, 2021: 25).

Право как «вторая природа» создаёт второе расщепление, тот самый «юридический слепок» с индивида, о котором речь шла выше. Тот факт, что это именно расщепление, очень чётко формулирует К. Маркс, интересно, что эта формулировка – тоже в какой-то мере похожа на утверждение *cogito*, во всяком случае она столь же афористична и речь тоже идёт о существовании: «Помимо своих действий я совершенно не существую для закона» (Маркс, Энгельс, 1955). Это второе расщепление также сеет тревогу – страх потери прав. В художественной литературе она находит яркое отражение у Д. Дефо в истории о Робинзоне Крузо. Дихотомия «общество – власть» (Пиголкина, 2003: 217) достигает определённой зрелости в эпоху Просвещения, является необходимым условием индивидуальной свободы в современном понимании и свидетельствует о том, что на смену индивида приходит свободная личность. В романе Д. Дефо эта идея полной свободы человека от государства и общества, тоже своего рода естественного права в действии возведена в абсолют, одновременно и пугая, и привлекая. Второй роман, который тоже является показателем этой тревоги, – «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, здесь автор показывает, что она может быть полностью преодолена при помощи экономических механизмов, капитал обеспечивает герою свободу от государства и общества.

Сейчас мы переживаем третье расщепление, связанное с цифровизацией различных сторон жизни человека и общества, и оно тоже сопровождается появлением новой тревоги. Если право – «вторая природа», то сегодня мы сталкиваемся с появлением третьей. Видимо, это и есть закономерность: появление новой среды, расщепление субъекта в связи с появлением его отражения в ней, его «слепка» в этой среде, и тревога, связанная с проблемой существования в связи с образовавшимся вследствие расщепления зазором. Как это происходит сейчас? Отражение субъекта в цифровой среде, цифровизация различных сторон его жизни, исследования, к примеру, в сфере искусственного интеллекта постепенно стирают границу между субъектом и тем, что традиционно было принято считать объектами. И, наоборот, внешний вид субъекта объективируется, его образ становится брендом. Существование ставится в прямую зависимость от обладания и того как субъекта воспринимают другие.

Объекты правоотношений перестают противостоять субъекту, а становятся его частью, продолжением, с помощью которых он расширяет свои возможности, выполняет определённые новые функции и несёт за это ответственность. Чтобы почувствовать, как, к примеру, смартфон становится частью нас самих как субъектов правоотношений, достаточно просто забыть его утром дома, но заметьте, такое случается с нами всё реже. Сама идея единства субъекта и объекта в какой-то степени перекликается с концепцией желающих машин Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которую, безусловно, можно считать прозрением философов. И

если сейчас её методологический потенциал может быть оценён только применительно к развитию современных технологий, он несомненно будет востребован в будущем. «Робот» и «человек» образуют единую функционирующую систему.

Интересно, что в резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике» Европарламент отметил, что одной из самых быстрорастущих областей остается роботизация человеческого организма, которая ведет к возрастанию зависимости человека от гаджетов. На случай, если производитель имплантата по каким-то причинам перестанет его поддерживать, к примеру, предлагается создать независимые доверенные организации, которые займутся сохранением работоспособности жизненно важных носимых медицинских устройств – от технического обслуживания до ремонта и апгрейда. Для таких фирм производители обязаны будут сохранять и предоставлять всю техническую информацию о своих устройствах, включая копию исходного кода программ (Незнамов). Идея единства субъекта и объекта – это одно из возможных решений, или скорее попытка снятия нерешённой до настоящего времени и возможно актуальной в будущем философской и правовой проблемы самостоятельности «личности» робота, придания им особого правового статуса и защиты «прав» роботов.

Вторая проблема, связанная с правоотношениями, – проблема формы и содержания. Она отчасти связана с предыдущей: «юридический слепок» – это тоже своего рода форма. Неслучайно правоотношения традиционно считается, что правоотношения имеют как минимум две ипостаси – это одновременно и самостоятельный вид, и форма общественных отношений. «В философии «форма» противопоставлена «содержанию» (при этом, безусловно, форма содержательна, а содержание формально)». Как писал Гегель: «...ибо речь здесь идёт о науке, а в науке содержание существенно связано с формой» (Гегель, 1990: 45). Интересно, что в логике «содержание» противопоставлено не только «форме», но и как качественная характеристика понятия – «объёму», его количественной характеристике. В структуре правоотношения содержание представляет собой отдельный элемент, который охватывает совокупность субъективных прав и юридических обязанностей.

Гегель писал, что «...влечения должны быть разумной системой волеопределений; такое их понимание, развитое из понятия, и есть содержание науки о праве» (Гегель, 1990: 45): «Содержание этой науки во всех её отдельных моментах, таких как право, собственность, моральность, семья, государство и т. д., можно полагать в такой форме: человек от природы обладает влечением к праву, а также влечением к собственности, к моральности... <...> В дальнейшем выступит другая форма того же содержания, которая здесь являет себя в виде влечений, а именно форма обязанностей» (Гегель, 1990: 83). В приведённом отрывке условные «права» («влечения к праву») и обязанности, напротив выступают формой.

Эта проблема имеет и другой аспект, связанный с диалектикой идеального и реального. Вот как это формулирует А. Ф. Лосев: «Не говорите мне, пожалуйста,

о том, что мышления вещей нет без ощущения вещей. Я это знаю и без вас и никогда в жизни не утверждал противоположного. Дело не в этом. Дело в том, что непосредственная данность, если вы хотите её осознать, превращается в некую абстрактную структуру, представляющую собой полную параллель ощущаемого предмета, но в то же время данную в некоей осознанной и логически обоснованной форме. Абстрактность появляется здесь потому, что вместо живой непосредственной данности вы получаете логически осознанную закономерность» (Лосев, 2009: 89). То есть правоотношение применительно к этим рассуждениям можно рассматривать именно как «осознанную и логически обоснованную форму», результат мыслительного аналитического процесса, идеальную модель. Его смысл и ценность заключается в том же, в чём и смысл юриспруденции, которая, как отмечает Н. Н. Тарасов, «как социальная практика не сводится к заключению договоров и судебным рассмотрением, смысл её в обеспечении правовой организации общества» (Тарасов, 2001: 164).

Третья проблема правоотношений – это скорее линия, по которой концепция может быть дополнена, что могло бы сделать её более эффективной и востребованной, учитывая меняющиеся обстоятельства. Представляется, что такую скрытую возможность, как ни странно, может предоставить наука логика. А. Ф. Черданцев утверждал: «Несомненно, логические проблемы для правоведа являются весьма актуальными, если учитывать характер объектов правовой науки и практики» (Черданцев, 2016: 18).

Когда речь идёт о соотношении понятий, в правоведе чаще всего используются такие методологические схемы как «род – вид», «часть – целое», «форма – содержание». В формальной логике, как отмечалось выше, «содержание» понятия дополняется его «объёмом». Соответственно, содержание – качественная характеристика, совокупность существенных признаков, оно раскрывается благодаря такой логической операции, как определение. Объём понятия – своего рода количественная характеристика – это множество всех объектов (процессов, явлений и т. д.), которые мыслятся в данном понятии, его раскрывает логическая операция – деление. В концепции правоотношения, мы выделяем содержание правоотношений как совокупность всех корреспондирующих субъективных прав и юридических обязанностей субъектов. При этом, если проанализировать, можно сделать вывод, что, когда речь идёт о содержании правоотношения, имеются в виду преимущественно его качественные характеристики: какие именно субъективные права и юридические обязанности возникают у субъектов, как они соотносятся.

Количественная характеристика, заключённая в понятии «объём правоотношения», отвечает на вопрос сколько, в каком количестве. Кстати, в законодательстве и научной юридической литературе термин «объём прав» довольно распространён. К примеру, в ст. 384 ГК РФ используется термин «объём прав кредитора, переходящих к другому лицу». Дополнив конструкцию такой количе-

ственной характеристикой, как «объём правоотношения», можно, с одной стороны, описывать субъективные права и юридические обязанности более подробно в количественных показателях, а главное можно получить возможность: во-первых, «дробить» права и обязанности, выделяя их части (причём этот процесс может как сопровождаться появлением новых прав и обязанностей, переходом их в новое качество, так и сохранением их качественных характеристик, то есть без перехода количественных изменений в качественные), а, во-вторых, сравнивать. Используя сравнительный метод, различные его разновидности, можно сравнивать объёмы субъективных прав и юридических обязанностей разных субъектов, участников сходных правоотношений, проводить операции сравнения во времени, а также более полно использовать возможности компаративистики. Это, в свою очередь, позволит по-новому взглянуть на проблемы равенства прав, расщепления права собственности, его «размывания» и «спецификации прав собственности».

Таким образом, «общее учение о правоотношении» на современном этапе действительно требует переосмысления в связи с происходящими в обществе изменениями, которые, впрочем, оказывают заметное влияние на всю юридическую науку в целом. Изменения могут касаться, как отмечает Н. Н. Тарасов, «не только предметного содержания исследований, но и самого исследователя в плане его картины мира, методологической оснащённости и парадигмальной направленности». Хотелось бы закончить также словами указанного автора о том, что изменения «неизбежно ведут к деактуализации целых направлений исследований, и в этом смысле утраты ими практических перспектив (однако, как уже отмечалось, теоретическая ценность деактуализированных положений от этого не уменьшается)» (Тарасов, 2012: 21–22). Чтобы концепция правоотношений в ближайшее или даже отдалённое время не потеряла своей актуальности, необходимы дальнейшие исследования, которые пойдут по пути её совершенствования, возможно расширения и изменения, адекватного меняющимся условиям «цифровой среды».

Библиографический список

1. Ананиан Л. Л. Хофер Г. фон. Преступление и наказание в Скандинавии. HOFER N. von. Brott och straff i Skandinavien // Nord. tidsskr. for kriminalvid. København, 2003. Årg. 90, N 3. S. 178–191 / Л. Л. Ананиан // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал 2005. № 3. С. 117–126.
2. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1990. 524 [2] с.
4. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. М.: Академический проект, 2009. 300 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1. 699 с.

6. Незнамов А. Новые законы робототехники: как в Европе регулируют права роботов // [Электронный ресурс] URL: <https://www.pornmech.ru/technologies/379112-novye-zakony-robototehniki-kak-v-evrope-reguliruyut-prava-robotov/#part1> (дата обращения 11.09.2021).

7. Смулянский А. Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии / А. Е. Смулянский. М.: РИПОЛ классик, 2021. 496 с.

8. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.

9. Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 19–24.

10. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под общей ред. докт. юрид. наук, проф. А. С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А. Ф. Черданцев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 320 с.

Alina A. Solovyova
Ural State Law University
PhD in Law
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
Russia, Ekaterinburg
e-mail: araukaria@yandex.ru

THE VALUE ASPECT OF THE LEGAL RELATIONSHIP

Abstract: in the article, the author analyzes the current problems of the theory of legal relations, reveals its value in modern society, considers possible development trends and ways of improvement. Special attention is paid to the issues of the subject and object of legal relations, as well as to the problems of dialectics of form and content, abstract and concrete, quantitative and qualitative, real and ideal in relation to legal relations. The study of legal relations in the axiological aspect is based on the ideas of legal values characteristic of various types of legal understanding.

Keywords: legal relations, the subject of legal relations, the object of legal relations, subjective rights, legal obligations, types of legal understanding, legal values, digital legal relations.

Венир Калимуллович Самигуллин
 доктор юридических наук,
 профессор,
 профессор кафедры конституционного права
 Уфимского юридического института МВД России
 Республика Башкортостан, город Уфа, Россия
 e-mail: svk_02@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА НЕ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ ЕГО ПЕРВИЧНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Аннотация: тема, предложенная организаторами конференции в качестве *materia tractanda*, обширна и многогранна. В ней важно и это, и то, и другое. В итоге – все важно. Но объять необъятное невозможно. Поэтому автор сосредотачивается лишь на одном вопросе – на свойствах права. На его взгляд, этот вопрос в ключе темы конференции в теоретическом плане и в практическом отношении является достаточно актуальным и существенным.

В статье отстаивается положение, что указание С. С. Алексеевым на первичные свойства права (системность, нормативность, формальная определенность, динамизм, принудительность) – достижение фундаментальной важности. Но, на взгляд автора данной статьи, только ими свойства права не ограничиваются. В гипотетическом плане указывается и на другие качества права, которые могут быть обозначены тоже как его свойства. Так, на его взгляд, свойствами права являются также функциональность и структурированность права, способность к преобразованиям и превращениям, способность существовать в мире объективного и в мире субъективного, идеального и материального и др.

По мысли автора, все социально ценные качества права раскрываются наиболее полно в гуманистическом праве, борьба за которое завещано С. С. Алексеевым. Гуманистическое право – и в нормативности, и в ненормативности (персонафицированности, индивидуализированности) – живое право, одушевленное и овеществленное. Вбирая в себя ценностные свойства права как такового, гуманистическое право постепенно открывается для человека и общества своими лучшими сторонами, благодаря самому человеку и обществу, демократической государственности. Тем самым оно способствует очеловечиванию человека и демократизации проблемного общества и его государственности, полнее, справедливее, надежнее и эффективнее обеспечи-

вая свободу и порядок, добро и справедливость как блага, всеобщие блага. Гуманистическое право ориентировано на реальность в противовес химерическому, издержкам виртуального. Оно выступает за полезное в противовес вредному, негодному, бесполезному; за достоверное в противовес сомнительному; за точное в противовес смутному; за организующее, созидательное начало в противовес разрушительному.

Ключевые слова: право, свойство, социальная ценность, гуманизм, борьба.

Остановимся лишь на одном вопросе, который в ключе темы конференции в теоретическом плане и в практическом отношении представляется, является достаточно актуальным и существенным.

По Игорю Борисовичу Чубайсу, властвующий класс в современной России все тот же, что в Союзе ССР, – номенклатура. Он считает, что миф о демократии сменил миф о социализме. На смену коммунистической идеологии пришла не свобода, а новая идеология (Чубайс, 1996: 96)¹. В этой связи, по его мнению, продвижение страны вперед может начаться только после обсуждения и принятия концепции Новой России и после разноименклатуризации. На его взгляд, в основу системы ценностей Новой России должны быть положены следующие идеи: «историсофия России, умеренный коллективизм, свобода традиционных конфессий, преодоление бремени комидеологии², родной язык, россияне – как российский народ, право, неоязычество³, либерализм».

¹ Схожую позицию занимает С. А. Денисов. Он пишет: «Реформа в России 1991–2000 годов не обеспечили переход страны от бюрократического государства восточного типа к буржуазному или социальному государству западного типа. Обособленные от общества управленческие группы потеряли монополию на власть, но продолжали оставаться доминирующей силой во всех сферах общественной жизни. ... Можно сказать, что Россия перешла от одной формы экономического господства бюрократии, которая не допускала вообще частной собственности, к другой форме господства той же бюрократии – с использованием элементов частной собственности. Эту новую форму господства можно сравнить с той, что существовала в России в XVIII веке, при которой часть доходов чиновник получал не непосредственно из государственной казны, а из своего поместья, которое давалось ему за службу» (Денисов, 2002: 72–73). Надо сказать, его прогноз развития российского общества и отечественного государства в оптимистическом и пессимистическом варианте, особенно на ближайшее будущее, кое в чем нашел подтверждение.

² Комидеология – коммунистическая идеология.

³ И. Б. Чубайс пишет, что на нашей планете может закончиться пресная вода и кислород, но это сегодня осознано недостаточно. Он убежден в том, что «...для решения экологических проблем необходимы не только очищающие и сберегающие технологии. Здесь необходима новая ценностная система, новый тип мышления. В разных странах его называют по-разному – неогуманизм, экологизм ... Может быть, с учетом наших традиций, назовем это неоязычеством. О чем идет речь? ... если взглянуть современными глазами на модель мира древних язычников, окажется, что в ней есть очень своеобразные и глубокие идеи. Существуют не только единые ноосфера и биосфера. Разве не верно, что мир един, человек не царь, а часть природы и мира. Все живое имеет общее, ... в этом мире вообще нет ничего абсолютно неживого, все является в той или иной мере одушевленным. ... в траве

В качестве центральной идеи Новой России он рассматривает три вещи: обустройство, качество, интенсивный рост (Чубайс, 1996: 96–97).

Как видно, в системе ценностей новой России автор указывает на **право**. И по этому пункту он, на наш взгляд, прав абсолютно, на все сто. Почему? А потому. Если право не сводить только к одному какому-то его типу или виду, а в рамках их (типов, видов) лишь к части, отрасли, институту, форме, процедуре, то, как говорил Леон Дюги (1859–1928), «нет права без общества, нет общества без права» (Дюги, 2013: 306). Для любого общества, и в этом ряду ни советское общество, ни постсоветское общество, ни современное российское общество, ни какое-то другое общество, не образуют исключения, всюду право – авторитетнейший, хотя и не единственный, регулятор самых разнообразных общественных отношений, объективно подпадающих под правовое воздействие⁴. И в этом качестве **право – социальная ценность**.

Сергей Сергеевич Алексеев, исследуя социальную ценность права в советском обществе, пришел к выводу, что ценность права как такового проявляется в его свойствах – нормативности, формальной определенности, принудительности, динамизме (Алексеев, 1971: 62– 65)⁵. Этот вывод, если

ползает не просто муравей, а братец муравей, передо мной растет не дерево, а братец дерево, лежащий в лесу гранитный монолит – братец-камень... *наш храм Россия ...* вся планета». (Чубайс, 1996: 92–93). В этом И. Б. Чубайс похож на К. Э. Циолковского (1857–1935), который был убежден в том, что в математическом смысле вся Вселенная жива, но сила чувствительности проявляется во всем блеске только у высших животных. «Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей Вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи. Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует. Так как всякая материя всегда, при благоприятных условиях, может перейти в органическое состояние, то мы можем условно сказать, что неорганическая материя в зачатке (потенциально) жива. ... Всякая часть Вселенной, т. е. всякая материя, может принять форму живого и даже бессмертного существа», – писал Константин Эдуардович (Циолковский, 2019: 114, 226).

⁴ Л. Н. Берг, исследуя категорию «правовое воздействие» в рамках инструментального подхода, пришла к выводу, что в качестве элементов правового воздействия выступают: правовое установление, правовое регулирование, правовая охрана, правовая регламентация. (Берг, 2018: 21–22, 37–390; Берг, 2019: 49). Представляется, что Людмила Николаевна справедливо полагает, что в категориальном и понятийном плане необходимо различать «правовое воздействие» и «правовое регулирование». Вместе с тем, думается, в современных условиях можно ставить вопрос о необходимости различия в рамках правового воздействия также и таких элементов, как правовое признание, правовая защита, правовое обеспечение, которые не тождественны тем элементам, которые она выделяет в структуре правового воздействия.

⁵ Заметим, чуть позже С. С. Алексеев указал еще на одно первичное свойство права – на системность. Он писал: «Право представляет собой *систему* норм. Существующие в данном государстве правовые нормы настолько тесно связаны между собой, что их действие друг без друга невозможно. Правовые нормы соединены в единый сложный нормативный механизм правового регулирования. Выражением системности права являются его

основательно вдуматься в него, достижение фундаментальной важности. Он позволяет, не ограничиваясь внешним обзором права, заглянуть в глубинные, тончайшие, потаенные особенности права, его развития, действия. Хотя современное российское общество, уже три десятилетия ни то, что советское общество, этот чрезвычайно важный вывод сохраняет свое значение и сегодня. Возможно, кем-то это будет воспринято как дерзость, но здесь, представляется, возможны и необходимы уточнения.

Некоторые воспринимают приведенные качественно специфические стороны права как полный набор всех его свойств. На самом же деле, думается, это ни так. У права свойств больше. Не случайно сам С. С. Алексеев обозначенные им свойства права именуется первичными. Если у права существуют первичные свойства, то, следовательно, могут быть и вторичные свойства. А может быть, еще и ... третичные. Эта проблема, думается, нуждается в более основательном исследовании и в широком обсуждении. В гипотетическом плане укажем на некоторые свойства права, которые отличаются от обозначенных С. С. Алексеевым первичных свойств его.

В функциональном отношении, думается, свойством права является то, что оно – **регулятор** общественных отношений, и как таковому ему присущи определенные функции и связанные с ними функциональные характеристики. Например, дисфункциональность, коллизийность, пробельность и др.

Изучение права очень скоро приводит к выводу, что оно представляет собой структурно организованную систему. Думается, **структурность** права и **способность** этой структуры к **преобразованиям** – это тоже свойства права.

Право **способно к переходу от одного состояния в другое**. Право, зарождаясь вначале в головах наиболее продвинутых членов соответствующего общества как некая идея, затем, по мере углубленной разработки ее (идеи права), трансформируется в принципы и нормы, облакаемые в определенные формы, принятые в том или ином обществе и его государственности. Далее, по мере все более конкретизированного предметного развертывания правового регулирования общественных отношений, принципы и нормы трансформируются в **правоотношения**, где существенны «субъективное право» и «юридическая обязанность». Наконец, право трансформируется в реальность, **одушевляясь** в конкретных правовых поступках и **овеществляясь** в материальных благах, имущественных ценностях. При всем этом, несмотря на пребывание права в различных состояниях, подлинное право, тем не менее, нигде не изменяет своей первосути. Всяду настоящее право остается правом – мерой свободы, обремененной ответственностью, искусством добра и справедливости. Удивительная способ-

структура и прежде всего деление юридических норм на отрасли и институты». (Алексеев, 1972: 22). В последующем эта тема получила развитие в целом ряде других его замечательных работах, не свободных, однако, от дискуссионных моментов.

ность права переходить из одного состояния в другое, на наш взгляд, также свойство права.

К свойствам права, думается, относится и *способность* права *взаимодействовать с другими социальными регуляторами*: религией, моралью, политикой и т. д.

В устойчивых и поступательно развивающихся обществах между правом и другими социальными регуляторами могут складываться гармоничные отношения. Однако если социум не таков, склонен к недостаточно мотивированным переменам, то между правом и другими социальными регуляторами могут возникать достаточно острые, трудноразрешимые и даже неразрешимые проблемы. В плане содержания и формы, надо сказать, право, взаимодействуя разными способами с другими социальными регуляторами, под влиянием различных факторов (экономических, политических, культурных и т. д.), развивается и изменяется. Но в своей первосути оно всегда одно, неизменно и постоянно. В этом смысле право весьма специфический феномен. В главном, в первосути оно – некая константа.

Право, выявляя, охраняя, защищая все то, что ценно человеку и обществу, если они ориентируются на культуру и благоденствие в самом широком значении этих слов, может и само развиваться. С этим, представляется, связано еще одно свойство права – *преemptивность*, которая отличается, с одной стороны, от рецепции права, а с другой – от правовой аккультурации.

Таким образом, все свойства права не сводятся к его первичным свойствам. При углублении в предмет можно указать и на другие свойства права, в частности, на функциональность и структурированность права, способность к преобразованиям и превращениям, способность существовать в мире объективного и в мире субъективного, идеального и материального, etc.

В советское время было принято различать социалистическое право и буржуазное право. При этом отстаивалась, что буржуазное право эксплуататорское и недемократическое, а социалистическое право антиэксплуататорское и демократическое. Вместе с тем многие идею об «отмирании» государства распространяли и на право, полагая, что право, как и государство необходимы лишь при социализме, а при коммунизме никакой необходимости в них не будет. Критикуя, следуя традициям официальных идеологов высших советских партийно-государственных властных структур, буржуазное право и государство (доктрину господства права, концепцию правового государства), С. С. Алексеев, доказывал, что социалистическое право, в отличие от буржуазного права, столь высокая социальная ценность, что по мере движения советского общества к коммунизму роль и значение его будут возрастать. Государство, полагал он, действительно отомрет; оно будет заменено системой коммунистического самоуправления. Но право, обосновывал он, сохранит свое значение даже при коммунизме. Сегодня эта идея

не популярна. Она отвергается (не всеми, однако) как коммунистическая утопия.

Право ценно само по себе. Вместе с тем ценность его может обедняться, выхолащиваться, дискредитироваться, но может и обогащаться, возвышаться, все более утверждаться. Все зависит от того для отстаивания каких социальных ценностей обращаются к праву.

Буржуазное право и социалистическое право не обладают тем статусом высокой социальной ценности (в теории и на практике обе эти системы, уклоняясь в разной степени в ту или иную сторону от первосути права, исповедуют односторонне волонтаристские идеи)⁶, что то право, которое в первосути одно, постоянно и неизменно. Это право – **гуманистическое право**. Гуманистическое право – и в нормативности, и в ненормативности (персонафицированности, индивидуализированности)⁷ – живое право, одушевленное и овеществленное. Вбирая в себя ценностные свойства права как такового, гуманистическое право постепенно открывается для человека и общества своими лучшими сторонами, благодаря самому человеку и обществу, народной государственности (народному самодержавию!). Тем самым оно способствует очеловечиванию человека и проблемного общества и его государственности, полнее, справедливее, надежнее и эффективнее обеспечивая свободу и порядок, добро и справедливость как блага, всеобщие блага. Гуманистическое право ориентировано на реальность в противовес химерическому, издержкам виртуального. Оно выступает за полезное в противовес вредному, негодному, бесполезному; за достоверное в противовес сомнительному; за точное в противо-

⁶ Тем не менее обеим этим правовым системам присущи и гуманистические начала, благодаря которым они несколько сблизились. Отсюда – концепция конвергенции. Но эти гуманистические начала, отчасти присущие обеим правовым системам, в принципе социальным антиподам, наиболее полное воплощение получают лишь в гуманистическом праве. По мысли С. С. Алексеева, «концепция права, отвечающая требованиям современного гражданского общества, – это *философия правозаконности*, или, что то же самое – *гуманистического права*, которое призвано *господствовать, править в обществе*». (Алексеев, 2002: 394). Интересна мысль Альберта Швейцера (1875–1965) – выдающегося мыслителя XX века. Он писал: «Юристы допустили упадок права и нравственности. Но они здесь ни при чем. Просто в мышлении их времени отсутствовало представление о том, на чем должно базироваться живое понятие права. Право стало жертвой отсутствия мировоззрения, и лишь на почве нового мировоззрения оно сможет возродиться. Оно должно вытекать из некоего основного представления о нашем отношении ко всему живому как таковому из никогда не иссякающего и никогда не загрязняющего источника. Таким источником является благовение перед жизнью». (Швейцер, 1992: 90).

⁷ С этой точки зрения значительный интерес представляет монография Валентина Валентиновича Ершова «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений» (Ершов, 2018), в которой содержатся заслуживающие внимания и анализа, по терминологии автора, научно дискуссионные и научно обоснованные положения, концепции.

вес смутному; за организующее, созидательное начало в противовес разрушительному⁸.

Сегодня на международном уровне начала гуманистического права представлены в Уставе ООН, во Всеобщей хартии прав и свобод человека и гражданина. А в национальных государствах – в конституциях (правовых универсалиях), если они, с одной стороны, соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права и ратифицированным международным договорам, а с другой – гарантируют национальным государствам суверенитет, безопасность, свободное развитие гражданам в координатах гуманизма и демократии. «В демократическом гражданском обществе с развитой юридической системой главенствующая роль принадлежит гуманистическому правопониманию. В основе всех законоположений современного демократического общества – один стержень, одна «душа» – основополагающие гуманистические начала, верховенство человека, приоритет в жизни общества природных прав и свобод человека», – писал С. С. Алексеев в крутые 90-е годы прошлого века, переосмысливая свое творчество советского периода, с точки зрения собственно права, гуманистического права, концепции правозаконности (Ершов, 2018).

В. А. Толстик и Н. А. Трусов, находя, что правом должно признаваться любая норма, установленная или признанная государством, независимо от того соответствует ли оно каким-либо ценностям, приходят к выводу, что необходимо различать сущность и содержание права. Сущность права как особой разновидности социальных норм они видят в его производном характере от государства (государственной воли). Под содержанием же права понимают «нормы права, в которых выражается воля субъекта правотворчества, обусловленная интересами доминирующей социальной группы либо компромиссным интересом стратифицированного социума». При этом Владимир Алексеевич и Николай Александрович убеждены, что «борьбе за содержание права не будет конца» (Толстик, 2008: 20, 32, 44, 45). С последним положением трудно не согласиться. Это – правда. Воистину так. Еще в 1907 году Леон Дюги писал: «...в свободной стране нет *raison d'Etat* ... никто ни выше, ни ниже права ... деспотизм одинаково ненавистен, проистекает ли он от монарха, от отдельного класса, от избранного парламента, или от избирательного корпуса ... долг всех бороться против деспотизма и особенно старательно его предупреждать... все должно быть делаемо по праву и для права» (Дюги, 2013: 11). Еще лучше – по гуманистическому праву и для гуманистического права!

⁸ В этом смысле гуманистическое право – позитивизм, который, однако, при правильном развитии не противоречит учению о возрожденном естественном праве применительно к современным социальным условиям. Более того, лишь в рамках гуманистического права открывается возможность для согласованного развития позитивизма и естественного равна.

Библиографический список

1. Чубайс Игорь. От Русской идеи – к идее Новой России. Как нам преодолеть идейный кризис. М.: Издательство «ГИТИС», 1996. 104 с.
2. Денисов С. А. Развитие российского общества и бюрократический характер отечественного государства. // Феноменология государства. Сборник статей. Выпуск 2. Государство и гражданское общество. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор В. А. Четвернин. М.: Институт государства и права РАН, 2002. 195 с.
3. Циолковский К. Э. Воля вселенной. Москва: Издательство АСТ, 2019. 512 с.
4. Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 427 с.
5. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2018. 48 с.
6. Берг Л. Н. Правовое воздействие: инструментальный подход: Монография. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2019. 216 с.
7. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит-ра, 1971. 218 с.
8. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Том первый. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 396 с.
9. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – 2-е изд., переаб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2002. 608 с.
10. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Пер. с нем. / Сост. и посл. А. А. Гусейнова. Общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. М.: Прогресс М., 1992. 576 с.
11. Ершов В. В. «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений». М.: РГУП, 2018. 628 с.
12. Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права: Монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. 202 с.

Venir K. Samigullin
Doctor of Law
Professor

Professor of the Department of Constitutional Law
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
e-mail: svk_02@mail.ru

SOCIAL VALUE OF THE RIGHT IS NOT LIMITED TO ITS PRIMARY PROPERTIES

Abstract: the topic proposed by the organizers of the conference as *materia tractanda* is vast and multifaceted. In it, this, and that, and another is important. In the end, everything

matters. But it is impossible to grasp the immensity. Therefore, the author focuses on only one issue – on the properties of law. In his opinion, this question in the spirit of the theme of the conference in theoretical terms and in practical terms is quite relevant and significant.

The article defends the position that S. S. Alekseev on the primary properties of law (consistency, normativity, formal certainty, dynamism, compulsion) – the achievement of fundamental importance. But, in the opinion of the author of this article, the properties of law are not limited only to them. In a hypothetical plan, other qualities of law are also indicated, which can also be designated as its properties. So, in his opinion, the properties of law are also the functionality and structuredness of law, the ability to transform and transform, the ability to exist in the objective world and in the subjective, ideal and material world, etc.

According to the author, all socially valuable qualities of law are revealed most fully in humanistic law, the struggle for which was bequeathed to S. S. Alekseev. Humanistic law – both in normativeness and in non-normativeness (personification, individualization) – is living law, animate and materialized. By absorbing the value properties of law as such, humanistic law is gradually opening up for a person and society with its best sides, thanks to the person and society himself, and democratic statehood. Thus, it contributes to the humanization of a person and the democratization of a problematic society and its statehood, more fully, fairly, more reliably and more efficiently ensuring freedom and order, good and justice as blessings, universal blessings. Humanistic law is focused on reality as opposed to the chimerical, costs of the virtual. It stands for the useful as opposed to the harmful, useless, useless; for the reliable as opposed to the doubtful; for the exact as opposed to the vague; for an organizing, creative principle as opposed to a destructive one.

Keywords: law, property; social value, humanism; wrestling.

УДК 340.132.85*342.72

Иван Владимирович Тепляшин
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического института
Красноярского государственного аграрного университета,
Красноярск, Россия
e-mail: ivt-sl@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА: СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

Аннотация: в советской юридической доктрине вопросы эффективности правовой деятельности граждан рассматривались в достаточной мере и служили основой для методологического и прикладного развития исследуемых правовых категорий и институтов. Статья раскрывает отдельные аспекты эффективности участия граждан в управлении делами государства, учитываются особенности права и демократии в период общенародного социалистического государства и развернутого социализма.

Ключевые слова: эффективность, демократия, гражданское общество, социалистическое право, законность, юридическая доктрина.

Советская правовая действительность характеризовалась особенностями и различными оттенками социально-правовой жизни общества. В период общенародного социалистического государства и развернутого социализма граждане реально участвовали в управленческих отношениях на государственном уровне. Получают свой методологический и критический анализ состояние политических прав граждан, их творческие инициативы, практика участия в правотворческой и иной правовой деятельности; осуществляется соотношение индивидуальной и общественной воли, сознания людей, влияния демократических процессов на законность и правопорядок в стране (Керимов, 1960: 58–151); исследуется советское государство, его развитие и демократическое совершенствование в контексте содержания и значения в управленческих процедурах таких категорий как правовая культура, правовые установки, правосознание, законные интересы граждан, их самостоятельность, находчивость, правовые интересы и стремления, чувство долга, дисциплинированность и гражданская ответственность, а также правовой нигилизм, общественные противоречия между государством и личностью, столкновение интересов государства, общества, личности (Чхиквадзе, 1978:33–39).

В свою очередь советские граждане принимали непосредственное участие в управлении делами государства, вносили свой вклад в законотворчество и формирование правовых решений со стороны органов власти. При этом законодатель закреплял различные формы участия граждан в управленческих отношениях, взаимодействии с государственными структурами. К таким формам относились: демократические выборы, народный контроль, формирование и деятельность различных общественных организаций, участие в охране общественного порядка. Особое место занимали наказания депутатам всех уровней, институт отзыва депутатов, работа в судах народных заседателей, общественных обвинителей и защитников, деятельность товарищеских судов. Стоит обратить внимание на то, что, начиная с 60-х гг., стали активно формироваться самые различные общественные организации. Продуктивной выступала правовая деятельность, связанная с привлечением граждан и их объединений к работе местных советов. Активно использовалась помощь комсомольских и иных организаций, формировались внештатные отделы, в отдельных случаях на общественных началах работали как сами председатели исполнительных комитетов местных советов, так и их заместители, формировались иные формы взаимодействия населения с депутатским корпусом. При этом юридическая наука в этот период приступает к системному и детальному анализу деятельности граждан и общественных объединений в работе государственного аппарата и отдельных органов власти (Ямпольская, 1961), определении ключевой роли социалистического права в организационных процессах и совершении управленческих решений с широким участием общественных структур, установлении объема и содержания юридических возможностей субъектов общественных отношений в управлении делами государства, понимании результативности претворения решений в жизнь общества (Алексеев, 1974).

Стоит отметить, что эффективность участия граждан в управленческой деятельности рассматривалась в самых различных аспектах и понималась как результативность взаимодействия государственных и общественных структур, полезность деятельности последних, фактическое воплощение прав и свобод граждан, социалистических идей в жизнь общества и государства. Хотя в практическом преломлении на всех последующих периодах истории советского государства сами граждане относились к указанным механизмам общественного управления показательно: от признания и активной включенности в данные процессы до формирования безынициативной позиции и утраты к ним интереса.

Эффективность как качество правовых явлений в научных исследованиях советского периода первоначально рассматривалось применительно к практике функционирования правового регулирования в социалистическом обществе. Эффективность устанавливалась по отношению к отдельным

звеньям (стадиям) правового регулирования: правотворчеству, толкованию права, реализации права и правоприменительной деятельности. Например, указывалось, что применительно к советскому правотворчеству эффективное правовое регулирование предполагает своевременное обнаружение возникающих возможностей, определение их зрелости, развитости, обоснованности для перехода в действительность и при наличии таковой изучение путей, средств, методов их практической реализации при непосредственном учете правовых взглядов людей, заинтересованных в адекватном отражении объективного процесса в своем сознании (Керимов, 1960:143–144). В свою очередь, В. В. Лазарев исследовал соответствующие подходы к определению эффективности правоприменения, включая в орбиту анализа правоприменение и правоприменительные акты. Говоря о критериях эффективности правового регулирования со стороны должностных лиц и иных субъектов, наделенных императивно-властными полномочиями, указывались многие показатели. Среди них: соответствие правоприменительного акта основанию его принятия, взаимное соответствие фактических и юридических последствий акта, определение социальной ценности (как статистики объекта) при осуществлении и формировании результата правоприменения (как динамики объекта), получении воспитательного эффекта в ходе правоприменения, степень гарантирования прав и интересов субъектов правового общения (Лазарев, 1975:38, 53–55, 65–66, 86–89).

При этом, как видно, понятие эффективности в данный период развития юридической науки устанавливалось в широком и узком понимании. В первом случае эффективность соизмерялась целью (задачами) и результатами (формируемой практикой). Во втором случае в систему определения эффективности вкладывались не только данные показатели, но и издержки, затраты (главным образом материальные, организационно-правовые, временные), связанные с достижением соответствующего результата, экономичность правовой деятельности, получение социального и правового эффекта. Также указывалось на необходимость разведения понятий социальной ценности, эффективности, полезности, экономичности, рациональности правового регулирования, обращалось внимание на то, что в основе каждой из этих оценочных категорий лежат качественно разнородные показатели, которые невозможно выразить в сопоставимых единицах. При этом сторонники данного подхода допускали взаимосвязь различных свойств правового регулирования, их синтезированное рассмотрение и использование для оценочных целей. И все же такое оптимальное, комплексное свойство правового регулирования не представлялось свести к единому синтетическому показателю, поддающемуся точному измерению (Варламова, 2009:217–218).

При этом использовались логико-математические и социологические подходы измерения эффективности правовой деятельности, устанавливались

показатели, факторы, результаты правовых явлений. Например, для определения эффективности действия правовой нормы предлагалась следующая формула:

$$C = (A + B) / K, \text{ где:}$$

C – показатель эффективности правовой нормы,

A – результат действия нормы права,

K – производственные затраты (издержки).

Применительно к формуле отмечалось, что решение вопроса об эффективности нормы права связано с проверкой обоснованности цели нормы права и предусмотренного ею общеобязательного масштаба поведения. Такая проверка особенно необходима в случаях, когда цель нормы достигается, а социально полезного результата нет, и когда предусмотренный нормой масштаб поведения в основном соблюдается, а цель нормы не достигается (Пашков, Явич, 1970:44–45).

Предварительно можно констатировать, что сформированная концепция эффективности правового регулирования положена в основу результативности любой формы правовой деятельности, правовых явлений в целом. Именно механизм правового регулирования как система правовых средств, реализуемых в непрерывном межотраслевом развитии, с непосредственным учетом воли и интересов общества, позволяющих достигать цели, которые ставит законодатель (Алексеев, 1966:14–15, 36–37), выступает первичной моделью для дальнейшего формирования концепции эффективного действия права, участия субъектов политической системы общества в осуществлении конкретных задач.

Основываясь на исходных началах института эффективности правового регулирования и правовых явлений в советской юридической науке рассматривались вопросы реальности общественного представительства, функционирования социалистической демократии, деятельности общественно-политических институтов. Можно указать на следующие подходы и формы понимания и установления параметров эффективности участия граждан и их объединений в управлении делами советского государства.

1. Развитость законодательства, предоставляющего гражданам право участвовать в правотворческой деятельности государства, правосудии, обеспечении правопорядка. Участие граждан и объединений в управлении делами государства закреплялось в советском законодательстве. Так, в 50–80-е гг. действовали такие нормативные правовые акты как: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02 марта 1959 года «Об участии трудящихся в охране общественного порядка», Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 года «Положение о товарищеских судах», Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 года «О дальнейшем совершенствовании деятельности товарищеских судов» и др.

Законодатель развивал институт народного контроля в отношении которого были приняты: Закон СССР от 9 декабря 1965 года «Об органах народного контроля в СССР», Закон СССР от 30 ноября 1979 года «О народном контроле в СССР». Кроме этого, Конституция СССР 1977 года закрепляла право участвовать во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов (ст. 48), право внесения в государственные органы и общественные организации предложений об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе (ст. 49), право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов (ст. 58). Представленное разнообразие советских нормативных правовых актов говорило о серьезном отношении законодателя к вопросам развития политической активности граждан и гарантий их самостоятельности, формировало устойчивую нормативную модель участия граждан в управленческих отношениях.

2. Государство уделяло соответствующее внимание гражданским инициативам и способствовало фактической общественной деятельности в области правопорядка и законности. В исследуемый период граждане принимали меры по предупреждению преступлений, сообщая органам милиции и прокуратуры о готовящихся преступлениях, оказывали помощь розыске преступников, ценностей и имущества, выявлении потерпевших и свидетелей, проводили профилактические беседы (Стрёмовский, 1961:111–114). В 1966 году образовано союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР, формировались и действовали добровольные народные дружины (бригады, группы), товарищеские суды, комитеты, группы и посты народного контроля. Присутствовала широкая практика участия общественности в осуществлении исправительно-трудовой политики. В этой области создавались наблюдательные комиссии, попечительские советы, формировался механизм шефствования над исправительно-трудовыми учреждениями со стороны предприятий, колхозов, комсомольских и профсоюзных организаций. Общественники получили право применять меры наказания и поощрения, вносили предложения относительно досрочного освобождения осужденных. Предлагались меры, направленные на совершенствование механизма общественного участия в пенитенциарной системе за счет передачи материалов дела на рассмотрение товарищеского суда, передачи виновного на поруки коллективу трудящихся (Виттенберг, 1980:75–77). В сфере профилактики правонарушений, перевоспитания осужденных осуществлялась деятельность наблюдательных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних при исполкомах Советов народных депутатов, советов общественности. В рамках правотворческой и правоприменительной деятельности оказывалась планомерная методическая, организационная, информационная помощь гражданам и их объединениям. Например, были приняты: Постановление

Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1959 года «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями», Положение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка (утв. Бюро ЦК КПСС и Советом Министров РСФСР в марте 1960 года), Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 мая 1974 года «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка». Посредством реализации положений данных документов осуществлялось правовое воспитание граждан, формировалась их правовая культура и правосознание, повышалась результативность их общественной деятельности в профилактике и борьбе с преступностью и нарушениями требований закона. При этом юридическая доктрина обобщала опыт творческого и инициативного участия граждан в борьбе с нарушениями советского правопорядка, профилактике правонарушений, устанавливала роль системы стимулов и поощрений в формировании ценностно-мотивационной структуры правосознания общественника, участвующего в борьбе с преступностью, вырабатывались критерии и показатели инициативности и систематичности деятельности добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности (Ягофаров, 1991).

3. Характеристика социально-правового портрета советского гражданина. Предметом анализа выступали социально-правовые характеристики личности: морально-этические качества, образ жизни, следование советским традициям, партийность, политические взгляды, участие в общественной работе пр. В специальной литературе справедливо подчеркивается, что в советской юридической науке особое внимание обращалось на стимулы и мотивы в психике человека, отмечалось влияние этих составляющих на правовое поведение личности и формирование обособленного «психологического механизма» в правовом регулировании, тем самым, подчеркивая многоаспектность описания системы (Семитко, 2019:120). Системному анализу подвергалась правовая активность личности, как категория, вбирающая все качества советского гражданина (социальные, правовые, политические), сопряженные с заинтересованностью и инициативой в реальном движении к определенным социально-правовым идеям и действительности. Правовая активность характеризовалась как обусловленное правовой возможностью субъективное отношение и внутренняя психологическая готовность к правомерной, самодеятельной, интенсивной деятельности, направленной на достижение юридического результата, выражающего единство общественных и личных интересов со стороны субъектов правоотношений (Шафилов, 1979: 6). Указанные качества правового мышления и правовой деятельности личности влияли на объективную оценку гражданами своих возможностей в управленческих отношениях, реальное участие в демократических, общественных, трудовых,

новаторских. производственных мероприятиях, выступая дополнительным показателем эффективности правового регулирования в соответствующих сферах общественных отношениях.

4. Участие граждан в демократических механизмах. Признавалось, что социалистическая демократия, широкое участие народа в управлении государством обеспечивали процесс укрепления законности в советском государстве, создавало условия для понимания гражданами общих и локальных параметров демократических процедур (Строгович, 1966:37). Так, законодатель помимо демократических выборов, которые, как известно, характеризовались крайне высоким показателем активности избирателей, закреплял возможность реализации таких демократических средств, как наказы избирателей, обращения граждан в органы власти, заслушивание отчетов выборных должностных лиц, встреч с депутатским корпусом, обсуждение проектов правовых актов. Стоит отметить, что юридическая наука исследовала механизмы эффективности участия трудовых коллективов, профсоюзов, комитетов ВЛКСМ в формировании органов управления и выборах должностных лиц на конкретных производственных объектах, в подготовке и принятии управленческих решений, контроле за деятельностью администрации хозяйствующих государственных предприятий, обобщая таким образом практику широкого и повсеместного участия трудящихся в деятельности предприятий, организаций, учреждений (Сидорова, Свистунова, 1976:70–72).

5. Особого внимания заслуживает участие граждан в правоприменительной деятельности. В юридической литературе 1950-х гг. развернулась серьезная дискуссия относительно возможности применения права не только государственными органами и должностными лицами, но и негосударственными (общественными) структурами. Конечно более распространенной выступила позиция, согласно которой правоприменительную деятельность и, следовательно, вынесение правоприменительного акта, вправе осуществлять органы государственной власти. Тем не менее указывались примеры правоприменительной деятельности со стороны общественных организаций и коллективов, а также самих граждан (Строгович, 1966:51–54). Ученые приводили такие примеры как: назначение пособия по государственному социальному страхованию профсоюзным органом; отзыв избирателями народного судьи, не оправдавшего их доверия; решение товарищеского суда и т. п. (Лазарев, 1975:49). Отдельные исследователи также признавали возможность издания норм права и правовых предписаний собственно общественными организациями (Корельский, 1963:101–104). Констатируем: правоприменительная деятельность общественных объединений и групп в социалистических правоотношениях носила скорее ситуационный, локальный характер, осуществлялась лишь в отдельных сферах государственной жизни и являлась некоторым резервом для включенности граждан в реальные императивно-властные

процессы. Тем не менее можно говорить, что участие граждан в управленческих процессах так или иначе соприкасалось с правоприменительными действиями, что в определенной мере способствовало интеграции юридической доктрины и теоретико-отраслевых идей в практическую плоскость демократической практики.

Стоит отметить, что советская юридическая доктрина устанавливала самые различные критерии эффективности правовой деятельности граждан в управленческих отношениях. Основными выступали: достижение поставленной цели и задач; полученный социально-правовой и организационно-управленческий результат; затраты временного, материального и иного характера; модель правового поведения личности; степень вовлеченности граждан и общественных объединений в управленческие отношения; уровень социально-идеологического и социалистического мышления личности и др. При этом комплексность этих критериев показывает возможность их методологической и научной оценки в пределах вариаций правовой действительности, типа государства, состояния законодательства.

В итоге сформированная советская концепция эффективности участия граждан в управлении делами государства обладает определенным научным потенциалом, способна выступить основой для развития представленного института в современных политико-правовых условиях. Выработанные идеи и предложения со стороны советских юристов остаются перспективными и актуальными с учетом текущих особенностей развития гражданского общества, правового государства и состояния управленческих отношений.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
2. Алексеев С. С. Право и управление в социалистическом обществе (общетеоретические вопросы) // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 13–21.
3. Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. 212–232.
4. Виттенберг Г. Б. Совершенствование законодательства о наказании // Советское государство и право. 1980. № 6. С. 72–79.
5. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. – М.: Юридическая литература, 1960. – 223 с.
6. Корельский В. М. О характере норм, создаваемых общественными организациями // Советское государство и право. 1963. № 9. С. 101–104.
7. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). – Казань: Издание казанского университета, 1975. – 207 с.
8. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

9. Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 114–126.

10. Сидорова О. П., Свистунова М. А. Повышение эффективности участия трудящихся в управлении // Советское государство и право. 1976. № 3. С. 69–74.

11. Стремовский В. А. О формах участия общественности в расследовании преступлений // Советское государство и право. 1961. № 7. С. 111–114.

12. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. 252 с.

13. Шафилов В. М. Правовая активность граждан в развитом социалистическом обществе (общетеоретические вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1979. 13 с.

14. Ягофаров Д. А. Правовая активность личности в профилактике правонарушений: сущность, особенности, стимулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1991. 19 с.

15. Ямпольская Ц. А. Основные черты общественных организаций в СССР в современный период // Советское государство и право. 1961. № 9. С. 37–46.

Ivan V. Teplyashin

PhD in Law, Senior lecturer,

Head of Theory and history of state and law chair of Law Institute

of Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: ivt-sl@yandex.ru

THE EFFECTIVENESS OF CITIZENS' PARTICIPATION IN STATECRAFT: SOVIET IMPLEMENTATION AND LEGAL DOCTRINE

Abstract: in the Soviet legal doctrine, the issues of the effectiveness of the legal activities of citizens were considered satisfactorily and served as well as the basis for the methodological and applied development of the studied legal categories and institutions. The article reveals certain aspects of the effectiveness of citizens' participation in statecraft, considers the features of law and democracy during the period of the nationwide socialist state and expanded socialism.

Keywords: effectiveness, democracy, civil society, socialist law, legality, legal doctrine.

Илья Геннадьевич Федин
магистр права, аспирант кафедры теории
и истории государства и права
Алтайского государственного университета
Барнаул, Россия
e-mail: fedinig@mail.ru

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: в статье делается попытка раскрыть правовую сущность категории добросовестности и рассмотреть исторический генезис одноименного принципа в российской правовой культуре. В отличие от предшествующих исследований в этой области, автор предлагает оригинальный подход к пониманию исторического развития добросовестности в отечественном правоведении. В работе обосновывается уникальность и особая значимость принципа добросовестности для правовой культуры страны.

Ключевые слова: совесть, добросовестность, *bona fides*, принцип, правовая культура.

В настоящее время, когда моральные основания права придают острокризисную ситуацию перед Российской Федерацией стоит задача формирования полноценного гражданского общества путем развития права. Одним из факторов укрепления правовой системы в таких условиях является развитие в отечественном законодательстве традиционных регуляторов. К числу последних относится активно развивающийся на сегодняшний день во всех отраслях российской системы права принцип добросовестности.

Несмотря на огромное множество правовых исследований, посвященных рассмотрению принципа добросовестности, науковедческий анализ соответствующей категории в рамках отечественной правовой культуры не производился, поскольку данный принцип принято рассматривать исключительно как концепт, вытекающий из древнеримского *bona fides*. Так, в одном из исследований, касающихся добросовестности, Л. А. Ломакина указала, что «категория добросовестности исторически уходит своими корнями в римское право (*bona fides*)...» (Ломакина, 2015: 66). Это предопределяет необходимость постановки и рассмотрения вопроса вынесенного в название доклада.

Как следует из понятия «добросовестность», оно является составным из понятий «добро» и «совесть». И если понятие «добро», которое, согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, следует понимать как все хо-

рошее и полезное (Ожегов, 2006: 165), не вызывает затруднений при поверхностной референции, то слово «совесть» является более сложным для характеристики.

По толковому словарю В. И. Даля в понятии «совесть» среди прочих признаков, необходимо выделять такие черты, как внутреннее сознание добра и зла; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития (Даль, 2002: 515–516). Таким образом, сравнивая понятия «совесть» и «добросовестность», необходимо констатировать, что совесть, как определенный механизм, даже без явной ссылки на другие понятия, содержит в себе необходимость оценки волевых актов на предмет их соответствия концепту «добро». Полностью идентично следует характеризовать и понятие «добросовестность», как уже содержащее в себе ссылку на понятие «добро», и предопределяющее его учет в рамках совестных актов. Следовательно, понятие «добросовестность» и понятие «совесть» являются тождественными. Использование же в категории «добросовестность» ссылки на концепт «добро» обосновывается одним из сложившихся в российской культуре подходов к допустимому использованию данных понятий в рамках одной смысловой единицы.

Исходя из изложенного, в дальнейшем в рамках настоящего исследования генезиса соответствующего концепта в российской правовой культуре, понятия «совесть» и «добросовестность» будут использоваться как синонимичные категории.

Нормы, определяющие добросовестное поведение как наиболее приемлемую форму общественной коммуникации, складывались на Руси в течение длительного времени, и берут свое начало из древности. Известным является то, что одним из признаков норм-обычаев является регулирование ими наиболее устойчивых общественных отношений на протяжении длительного времени (Право в системе социального регулирования). Вместе с тем, как указал В. М. Баранов, «нормы правового обычая нередко выражаются в пословицах, поговорках, афоризмах, обрядах» (Баранов, 2003: 269). Следовательно, древнюю историю формирования тех или иных правил поведения можно отследить через пословицы.

Применительно к рассматриваемому концепту исторические особенности отношения к нему со стороны общества определяют следующие пословицы: «Хоть мошна пуста, да совесть чиста»; «Добрая совесть злему ненавистна»; «Добрая совесть любит обличение»; «Злая совесть стоит палача»; «Совесть без зубов, а грызет»; «Волосом сед, а совести нет». Перечисленные пословицы показывают, что в архетипе русского правосознания с древних времен запечатлен ряд правил, указывающих на истинно добросовестное поведение как естественное для человеческих отношений.

Памятники древнего правотворчества не обнаруживают актов, регулирующих вопросы, связанные с совестью. Но в дальнейшем соответствующие акты, по мере приближения к современности начинают получать свое развитие. Одно главных наставлений памятника XVI века – «Домострой», адресованных домочадцам, звучит следующим образом: «Следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божию и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии...» (Пилипов). Это положение указывает на то, что необходимость в принуждении к совестливому поведению все еще отсутствовала.

Несмотря на ярко выраженные в правосознании русского народа ориентированные на добросовестность черты национального характера, в дальнейшем в связи с постепенной трансформацией сложившегося уклада и копированием западных образцов законодательного регулирования, одноименный принцип получает свое постепенное развитие в российском законодательстве. Так, изданный в 1832 году Свод законов Российской Империи уже содержал статьи со ссылкой на добросовестность. Например, в статье 1538 и статье 1539 данного нормативного акта добросовестность фигурирует в качестве основания для толкования сделки¹. В дальнейшем, тенденцию к формализации права и отклонения законодателя от традиционных взглядов на добросовестности отразил отказ от «Суда совести» в 1866 году (Разумов, 2014: 159–160). Таким образом, генезис принципа добросовестности в российском праве показывал противоречивые тенденции. С одной стороны, традиционный образ хозяйственных отношений в России требовал опираться на совесть, что исключало необходимость нормативной регуляции соответствующих секторов отношений, с другой – законодатель, компилируя западные образцы правового регулирования, стремился к повсеместному внедрению в законодательство принципа и конструкций, которые стало принято переводить понятием русского языка «добросовестность». При этом необходимо иметь в виду, что указанная компиляция была необоснованной, так как с иностранных западных языков понятия заимствующихся конструкций, традиционно приравниваемые к добросовестности и вытекающие из древнеримского «bona fides», не могли переводиться этим понятием, поскольку, как указывает А. В. Сергеева, будучи специалистом по преподаванию русского языка как иностранного: «Слово «совесть» как отдельная лексема отсутствует в европейских языках, поскольку переводится словом производным от латинского *consentia*, что соответствует русскому «знание» (Сергеева, 2012).

Регрессивной трансформации добросовестности, как категории русского правосознания и развитию одноименной правовой формы, способствует дальнейшее внедрение в традиционное российское право западных идей. В. В. Сорокин, отмечает, что в конце XIX–начале XX вв. в российской

правовой мысли наблюдается крен в пользу западной теории «естественного права» (Сорокин, 2007: 429). И. А. Ильин писал по этому поводу: «Весь внутренний правовой опыт человека начал постепенно мельчать и искажаться. Новое правосознание становилось все менее христианским, все менее религиозным, все более безбожным; религиозный дух и смысл начал все более и более покидать правовую и политическую жизнь... Правосознание разучилось видеть добро и зло, право и несправедливость; все стало условным и относительным, водворилась буржуазная беспринципность и социальное безразличие (Ильин, 2011). Снижение таким образом значимости традиционных регуляторов способствовало развитию принудительных механизмов обеспечения незлоупотребительного правоосуществления.

Говоря о дальнейшем генезисе принципа добросовестности в российском праве, необходимо отметить, что в современной юридической науке, устоявшейся является точка зрения, указывающая на то, что в советский период истории категория «добросовестность» не была распространена и не развивалась на что, например, указывает М. М. Якубчик (Якубчик, 2012: 113). Однако, по нашему мнению, вопреки данной точке зрения, именно в советский период истории России, категория «добросовестность», в силу вышеуказанных причин получила свое развитие.

Так, например, в отличие от ранее существовавшего дореволюционного законодательства, ГК РСФСР 1922 года легально вводит в нормативное регулирование категорию «добросовестность», задействуя ее в регламентации договорных отношений (ст. 43 Кодекса, ст. 197 Кодекса), в регулировании вопросов связанных с истребованием имущества от недобросовестного приобретателя (ст. 60 Кодекса), в упорядочении отношений связанных с возмещением убытков добросовестным и недобросовестным владельцем (ст. 59 Кодекса)². В последующий период категория «добросовестность» также внедрялась в многочисленные законодательные и подзаконные, а также иные правовые акты.

Последующий ход изменений, касающихся добросовестности в отечественном правогенезе, отмечается в связи с событиями 90-х годов XX века, дальнейшим упадком данного морального принципа в рамках правосознания, что на практике выразилось в кардинальном увеличении в обществе разного рода злоупотреблений. Желание законодателя укрепить моральные основы не только хозяйственной жизни, но и иных общественных сфер страны привело к утверждению добросовестности как главенствующего принципа в современном отечественном праве.

Тем не менее на сегодняшний день добросовестность, всеми участниками отечественной правовой сферы без исключения, продолжает необоснованно

¹ Свод Законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1900.

² Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 10.03.2020).

рассматриваться, как заимствованная категория, произошедшая от древнеримского *bona fides*. Это обстоятельство не позволяет изжить множество проблем, связанных с развитием добросовестности в России как преобладающей модели социального поведения, отражающей традиционные взгляды на концепт «совесть», как необходимый аспект надлежащего отечественного социокультурного взаимодействия.

Между тем общемировая культура на сегодняшний день проявляет тенденции, влияние которых на российское право, способствует отдалению национального правосознания от утверждения в нем идеалов «добра» и «совести» и замене их на утилитарные принципы западной культуры.

Такие веяния мировой культуры выражаются и в позициях отечественных ученых, исследующих категорию «добросовестность». Например, А. В. Ульянов считает, что в современный период с устранением идеологических барьеров отпала необходимость наполнения категории «добросовестность» этическим содержанием (Ульянов, 2014: 137). По нашему мнению, такие подходы, в свете сказанного о исследуемом предмете, недопустимы. Перечисленные тенденции намеренной деградации и последующей редукции концептуальных основ российского правосознания «добра» и «совести», указывают на возросшую необходимость противодействия данным процессам посредством воспитания и укрепления указанных нравственных начал путем дальнейшего развития в российской правовой системе принципа «добросовестности».

Как указывает В. Д. Зорькин: «Россия, ее система права все еще находятся в стадии переходного периода. Правовая реформа как необходимое условие этого перехода и дальнейшего развития России предполагает не только реформирование законодательства, судебной системы и других институтов власти, но и трансформацию правосознания – профессионального и обыденного. Будет оправданным утверждение, что главная из реформ, определяющая успех всех остальных, – правовая реформа, итогом которой должна стать соответствующая трансформация правосознания, в России все еще не завершена» (Зорькин, 2008: 451). Народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России (Зорькин, 2008: . 79). Считаем, что коннотация понятия «добросовестность» в праве путем включения в него традиционных смыслов и доктринального обоснования таких процедур является необходимой. Это позволит постепенно «скорректировать» правосознание и сформировать у населения правильное понимание концепта «добросовестность», направив развитие национального права в традиционное русло.

Анализ рассматриваемого принципа, учитывая его многогранное положительное влияние, оказываемое на российское правосознание и право, позволяет охарактеризовать «добросовестность» как национальное достояние, заслуживающее защиты и охраны, как важнейшей ценности, имеющей зна-

чение не только для сохранения и развития подлинной правовой культуры страны, но и для существования российского государства в условиях мировой глобализации.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Теория государства и права: Учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – У / В. И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 576 с.
3. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. / В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2008. 592 с.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
5. Ломакина Л. А. Влияние судебной практики на совершенствование законодательства о дисциплинарной ответственности // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 61–66.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И Скворцова. 25 изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», 2006. 972 с.
7. Филипов В. Так ли плох был домострой: [сайт]. URL: <http://www.12urokovpravoslavie.ru/content/12/10-06.html> (дата обращения: 06.03.2020).
8. Право в системе социального регулирования: Право ньюз [сайт]. URL: https://textbook.news/osnovyi-prava_816/pravo-sisteme-sotsialnogo-114034.html (дата обращения: 12.03.2020).
9. Разумов Е. В. Создание и деятельность совестного суда в казанской губернии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 159–160.
10. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
11. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В. В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. 480 с.
12. Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133–140.
13. Якубчик М. М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 107–115.

Илья Г. Федин
Master of Laws, Graduate Student of the Department of Theory
And the history of the State and the law
Altai state university,
Barnaul, Russia, e-mail: fedinig@mail.ru

PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE RUSSIAN FEDERATION TO LEGAL CULTURE

Abstract: the article attempts to reveal the legal essence of the category of integrity and to consider the historical genesis of the principle of the same name in Russian legal culture. Unlike previous studies in this field, the author proposes an original approach to understanding the historical development of integrity in domestic law. The work justifies the uniqueness and special significance of the principle of integrity for the legal culture of the country.

Keywords: conscience, integrity, bona fides, principle, legal culture.

УДК 340.11

Олег Александрович Шипицин
аспирант юридического факультета
АНО ВО «Гуманитарный университет»
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: aaabbb011@mail.ru

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В УЧЕНИИ С. С. АЛЕКСЕЕВА О ПРАВЕ

Аннотация: в настоящем исследовании поддерживается идея о выделении в научном творчестве С. С. Алексеева двух крупных этапов: советского и постсоветского или специально-юридического и философско-правового, соответствующих советскому и постсоветскому периодам научного творчества. При этом предложенная периодизация и дифференциация научных работ не исключает возможности выделения в них общих (единых) правовых идей, к числу которых предлагается относить подход к роли субъективных прав как выразителям природы и ценности самого права.

Ключевые слова: субъективные права, социальная ценность права, естественное право, философия права, догма права.

В настоящем исследовании поддерживается идея о выделении в научном творчестве С. С. Алексеева двух крупных этапов: советского и постсоветского или специально-юридического и философско-правового (Семитко, 2019: 16), соответствующих советскому и постсоветскому периодам научного творчества ученого. Исследование научных работ каждого из таких периодов по отдельности, а затем их соотношение друг с другом позволяет нам выделить то особенное, что характеризует каждое из них и, что не менее важно, определить то общее, что объединяет результаты творчества ученого в советский и постсоветский периоды, т. е. показывает основные идеи, формирующие базовые положения учения С. С. Алексеева о праве, оставшиеся неизменными с течением времени.

Научные исследования ученого в советский период преимущественно ориентированы на познание и определение права в его строго юридическом значении. С позиции специально-юридического анализа автор отметил, что право представляет собой институциональное образование, объективируемое через законы и другие юридические источники, закрепляющие субъективные права и юридические обязанности, служащие определителем юридически дозволенного и запрещенного поведения (Алексеев, 1995: 118). Закрепление правом субъективных прав и юридических обязанностей позволило автору обобщенно определить его в качестве регулятора общественных отношений,

который устанавливает и повышает степень организованности общественных отношений (Алексеев, 1980: 18). Приведенный подход отражает регулятивную сущность права, которая остается неизменной во всякое время, поскольку выражает собой ключевую функцию права.

Исследуя структуру советского права, ученые выделили категории общих дозволений и запретов, отмечая, что к праву ближайшим образом относятся именно дозволения (Алексеев, 2010: 254), которые с регулятивной стороны представляют собой субъективное право на собственное активное поведение (Алексеев, 2010: 271).

Отмечая, что субъективные права существуют и реализуются исключительно в рамках правоотношения, ученый тем не менее определил их роль за рамками правовой связи субъектов права, выходя при этом на уровень правовой системы в целом. С. С. Алексеев отметил, что субъективные права выражают саму природу права и его ценность (Алексеев, 1982: 114), которые обобщенно можно выразить через следующие тезисы:

1) субъективные права обладают глубоким единством с интересами человека;

2) субъективные права сопряжены с развитием активности и самостоятельности человека;

3) субъективные права устанавливают сферу автономии и свободы человека.

При том, что научное творчество ученого советского периода определяется как исследование права с позиции инструментального, специально-юридического анализа, при котором право как регулятор изучается для целей его применения на практике, приведенная роль субъективных прав представляется очень прогрессивной идеей, базирующейся на непозитивистском понимании права. На данном этапе ученый формулирует идею, которая в последующих его работах получит продолжение в контексте «тайны права», о том, что «право потому и называется правом, что говорит о правах».

Далее на переходном этапе развития российского государства и права, на рубеже XX и XXI вв. начался новый этап научного творчества С. С. Алексеева и второй цикл его сочинений, ориентированных на основательное и ценностное постижение права (Алексеев, 2010: 7). В качестве такого подхода автором определено переосмысление позитивного права через категории духовных ценностей (Алексеев, 2001: 69), которые в преломлении к праву охватываются понятием естественного права. Теперь в объеме понятия права автор все больше ставит акцент на его социальной роли, статусе феномена социальной жизни, социальной ценности и блага (Алексеев, 1995: 160) – посредством таких категорий было развито уже намеченное в советский период широкое понимание права – философский подход, который призван сформулировать его мировоззренческое объяснение и смысл через обобщения высокого уровня (Алексеев, 2013: 415).

Продолжая исследовать структуру права, но уже с позиции новых подходов, ученый обратил внимание на то, что при построении правовой материи еще и реализуется особая логика права (Алексеев, 2009: 238), характерной чертой которого выступает ориентация всех правовых средств на субъективные права в условиях, когда иные категории (юридические обязанности и запреты) приобретают второстепенное значение (Алексеев, 2010: 51). Получается, что благодаря собственной логике правовая материя так «построена» и так «настроена», что само ее существование и функционирование связаны именно с субъективными правами участников социальных отношений – мерой их возможного поведения (Алексеев, 2009: 243). Выявленная логика права усиливает тезис о том, что объективное право потому и право, что говорит о субъективных правах. Так, именно через субъективное право человек реализует возможности и силу своего разума – способность постигать окружающий мир, принимать решения и эти решения претворять в жизнь (Алексеев, 1981: 45).

Как выразился ученый, направленность юридической материи совпадает с общественным прогрессом, т. е. человечество движется от традиционных к демократическим, либеральным цивилизациям (Алексеев, 2009: 248). Цивилизация же трактуется ученым как ступень в развитии, которая наряду со структурными характеристиками отличается нарастающим развитием ценностей и институтов, направленных на обеспечение упорядоченности социальной жизни и свободы человека, т. е. главных показателей социального прогресса (Алексеев, 1991: 5). При этом логика общественного развития предполагает такой вектор движения, при котором право должно занять ключевое и достойное место в жизни людей, став регулятором общественных отношений, отвечающим естественным требованиям и высоким социальным ценностям, но не лишенным принудительной силы. Тем самым ученый определил в качестве ориентира социального и правового прогресса общество, в центре которого человек с высоким достоинством и неотъемлемыми правами (Алексеев, 2009: 292).

Концентрируясь на человеке, его высоком статусе, субъективных правах и интересах, ученый отмечает, что философию права в ее современном виде предопределяет переход от социоцентристской к персоноцентристской правовой культуре (Семятко, 1996: 299). Категория субъективных прав тем самым отражает саму природу права и его ценность действующего права, служит показателем уровня правовой культуры и ориентиром правового прогресса.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. I. М.: Юрид. лит. 1981. 361с.

2. Алексеев С. С. Право развитого социалистического общества // Правоведение, 1980. № 6. С. 15–22

3. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху: монография. 2-е изд., доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. 448 с.

4. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. Том 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 495 с.

5. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 175 с.

6. Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.

7. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. Издательство НОРМА, 2001. 752 с.

8. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II – М.: Юрид. лит. 1982. 360 с.

9. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. 471 с.

10. Семитко А. П. Алексеев С. С.: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе») // Вестник Гуманитарного университета, 2019. № 3 (26). С. 14–55

11. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии, Издательство гуманитарного университета, 1996. 316 с.

Oleg A. Shipitsin
Postgraduate student of
University for Humanities
E-mail: aaabbb011@mail.ru

ROLE OF SUBJECTIVE RIGHTS IN THE TEACHING OF S. S. ALEKSEEV ON LAW

Abstract: this study supports the idea of distinguishing two major stages in the scientific work of S. S. Alekseev: Soviet and post-Soviet or special-legal and philosophical-legal, corresponding to the Soviet and post-Soviet periods of scientific creativity. At the same time, the proposed periodization and differentiation of scientific works does not exclude the possibility of identifying general (single) legal ideas in them, among which it is proposed to include an approach to the role of subjective rights as exponents of the nature and value of law itself.

Keywords: subjective rights, social value of law, natural law, philosophy of law, dogma of law.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Семитко А. П. Сергей Сергеевич Алексеев о социальной ценности права	6
Архипов С. И. С. С. Алексеев о социальной ценности права	26
Бабенко А. Н. Аксиологические подходы к изучению правовых явлений	32
Воропаева К. Е. Особенности правовой культуры молодежи в современной России и в СССР	42
Исаков В. Б. Мудрая рука мастера (С. С. Алексеев в моей жизни)	51
Ковалькова Е. Ю. Цифровые права в контексте правового регулирования	65
Кодан С. В. Произведения С. С. Алексеева как источник изучения истории советской государственности и права (к постановке исследовательской проблемы)	71
Курочкин С. А. Социальная эффективность правовых норм: современные подходы	81
Левитан К. М. Этические проблемы современного юридического образования	88
Малюгин С. В. Учебная дисциплина «История политических правовых учений» в формировании профессионального юридического мышления магистрантов: цели, задачи и особенности реализации	93
Малюгин С. В. Идея права С. С. Алексеева в российской историографии истории политических и правовых учений	106
Модестов С. А., Первалов В. Д., Шерпаев В. И. Государство, право и безопасность: аксиологические аспекты соотношения	117
Овчинников А. И. Правовая теология и ее ценность в постсекулярном мире	140
Плетников В. С., Плетникова М. С. Некоторые проблемы реализации компетентностного подхода в системе высшего юридического образования в условиях цифровизации общественных отношений	148
Пономарева Е. В. Социальная ценность права: от отрицания до реконструкции	154
Пономаренко Е. В. Современный российский правовой гуманизм: от идеи к воплощению	162
Рассохин А. В. Ретроспективный анализ юридического образования во второй половине XIX века в России (теоретико-правовой аспект)	170
Соловьева А. А. Ценностный аспект правоотношения	176
Самигуллин В. К. Социальная ценность права не ограничивается его первичными свойствами	186
Тепляшин И. В. Эффективность участия граждан в управлении делами государства: советская практика и юридическая доктрина	195
Федин И. Г. Принцип добросовестности в российской правовой культуре	204
Шипицын О. А. Роль субъективных прав в учении С. С. Алексеева о праве	211

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

VI Алексеевские чтения

Ответственный редактор
ПЕРЕВАЛОВ *Виктор Дмитриевич*

Дизайн обложки: *А.Н. Ковшова*

Технический редактор: *В.Н. Васильева*
Корректор: *О.С. Говорухина*
Оператор: *Н.С. Орлов*

Подписано в печать 30.11.2021.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 2786.9. Тираж 101.

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.